

11/к
(0/к)
ISSN 0201—7245

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ЗАКОННОСТИ

9

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
научный сборник

ВЫПУСК

9

Основан в 1976 г.

код экземпляра

302417

Харьков
Издательство при Харьковском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»
1982

67. 99(2)

П 78

Проблемы социалистической законности, вып. 9.—
Респ. межвед. науч. сборник.—Харьков: Вища школа.
Изд-во при Харьк. ун-те, 1982.—157 с.

В сборнике в свете решений XXVI съезда КПСС исследуются проблемы совершенствования социалистической государственности, в частности работы местных Советов народных депутатов. Большое внимание уделяется деятельности правоохранительных органов. Освещаются актуальные вопросы хозяйственного, гражданского, уголовного, трудового и международного права, правовой охраны природы и т. д.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: В. Я. Таций (отв. ред.),
М. И. Бару (зам. отв. ред.), Ю. М. Грошевой (отв.
секр.), М. И. Бажанов, Л. Я. Носко, Р. С. Пав-
ловский, А. А. Пушкин, И. Е. Серeda, Н. Н.
Страхов, В. В. Штерн.

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24,
ул. Пушкинская, 77, юридический институт,
тел. 40-41-01.

Редакция гуманитарной литературы

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Выпуск 9

Редактор К. К. Гульи
Художественный редактор В. Б. Мартыняк
Технический редактор Л. Т. Момот
Корректоры Л. А. Ковтун, В. Л. Максименко

Информ. бланк № 6713.
В набор 23.09.81. Подписано в печать 14.01.82.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типогр. № 3. Лит.
аргументы. Вид печати 9,75 усл. печ. л., 10 усл. кр.-отт.,
10 усл. изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 992. Заказ 3339. Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном
университете издательского объединения «Вища школа»,
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Харьковская типография № 13, 310078, Харьков-78,
ул. Артема, 44

П $\frac{11001-010}{М 226(04)-82}$ 425—82 1203000000

Издательство при
Харьковском универ-
ситете издательского
объединения «Вища
школа», 1982

Н. Н. Страх ов, д-р юрид. наук
Харьков

**XXVI СЪЕЗД КПСС О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

XXVI съезд КПСС внес существенный вклад в теорию научного коммунизма, историю социалистического и коммунистического строительства, разработку и раскрытие закономерностей развитого социализма. Коммунистическая партия Советского Союза уточнила и конкретизировала пути и сроки реализации своих программных целей, определила стратегию и тактику на длительный исторический период [3, с. 77]. Выработывая основные тенденции и направления поступательного движения советского общества, съезд также наметил перспективы дальнейшего развития и совершенствования советской социалистической государственности.

Сохраняя верность ленинским принципам государственного строительства, следуя, как указывал Л.И. Брежнев, «ленинским нормам и традициям» [3, с. 69], съезд творчески развил и обогатил их новым содержанием. Тем самым было достигнуто органическое соединение преемственности в развитии советской государственности с выявлением новых черт советской политической системы, характерных для периода зрелого социализма. Съезд особо подчеркнул, что его решения в области государственного строительства вытекают из предшествующего опыта, являются продолжением работы, начатой XXV съездом КПСС, базируются на основных положениях Конституции СССР.

Принятие новой Конституции СССР — центральное событие в развитии советской государственности. В Основном Законе нашли концентрированное выражение «наиболее существенные изменения в экономической, социальной и духовной жизни советского общества, глубокий демократизм общенародного государства...» [3, с. 64]. Конституция СССР дала могучий импульс дальнейшему углублению и совершенствованию социалистической демократии, определила главное направление ее дальнейшего развития. Как отмечал Л. И. Брежнев, «Центральный Комитет КПСС уделял постоянное внимание вопросам развития социально-классовой и национальной структуры советского об-

щества, совершенствованию социалистического образа жизни, нашей государственности и демократии» [3, с. 52]. На идеях и принципах Конституции СССР, на основе тщательного изучения уже накопленного опыта развития общенародного государства основываются и решения XXVI съезда КПСС.

Вступление нашей страны в этап зрелого социализма выдвинуло на первое место проблему планомерного и эффективного управления общественным развитием, прежде всего экономикой страны. Следствием этого явилось наполнение более глубоким содержанием основных созидательных функций Советского общенародного государства. И XXVI съезд КПСС четко определил роль государственного руководства в экономическом и социальном развитии. Его решения обогатили уже известные тенденции, наиболее полно проявившиеся в современных условиях.

Положив начало становлению качественно нового, более высокого типа государственного руководства материальной жизнью общества, Советское государство прошло в этом направлении большой и сложный путь. Впервые в мировой истории оно взяло на себя всю полноту организации народного хозяйства. Уже в эпоху социалистических преобразований «государственная власть, — писал В. И. Ленин, — перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функцию управления экономикой страны...» [2, т. 38, с. 442]. Новое качество приобретает выполнение Советским государством своих созидательных экономических и социальных функций на этапе зрелого социализма. «Руководство народным хозяйством, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — это сердцевина всей деятельности партии и государства. Ведь именно в области экономики закладывается фундамент решения социальных задач, укрепления обороноспособности страны, фундамент активной внешней политики. Именно здесь создаются необходимые предпосылки успешного движения советского общества к коммунизму» [3, с. 31]. Эта задача и определяет основные направления развития и совершенствования социалистической государственности, требует приспособления всех звеньев Советского общенародного государства к условиям нового этапа.

Прежде всего это проявляется в деятельности Советов народных депутатов, повышении их активности в решении экономических и социальных задач. Новый этап в работе Советов начался, как отмечалось на XXVI съезде партии, с принятием Конституции СССР, а затем — конституций союзных и автономных республик [3, с. 64]. Осуществляя в соответствии с Консти-

тушей руководство государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством, Советы выступают как целостный общественно-политический организм, составляют единую систему органов государственной власти. Практика работы Советов убедительно подтверждает, что линия партии на усиление полномочия наших представительных органов является правильной, отвечающей потребностям достигнутого этапа развития. Это реализация ленинской идеи о месте и роли представительных органов применительно к условиям зрелого социализма. Советы поднялись на более высокую ступень благодаря осуществлению крупных мероприятий по улучшению их работы, четкой регламентации деятельности всех звеньев государственной власти, усилению их связей с массами.

Важнейшая особенность работы Советов в современных условиях — усиление их внимания к экономике, узловым проблемам хозяйственного развития. Конституционное закрепление за Советами всеобъемлющих полномочий по руководству народным хозяйством послужило той политической базой, опираясь на которую они усиливают свое воздействие на экономику, социальное развитие и культуру. Одним из основных направлений работы Советов тем самым становится их участие в решении главной задачи общенародного государства — создании материально-технической базы коммунизма. КПСС последовательно проводит курс на повышение роли представительных органов власти в хозяйственном строительстве исходя из указаний В. И. Ленина о том, что «Советы должны превратиться в органы, регулирующие все производство России...» [2, т. 35, с. 148].

На обеспечение активного участия всех органов власти в совершенствовании хозяйственного механизма, повышение роли представительных органов в социально-экономическом развитии и направлены решения XXVI съезда КПСС. Советы «вносят все больший вклад в обеспечение комплексного характера экономического и социального развития. Все активнее Советы координируют и контролируют работу расположенных на их территории предприятий и организаций... И Центральный Комитет КПСС всячески поддерживает именно такую направленность в деятельности местных Советов» [3, с. 64—65]. Поэтому на правильное сочетание отраслевого и территориального начал в решении вопросов эффективного хозяйствования и нацелены осуществляемые КПСС меры по повышению роли Советов в хозяйственном строительстве.

Оживилась деятельность высших органов власти — Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик. Характерным для них стало соединение законодательной работы с управлением и контролем, усилилась их организаторская работа. Это свидетельство возросшей зрелости контроля со стороны высших

органов власти. «Такой контроль, — говорил Л. И. Брежнев, — позволяет Верховному Совету СССР лучше направлять работу подотчетных органов, отлаживать хозяйственный механизм, что в немалой степени способствует повышению... общего тонуса государственной жизни» [6, с. 33]. Особые задачи встают в этом отношении перед Президиумом Верховного Совета СССР, который «представляет собой вершину всей пирамиды наших органов власти и наделен самыми широкими полномочиями» [6, с. 32]. Таким образом, с точки зрения развития и совершенствования советского государственного аппарата речь идет об активизации всей системы Советов в решении выдвинутых партией задач, узловых проблем, поставленных XXVI съездом КПСС, и прежде всего усилении государственного руководства экономическим и социальным развитием.

Еще одним важным направлением в совершенствовании социалистической государственности съезд признал подъем всей системы государственного управления, разработку и применение новых форм и методов управляющего воздействия, совершенствование организационной структуры, резкое повышение эффективности функционирования механизма управления во всех его звеньях.

Ленинские принципы государственного управления и хозяйствования закреплены в Конституции СССР, открывающей возможности для постоянного совершенствования работы всех органов государственного управления. «Основные функции их определены в Конституции, — указывал Л. И. Брежнев. — Нужно, чтобы они выполнялись полностью и четко, чтобы повышалась ответственность каждого органа, каждого должностного лица» [4, с. 385].

В условиях развитого социализма и научно-технической революции значительно возрастают масштабы общественного производства, происходят глубокие структурные сдвиги в экономике и размещении производительных сил, увеличивается объем управленческой деятельности. Все это выдвигает на первый план проблему эффективного хозяйствования [5, с. 18]. В директивных документах партии неоднократно подчеркивалось, что совершенствование управления в самом широком смысле этих слов — это сейчас один из главных резервов дальнейшего роста. Необходимо поднять всю систему управления на качественно новый уровень, привести ее в полное соответствие с условиями развитого социализма.

Целую систему конкретных мер наметили ЦК КПСС и Совет Министров СССР в принятых в 1979 г. постановлениях о дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма, об улучшении системы планирования. На XXVI съезде партии Н. А. Тихонов отмечал: «За последние годы... немало сделано для со-

вершенствования хозяйственного механизма, улучшения форм и методов управления промышленностью, сельским хозяйством, строительством» [3, с. 124]. Осуществлен переход к двух- и трехзвенным системам управления, расширяются права и функции министерств, проводится их реорганизация и т. д. В творческом развитии экономической политики КПСС важную роль сыграли пленумы ЦК КПСС, посвященные экономическому строительству. «Каждый из них был по существу школой социалистического хозяйствования, учил наши кадры, всю партию науке и искусству руководства экономикой» [3, с. 32].

Продолжая линию, намеченную предшествующими партийными решениями, XXVI съезд КПСС глубоко и всесторонне обосновал необходимость дальнейшего совершенствования механизма управления советской экономикой как условия интенсивного экономического роста, наиболее соответствующего развитию социализму. Съезд охарактеризовал «дальнейшее улучшение управления и хозяйственного механизма как необходимое условие роста общественного производства, повышения его эффективности» [3, с. 124]. Объясняется это прежде всего тем, что «решение проблем, которые перед нами стоят, использование возможностей, которыми мы располагаем, во многом зависит от уровня руководства народным хозяйством, уровня планирования и управления» [3, с. 49]. Съезд также признал необходимым последовательно проводить в жизнь мероприятия, ранее разработанные ЦК КПСС и правительством, использовать уже накопленный опыт, и в то же время подчеркнул, что «нужно идти дальше, решая накопившиеся проблемы» [3, с. 51].

Все это вполне закономерный процесс, выражающий ведущую тенденцию развития социалистической государственности. Он отражает изменение соотношения между сугубо классовыми задачами социалистического государства и общими делами. Именно в общенародном государстве по сравнению с пролетарским резко возрастает и становится всеобъемлющей такая функция, как «выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества...» [1, с. 422], за счет сокращения объема и изменения сугубо классовых задач. Однако нужно иметь в виду, что хотя созидательные функции составляют основное содержание деятельности общенародного государства, их осуществление также имеет классовое содержание. Вот почему, придавая столь огромное значение совершенствованию структуры хозяйственного механизма, XXVI съезд КПСС особо выделил, что «вопросы руководства экономикой не просто хозяйственные, а политические, партийные» [3, с. 51].

Внимание к экономическим проблемам, возрастание роли Советского общенародного государства в решении экономических и социальных задач вовсе не означают, что на этапе раз-

витого социализма сохраняется и развивается лишь эта сторона сущности государства. На XXVI съезде КПСС было специально подчеркнуто, что развитому социализму наряду с признаками, присущими коммунистической формации в целом, свойственны и такие черты, как политический характер организации общества, наличие государства с его властными не только хозяйственно-распорядительными и культурно-воспитательными органами, но и с органами правоохранными и др. В механизме Советского общенародного государства еще сохраняются и совершенствуются такие принудительные учреждения, как органы правосудия, государственной безопасности, охраны общественного порядка и т. п. Принятые в нашей стране меры по укреплению правопорядка не снимают с повестки дня задачи дальнейшей всенародной бескомпромиссной борьбы с правонарушениями. Это со всей силой вновь было указано на XXVI съезде партии, отметившем высокую ответственность органов юстиции, прокуратуры, советской милиции в укреплении социалистической законности и правопорядка [3, с. 65].

Высокие требования предъявляет острота классовой борьбы на международной арене к деятельности органов государственной безопасности. Полностью сохраняет свое значение функция защиты социалистического Отечества. Угроза нападения со стороны империалистического лагеря вынуждает Советское государство крепить оборонную мощь страны. Международная обстановка, как указывал Л. И. Брежнев, обязывает не упускать из поля зрения вопросы укрепления оборонного могущества страны, ее Вооруженных Сил [3, с. 66].

Социалистическое общенародное государство находится в процессе своего развития, закономерности и перспективы которого раскрывают решения XXVI съезда КПСС. Материалы съезда вносят существенный вклад в разработку теории социалистического государства и одновременно дают конкретные рекомендации о путях его совершенствования в период развитого социалистического общества. «Съезд вооружил партию, все звенья нашей политической системы ясной и четкой программой. Теперь главное — наполнить эту программу реальными делами, наладить, как учил Ленин, крепкую и дружную совместную работу миллионов людей» [6, с. 31].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, 38. 3. Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981.—224 с. 4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи.—М.: Политиздат, 1978, т. 6.—680 с. 5. Выступление Л. И. Брежнева на заседании Президиума Верховного Совета СССР 4 марта 1980 года.—Коммунист, 1980, № 5, с. 18—19. 6. Выступление Л. И. Брежнева на заседании Президиума Верховного Совета СССР 1 апреля 1981 года.—Коммунист, 1981, № 6, с. 31—33.

Поступила в редколлегию 21.05.81.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС
И НОВЕЙШЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Для успешного развития советской политической системы на современном этапе зрелого социализма важное значение имеет дальнейшее упрочение правовой основы государственной и общественной жизни. На XXVI съезде КПСС обстоятельно проанализирована деятельность партии и государства в этой области за минувшее пятилетие, намечены новые задачи в предстоящей работе по совершенствованию законодательства, укреплению законности и правопорядка, улучшению деятельности правоохранительных органов, повышению активности общественных организаций и трудовых коллективов в деле осуществления советских законов, последовательного обеспечения и защиты прав и интересов трудящихся. «Хороших законов... у нас принято немало, — отмечал Л. И. Брежнев, — Теперь дело прежде всего за их точным и неуклонным осуществлением. Ведь любой закон живет только тогда, когда он выполняется — выполняется всеми и повсеместно» [1, с. 64].

В советских законах выражена воля народа, они способствуют целенаправленному продвижению нашей страны по курсу, выработанному КПСС. С помощью законов и других правовых актов осуществляются все основные мероприятия по укреплению общенародного государства, развитию социалистической демократии, дальнейшему подъему всего народного хозяйства, повышению материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся. Неукоснительное соблюдение законов, строжайшая охрана прав и законных интересов граждан, обеспечение правопорядка — одно из важных условий нормальной жизнедеятельности всего общества и каждого советского человека, успешной реализации намеченной XXVI съездом КПСС социальной программы партии.

В решение поставленных партией грандиозных задач должны внести свой вклад и органы прокуратуры, суда, внутренних дел, юстиции, госарбитража. На съезде подчеркивалась высокая ответственность правоохранительных органов в укреплении социалистической законности и правопорядка. «Профессиональные знания работников этих органов, — говорил Л. И. Брежнев, — должны сочетаться с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью. Только такие люди могут достойно выполнять возложенные на них серьезные обязанности. Совет-

ский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание. В этом деле органам, охраняющим правопорядок, будет обеспечена полная поддержка партии и, не сомневаюсь, всей нашей общественности» [1, с. 65].

Указания XXVI съезда КПСС о дальнейшем улучшении деятельности правоохранительных органов должны реализовываться на основе последовательного, творческого и эффективного осуществления новых законов о прокуратуре, Верховном Суде СССР, народном контроле, государственном арбитраже, адвокатуре. Принятие данных актов привело законодательство о правоохранительных органах в соответствие с Конституцией СССР. Являясь не только законодательными, но и важнейшими политическими актами, эти законы воплотили в себе основополагающие ленинские идеи о социалистической демократии и законности, принципах народного контроля, советского правосудия и прокурорского надзора, об организации и деятельности правоохранительных органов Советского государства. В их основу положены решения съездов партии, постановления пленумов ЦК КПСС, другие важнейшие партийные документы, а также труды Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева по вопросам совершенствования законодательства, укрепления законности и правопорядка, упрочения правовой основы государственной и общественной жизни.

В этих законах конкретизированы и развиты конституционные положения об органах народного контроля, сочетающих государственный контроль с общественным контролем трудящихся, органах прокуратуры, осуществляющих высший надзор за точным и единообразным исполнением законов, высшем судебном органе страны — Верховном Суде СССР, органах государственного арбитража, на которые возложено разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями. Определяя задачи перечисленных органов, их структуру, полномочия, основные направления, формы и методы работы, указанные законы вместе с тем не только регулируют их деятельность, но и содержат немало положений, относящихся к органам власти и управления, особенно в части осуществления взаимосвязи и взаимодействия с ними правоохранительных органов. Так, в Законе о прокуратуре СССР говорится, что прокуратура взаимодействует с Советами народных депутатов, другими государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами, опирается на помощь граждан в деле укрепления правопорядка. В Законе о государственном арбитраже в СССР записано, что органы государственного арбитра-

жа координируют свою деятельность по предупреждению нарушений законности с деятельностью других государственных органов. В Законе о народном контроле в СССР имеется специальная статья, посвященная взаимодействию органов народного контроля с комиссиями Советов народных депутатов и государственными органами. В ней указывается, что органы народного контроля строят свою работу на взаимодействии с постоянными и иными комиссиями Советов, при осуществлении возложенных на них задач поддерживают связь с соответствующими государственными органами.

Для неуклонного и эффективного осуществления названных норм, создания постоянного взаимодействия указанных органов в решении общих для них задач по обеспечению строгого соблюдения социалистической законности и укреплению правопорядка необходимо изучать, обобщать и теоретически осмысливать сложившиеся ранее на практике и складывающиеся ныне в результате действия новых законов формы такого взаимодействия правоохранительных органов с иными государственными органами, общественными организациями и трудовыми коллективами, разрабатывать рекомендации, направленные на то, чтобы оно проходило наиболее результативно, максимально отвечало задачам, которые поставлены законодательством, достигало своих целей с наименьшими затратами времени и труда. Все это при значительном объеме работы правоохранительных органов и исключительной сложности решаемых ими задач имеет огромное значение. Практика показывает, что только в условиях взаимодействия правоохранительных органов с Советами народных депутатов, органами государственного управления, общественными организациями и трудовыми коллективами могут быть успешно решены поставленные партией задачи по искоренению нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранению причин, ее порождающих. Свидетельством необходимости и актуальности разработки вопросов такого взаимодействия является и то, что в постановлении ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» отмечается, что «задачи укрепления правопорядка и усиления борьбы с правонарушениями решаются пока недостаточно эффективно... В борьбе с правонарушениями недостаточно используются средства государственного и общественного воздействия, воспитания людей... В этой работе не хватает целеустремленности, комплексного подхода и единства действий партийных, государственных, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, зачастую к ней не привлекаются широкие массы трудящихся» [2, с. 463]. В постановлении определены пути комплексного решения вопросов дальнейшего упрочения закон-

ности и правопорядка. Именно взаимосвязь и координация могут обеспечить комплексное, масштабное решение вопросов по дальнейшему укреплению законности и правопорядка как по стране в целом, так и в республиках, отдельных регионах, административно-территориальных единицах при условии, что правоохранительные органы будут эффективнее взаимодействовать с органами власти и управления, с широкой общественностью, а также систематически координировать свою работу в этом направлении на всех уровнях, в центре и на местах. Вышестоящие органы должны направлять деятельность нижестоящих по их взаимодействию в работе и координации по борьбе с преступностью и правонарушениями.

ЦК КПСС в названном постановлении предложил прокуратуре СССР, МВД СССР, Министерству юстиции СССР, Верховному Суду СССР улучшить координацию своих действий и подчиненных органов, обеспечить на этой основе всестороннее изучение практики борьбы с правонарушениями, необходимое единообразие в применении норм советского законодательства. Советам Министров союзных и автономных республик, исполкомам Советов народных депутатов рекомендовано повысить роль и ответственность советских органов за укрепление законности и правопорядка, активность в этом деле комиссий исполкомов Советов, депутатских групп, каждого депутата. Регулярно обсуждать эти вопросы на сессиях Советов и заседаниях исполкомов. Заслушивать отчеты и сообщения руководителей правоохранительных органов, предприятий, учреждений и организаций о проводимой работе по обеспечению общественного порядка и борьбе с правонарушениями.

Для эффективной реализации ряда положений новых законов исключительно важно четко определить круг правоохранительных органов, какие именно органы считаются правоохранительными и действуют в их системе. Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик не содержат термина «правоохранительные органы». В Основном Законе имеется раздел, посвященный правосудию, арбитражу и прокурорскому надзору. Нормами этого раздела регулируется организация и деятельность суда, арбитража и прокуратуры, которые входят в систему правоохранительных органов как ее основополагающие части.

В законах, принятых на основе Конституции СССР, хотя и введен термин «правоохранительные органы», однако законодатель не дал их полного перечня. Между тем четкое определение их круга имеет немаловажное теоретическое и практическое значение. Как известно, в Законе о прокуратуре СССР указано, что на нее возложена координация деятельности правоохрани-

тельных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями. Для того чтобы эффективнее реализовывалась эта норма, необходимо установить точный перечень органов, функции которых касаются указанных вопросов и координируются прокуратурой, определить, в каких формах и какими методами осуществляется эта координация. Целесообразно разработать специальное положение о правах и обязанностях прокуратуры и других правоохранительных органов по осуществлению координации их деятельности по борьбе с правонарушениями и преступностью. Практика координационной работы прокурорских органов в республиках, областях, городах и районах выработала немало ее действенных, плодотворных форм и методов, что следует обобщить, научно обосновать и закрепить в данном положении. Это устранило бы имеющийся на местах разнобой, способствовало повышению эффективности правоохранительной функции Советского государства.

Что касается состава правоохранительных органов, то, по нашему мнению, к ним относятся прежде всего прокуратура, суд, органы внутренних дел, государственной безопасности, юстиции, арбитража и народного контроля. Последние, исходя из ныне действующего Закона о народном контроле в СССР, решают большие задачи в деле осуществления правоохранительной функции. Их деятельность основывается на строгом соблюдении социалистической законности, способствует охране правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан. В настоящее время ее невозможно рассматривать вне связи с правоохранительными органами. Они ведут борьбу с нарушениями государственной дисциплины и социалистической законности в контакте с органами прокуратуры, внутренних дел, юстиции, государственного арбитража и судами. Изучать эти контакты, формы и методы взаимодействия органов народного контроля с правоохранительными органами и, наоборот, последних с первыми — исключительно важно как для разработчиков проблем народного контроля, так и для тех, кто проводит исследования в области прокурорского надзора, судопроизводства, арбитражного процесса, а также деятельности органов внутренних дел и юстиции.

В Законе о прокуратуре СССР имеется норма, в которой указывается, что прокуратура опротестовывает противоречащие закону акты ряда государственных органов, в том числе государственного арбитража и народного контроля. Здесь весьма важно определить четкий перечень этих актов. Касается ли данная норма решений, принимаемых арбитражем и народным контролем по конкретным спорам и делам, либо постановлений и решений, регулирующих организацию и деятельность этих органов? В 20-х гг. прокуратура эффективно осуществляла надзор за законностью рассмотрения арбитражем хозяйственных

споров. Прокурорами опротестовывалось немало решений по конкретным спорам, в которых были допущены нарушения законов. Об этом свидетельствуют ежегодные отчеты о работе Прокурора республики ВЦИК РСФСР. Думается, что опыт тех лет полезно было бы изучить и использовать применительно к задачам сегодняшнего дня.

В ст. 9 Закона о народном контроле в СССР, регламентирующей взаимоотношения органов народного контроля с другими правоохранительными органами, говорится, что их деятельность не распространяется на работу судов и органов прокуратуры, а также органов внутренних дел, юстиции и государственного арбитража, связанную с отправлением правосудия, осуществлением прокурорского надзора, производством дознания и предварительного следствия, рассмотрением хозяйственных споров. Как видно из содержания данной статьи, законодатель оставил за органами народного контроля определенные полномочия по контролю за работой названных правоохранительных органов, исключая сферы их деятельности, указанные в законе. Эти сферы лишь названы. Необходимо изучить их пределы, глубоко осмыслить и закрепить в соответствующих приказах и инструкциях с тем, чтобы закон исполнялся четко и точно в отношении каждого органа. Несомненно, что к данной деятельности прежде всего не относятся процессуальные действия этих органов, оперативно-розыскные, а также различные связанные с ними организационные мероприятия и т. п. Следует также четко определить, по каким именно вопросам и в какой части народным контролем контролируется деятельность правоохранительных органов.

Ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть все проблемы реализации норм новых законов, закрепленных в них всех форм взаимодействия правоохранительных органов как между собой, так и с другими органами. Однако ясно одно: эти законы открыли еще большие возможности для объединения усилий всех государственных органов, а также широкой общественности в деле осуществления программных указаний КПСС—искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранения причин, ее порождающих. В условиях развитого социализма имеются все предпосылки для плодотворного решения этой задачи, Законы о народном контроле, прокуратуре; Верховном Суде СССР, государственном арбитраже еще выше поднимают авторитет этих органов, открывают значительные возможности для более эффективного осуществления возложенных на них функций, успешного выполнения задач, поставленных перед ними XXVI съездом КПСС.

Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик, новое законодательство о правоохранительных органах

играют огромную роль в отношении дальнейшей демократизации организации и деятельности этих органов, укрепления их связей с широкими массами трудящихся. Во всех новых законах имеются нормы, предусматривающие широкие связи и взаимодействия правоохранительных органов с общественностью, осуществление тесных контактов с общественными организациями и трудовыми коллективами. Постоянная и действенная реализация этих норм на всех уровнях — залог повышения эффективности правоохранительной работы. Первостепенное значение имеет дальнейшее совершенствование планирования и координации работы правоохранительных органов по привлечению общественности к их деятельности, а также их правовоспитательной работы среди трудящихся в каждой республике, области, районе, городских микрорайонах, территориях сельских Советов, общественных организациях и трудовых коллективах. Она должна анализироваться с тем, чтобы обеспечивались наибольшая отдача при рациональном, экономном использовании сил и времени, высокая ее организация. Изучение практики показывает, что еще нередки случаи, когда в одних коллективах различными правоохранительными органами иногда осуществляется чрезмерно много мероприятий, причем не всегда достаточно согласованных между собой, в других же годами не проводятся даже лекции и беседы по правовым вопросам. Постановление ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. важную роль в улучшении этой работы отводит партийным комитетам. В нем указывается, что они должны объединять и координировать усилия партийных, государственных, общественных организаций, трудовых коллективов и идеологических учреждений. Признано также необходимым, чтобы в перспективных и годовых планах работы партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся содержались комплексные меры по профилактике правонарушений. Партийные комитеты, говорится в постановлении, «должны постоянно заботиться о расширении связи правоохранительных органов с общественностью, создании вокруг них атмосферы уважения и поддержки» [2, с. 464].

Исторические решения XXVI съезда КПСС, новые законы о правоохранительных органах, которые позволяют «тоньше, точнее регулировать различные стороны общественных отношений» [1, с. 64] в сферах их деятельности, вооружили органы суда, прокуратуры, внутренних дел, юстиции, арбитража дополнительными эффективными возможностями для дальнейшего улучшения их работы и неуклонного выполнения указаний Л. И. Брежнева о том, что партия ждет от правоохранительных органов «еще большей инициативы, принципиальности, непримиримости в борьбе с любыми нарушениями советского правопорядка» [3, с. 385].

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 2. КПСС в резолюциях и решениях... — М.: Политиздат, 1981, т. 13.—656 с. 3. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи.—М.: Политиздат, 1978, т. 6.—680 с.

Поступила в редколлегию 30.04.81

И. М. Москаленко, В. Н. Гайворонский,
канд. юрид. наук
Харьков

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Совершенствование хозяйственного механизма рассматривается партией и правительством как одна из узловых проблем экономической политики.

Основы экономической политики нашей партии закладывал В. И. Ленин. «Мы ценим коммунизм, — говорил он, — только тогда, когда он обоснован экономически» [2, т. 38, с. 179]. Из этих положений и исходит партия, анализируя состояние советской экономики, перспективы и пути ее развития. На партийных съездах, пленумах ЦК КПСС не только отмечают успехи в народном хозяйстве, намечаются плановые задания, но и вскрываются недостатки, рассматриваются трудности, возникающие проблемы, определяются пути их решения.

Сердцевина экономической политики КПСС — забота о соблюдении общенародных долговременных экономических интересов. «Общегосударственные интересы, — указывал Л. И. Брежнев, — всегда должны стоять выше интересов отдельных министерств и предприятий» [3, с. 50]. Но при этом тщательно учитываются также интересы трудовых коллективов и отдельных личностей. Ярким примером этого является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Оно направлено на достижение оптимального сочетания экономических интересов при ведущей роли общенародного интереса. В совершенствовании хозяйственного механизма нельзя не исходить из системы экономических интересов, в которых проявляются экономические отношения общества [1, т. 18, с. 271]. Более полное сочетание экономических интересов способствует активизации усилий общества, производственных коллективов и отдельных граждан, направленных на достижение высоких конечных результатов производства. «Задача состоит в том, чтобы поднять уровень планирования и хозяйствования, привести их в соответствие с требованиями нынешнего этапа —

этапа развитого социализма, добиться значительного повышения эффективности общественного производства, ускорения научно-технического прогресса и роста производительности труда, улучшения качества продукции и на этой основе обеспечить неуклонный подъем экономики страны и благосостояния советского народа» [4, с. 408].

Повышение требований к уровню социалистического хозяйствования закономерно. Хозяйственный механизм в различных своих аспектах привлекает все более пристальное внимание экономистов и юристов. Его сложность, многоплановость, недостаточная разработанность проблем обнаруживаются в том, что еще нет единства мнений по самым узловым проблемам хозяйственного механизма и его совершенствования в условиях развитого социализма. Вместе с тем из высказанных в литературе точек зрения, несмотря на различие трактовок отдельных вопросов, можно выделить ряд общих моментов. Это относится прежде всего к определению понятия хозяйственного механизма. При всем разнообразии конкретных решений большинство участников дискуссии сходятся на том, что хозяйственный механизм представляет собой совокупность форм и методов хозяйствования, организации и регулирования общественного производства, сознательного воздействия на производство.

Хозяйственный механизм отражает сложный процесс превращения сущностных сторон производственных отношений в конкретные формы организации экономической жизни [9, с. 31]. Это позволяет заключить, что хозяйственный механизм — единый комплекс взаимосвязанных элементов, совершенствование которого требует дальнейшего улучшения правового воздействия в целях повышения эффективности общественного производства.

Право в руках государства является средством регулирования отношений в экономической сфере. Оно юридически выражает экономическую политику КПСС, закрепляет ее «законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее» [2, т. 45, с. 244]. Право регулирует основные стороны производственно-хозяйственной деятельности подразделений экономики (режим имущества социалистических организаций, их полномочия по распоряжению материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами, хозяйственные связи и т. п.) и управления ими. Тем самым оно придает хозяйственным отношениям стабильный и урегулированный характер, что выступает важнейшим условием эффективного функционирования экономической системы социализма.

Вместе с тем уровень правового урегулирования определяет степень его соответствия экономической жизни, тенденциям ее развития. Юридическая форма, как известно, зависит от экономического содержания, но это не отрицает, а наоборот,

предполагает относительную самостоятельность права, законодательства, их способность активно влиять на производственные отношения. Если это так, то установлению тех или иных норм в хозяйственном законодательстве должны предшествовать экономические эксперименты, проверка их действия на практике.

Это видно и на примере постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. Его принятию и намеченной перестройке хозяйственного механизма, вызванной ростом производительных сил, развитием и усложнением производственных отношений и хозяйственных связей, предшествовали многочисленные эксперименты и тщательная проверка на многих предприятиях страны.

Л. И. Брежнев на XXVI съезде подчеркивал: «Особо хотел бы сказать об управлении на уровне объединений и предприятий. Испытывались, как вы знаете, разные варианты, разные схемы. Накоплен большой и многообразный опыт. И как раз этот опыт говорит о том, что поиски надо продолжать. Их общее направление, как представляется, — расширение самостоятельности объединений и предприятий, прав и ответственности хозяйственных руководителей.

Разумеется, одновременно должны создаваться надлежащая экономическая обстановка, организационные и управленческие отношения. Именно это предусматривают принятые в 1979 году постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма, об улучшении системы планирования. Надо последовательно проводить их в жизнь» [3, с. 50—51]. Как нормативный правовой акт, данное постановление воздействует на дальнейшее развитие экономики, производственно-хозяйственную деятельность предприятий и объединений, причем во многих отношениях. Рассмотрим некоторых из них.

В хозяйственном механизме одно из важнейших мест занимают оценочные показатели работы низовых звеньев народного хозяйства. Их совершенствование должно служить эффективно-му сочетанию различных экономических интересов и направлять общественное производство в нужном направлении.

В связи с ныне осуществляющимися мерами совершенствования хозяйственного механизма особого внимания заслуживает показатель нормативной чистой продукции. Переход на этот показатель осуществляется по мере подготовки соответствующих отраслей. Он заменяет показатель, применявшийся до сих пор, — объем реализуемой продукции (в оптовых ценах предприятий).

В свое время (в середине 60-х гг.) показатель объема реализуемой продукции пришел на смену показателю валовой продукции. Последний не стимулировал предприятия к изготовлению

продукции, находящей сбыт. Заботиться о реализации выпускаемой продукции «понуждал» предприятия и объединения показатель реализуемой продукции. Но и он вскоре обнаружил свои недостатки, поскольку невольно нацеливал объединения и предприятия на выпуск материалоемкой продукции. Если учесть, что во всех отраслях народного хозяйства удельный вес материальных затрат в себестоимости составляет в среднем до 80%, станет ясно, насколько мог исказиться при показателе реализуемой продукции вклад того или иного производственного коллектива в изготовление определенного изделия.

Среди изделий, входящих в номенклатуру определенного объединения или предприятия, при использовании показателя реализуемой продукции одни оказывались «выгодными», другие «невыгодными». Как известно, на изготовление любого изделия уходит определенное количество нормированного (технически обоснованного, разрешенного) рабочего времени, так называемых нормо-часов. И любое изделие должно иметь цену. Если разделить ее на количество затраченного времени, получится «денежная емкость» одного нормо-часа. Так, на харьковском заводе «Свет шахтера» трудоемкость изготовления нового базового конвейера СП-87П с государственным знаком качества на тысячу рублей товарной продукции составляла 80 нормо-часов, а механизма устаревшей конструкции СП-202 — 35. Поэтому было значительно выгоднее изготавливать бесперспективную модель. Когда же учет объема производства начали вести по нормативной чистой продукции, то это противоречие практически было сведено к нулю. На тысячу рублей трудоемкость изготовления СП-87П составила 184 нормо-часа, а СП-202 — 189.

Таким образом, право, закрепляя те или иные оценочные показатели как результат познания реальных экономических отношений или научного предвидения их развития, обеспечивая их общеобязательную силу, становится тем фактором, который участвует в формировании новых экономических отношений, в частности материальных интересов участников производства [6, с. 49].

Новый показатель устраняет экономические предпосылки нежелательных тенденций в хозяйственной деятельности, когда изготовление одних изделий выгодно, а других нет, когда одни обязательства выполняются, а другие нет. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. критерием оценки деятельности предприятий и производственных объединений наряду с другими становится показатель выполнения поставок продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по номенклатуре (ассортименту) и в сроки, определенные в хозяйственных договорах.

Оценка выполнения плана с учетом обязательств по поставкам применялась в промышленности и до принятия данного постановления. Такой критерий использовался ранее в основном для начисления премий руководящим работникам предприятий и снабженческих организаций [5, с. 3], что, как свидетельствовало арбитражная практика, повышало роль хозяйственного договора.

С принятием указанного постановления оценка результатов хозяйственной деятельности, как и все другие звенья хозяйственного механизма, ориентирована на повышение эффективности производства и качества работы, на достижение высоких конечных результатов [6, с. 48]. Однако нерешенные проблемы еще остаются.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. обязало министерства и ведомства разрабатывать и утверждать, начиная с 1980 г., для производственных объединений и предприятий с учетом их специализации перечень подлежащей изготовлению и поставке продукции производственно-технического назначения, в соответствии с которым потребители заключают договоры на поставку нужной им продукции.

Практика показывает, что в установленный порядок требуется внести уточнение. Сошлемся на пример. Министерство электротехнической промышленности СССР 1 августа 1979 г. утвердило ХЭМЗу номенклатуру запасных частей на 1980—1985 гг. Как подтверждают предъявленные к поставщику иски о понуждении к заключению договоров и переданные им на рассмотрение арбитража преддоговорные споры по ассортименту подлежащих поставке запасных частей, эта номенклатура не удовлетворяет потребности предприятий и объединений министерств угольной и черной металлургии. В нее не вошли запчасти к 8 типам двигателей переменного тока, изготавливаемые ранее, не включены запчасти к двигателям серии КА.

При разрешении этих споров Харьковский облгосарбитраж руководствовался утвержденной поставщику номенклатурой, рекомендовав покупателям решать вопросы о поставке запчастей, не включенных в номенклатуру, через свои министерства. Полагаем, что более целесообразным было бы установление такого порядка, при котором номенклатура изготавливаемых поставщиками изделий подлежала согласованию с основными министерствами-потребителями.

Таким образом, думается, можно более успешно решить задачу, поставленную XXVI съездом КПСС по бесперебойному снабжению народного хозяйства сырьем, материалами, оборуду-

дованием и запчастями. Тем более, что теперь устраняются различия между «выгодными» и «невыгодными» изделиями¹.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г., в материалах XXVI съезда КПСС большое внимание уделяется сбалансированности планов производства с материальными ресурсами и установлению между предприятиями и производственными объединениями прямых длительных хозяйственных связей. Факты, однако, говорят о том, что предусмотренный действующим законодательством запрет прекращать в одностороннем порядке длительные хозяйственные связи и сложившаяся практика устанавливать по требованию покупателя объем и ассортимент поставляемых товаров или продукции на уровне предшествующего периода не корреспондирует с обязанностью планирующих и снабсбытовых органов выделять изготовителям сырье и материалы, необходимые для выполнения обязательств по поставкам. Все это свидетельствует о том, что, проводя в жизнь постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о совершенствовании хозяйственного механизма, нужно, как указывал Л. И. Брежнев, в то же время идти дальше, решая накопившиеся проблемы [3, с. 51]. Сказанное касается и правового регулирования в этой сфере, которое тоже требует постоянного совершенствования.

Новые показатели оценки производственно-хозяйственной деятельности предприятий и объединений, какими являются объем чистой (нормативной) продукции и выполнение обязательств по поставкам продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по номенклатуре (в ассортименте) по заключенным договорам, не следует считать вполне совершенными. И они, как и их предшественники, не лишены отрицательных сторон. Поэтому научные поиски в данной области должны продолжаться. Предлагается, например, обобщающий показатель расчетно-чистой продукции, в котором отражается влияние всех основных факторов: товарной и реализуемой продукции, уровня материальных затрат, использования основных фондов и оборотных средств, выполнение обязательств перед поставщиками и потребителями [8]. Этот более универсальный показатель также следует подвергнуть экспериментальной проверке. Представляется, что экономико-правовые исследования в указанной области должны быть направлены на обеспечение наиболее четкой согласованности регламентации оцен-

¹ В этом смысле запчасти могут служить самым ярким примером. В Московском производственном объединении «Манометр» при производстве наиболее массовых изделий — самопишущих приборов типа КС-4 каждый нормочас создавал ранее продукцию на 17 р., а при изготовлении запчастей к ним — лишь на 3 р. Не здесь ли причина хронических трудностей с запчастями? Между тем их широкий выпуск позволил бы, по мнению специалистов, сократить производство самих приборов на 20—30% [7].

ки производственно-хозяйственной деятельности предприятий и объединений, их поощрения и ответственности как одной из актуальных правовых проблем повышения эффективности производства.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, 45. 3. Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981.—224 с. 4. КПСС в резолюциях и решениях... — М.: Политиздат, 1981, т. 13.—654 с. 5. Инструкция о порядке учета выполнения заданий и обязательств по поставкам продукции при премировании руководителей, инженерно-технических работников и служащих производственных объединений и предприятий промышленности, а также снабженческих организаций, утвержденная Госпланом СССР, Госкомтрудом СССР, Минфином СССР, ЦСУ СССР и ВЦСПС 17 августа 1977 г.—Бюл. нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1977, № 12, с. 3—8 (с 1 января 1982 г. действует Инструкция от 24 августа 1981 г. 6. Мамутов В. К., Знаменский Г. Л. Регламентация оценки результатов хозяйственной деятельности.—Сов. государство и право, 1981, № 1, с. 45—53. 7. Поздний Е. Выгодность нужных изделий.—Труд, 1979, 4 сент. 8. Серегин Н. Время поиска. — Правда, 1981, 14 марта. 9. Структура и пути совершенствования хозяйственного механизма развитого социалистического общества.—Экон. науки, 1979, № 10, с. 31—38.

Поступила в редакцию 10.03.81.

В. П. Жушман
Харьков

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЯМЫХ ДЛИТЕЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Важным этапом в совершенствовании социалистических отношений в области народного хозяйства явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». В нем разработана целая система мер по дальнейшему совершенствованию планового руководства экономикой страны, предусмотрен новый подход к регулированию хозяйственных связей между социалистическими предприятиями, определены пути дальнейшего развития демократических начал в управлении производством и повышения творческой инициативы трудовых коллективов в решении народнохозяйственных задач.

В современных условиях особо возрастает роль планового начала в управлении экономикой. Поэтому в постановлении четко определена система планов и установлен порядок их разработки. Отныне система планирования будет включать в себя комплексную программу научно-технического прогресса на 20 лет (с разбивкой по пятилеткам), основные направления экономического и социального развития СССР на 10 лет (по пяти-

леткам), пятилетний план экономического и социального развития СССР (по годам) и годовой план. Предусмотрено, что через каждые 5 лет в комплексную программу научно-технического прогресса и основные направления экономического и социального развития СССР будут вноситься требуемые уточнения, указано на необходимость одновременного включения в них заданий на следующую пятилетку. Ведущее место в текущем планировании отведено пятилетнему плану с распределением заданий по годам как наиболее оптимальному [1, с. 690—696]. Такая организация плановой работы, несомненно, обеспечит непрерывность действия народнохозяйственного планирования, его стабильность.

Серьезное внимание в указанном постановлении уделено конкретным мероприятиям, направленным на улучшение планирования, интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса на уровне непосредственных производителей, что в свою очередь предопределяет необходимость четкой и повсеместной рационализации хозяйственных связей между предприятиями и производственными объединениями. Исходя из этого, представляется важным с принципиально новых позиций рассмотреть взаимоотношения между предприятиями (объединениями) — изготовителями и потребителями продукции с целью выявления наиболее оптимальных вариантов взаимоотношений их как поставщиков (изготовителей) и покупателей (потребителей), обеспечивающих достижение высоких конечных народнохозяйственных результатов. В частности, необходимо такое построение названных отношений, чтобы потребители имели достаточные экономические и юридические средства воздействия на поставщиков, а поставщики — большие возможности учитывать конкретные запросы потребителей и материальную заинтересованность в этом.

Одним из путей совершенствования таких хозяйственных связей должно быть, как указано в постановлении, расширение экономически целесообразных прямых длительных связей, при которых продукция от предприятия-изготовителя (являющегося одновременно и поставщиком) поставляется непосредственно предприятию-потребителю (получателю) в течение длительного времени. Известно, что развитие прямых длительных хозяйственных связей в народном хозяйстве началось еще в 60-е гг., когда союзглавснабсбытами впервые были разработаны единые планы прикрепления поставщиков к потребителям. Однако, несмотря на целесообразность и перспективность этих прямых длительных хозяйственных связей, они по различным причинам внедрялись медленно.

В 9-й пятилетке произошли существенные сдвиги в развитии прямых длительных хозяйственных связей в области поставок

разных видов металлопродукции. Так, на основе этих связей в 1974 г. уже работало 159 объединений (предприятий) ряда отраслей народного хозяйства, которые получали металлопрокат, трубы и металлоизделия от 27 металлургических предприятий УССР и 25 изготовителей металлопродукции других союзных республик [5, с. 50—52]. Органы Госнаба СССР и Госарбитража СССР провели значительную работу по организации прямых длительных хозяйственных связей. В частности, местные органы Госнаба СССР при проверке состояния заключения договоров по планам прикрепления на прямые длительные хозяйственные связи, выявив случаи нарушения заключения таких договоров, обязывали соответствующие предприятия и объединения заключать договоры на длительные сроки. Арбитражные органы при рассмотрении споров по структуре договорных связей также исходили из необходимости заключения договоров на длительные сроки.

Все это привело к дальнейшему увеличению объемов поставок по прямым длительным хозяйственным связям. Например, по данным Госнаба СССР, к 1 января 1978 г. объем таких поставок составил 87,2% против 13,6% в 9-й пятилетке [4, с. 16]. Одно только Харьковское производственное тракторное объединение в 1978 г. заключило 23 таких договора, завод «Электромашина» — 15. Однако, как сказано в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г., в целом по народному хозяйству страны объем поставок по длительным хозяйственным связям еще недостаточен. Предусмотрено завершить в основном в 1980 г. перевод всех производственных объединений (предприятий) на прямые длительные хозяйственные связи. Выдвигается также настоятельная необходимость дальнейшего развития и совершенствования правового оформления этих связей.

Главное в правовом регулировании прямых длительных хозяйственных связей состоит в том, что все экономические, организационные и технические вопросы по поставкам продукции решают сами предприятия и объединения в пределах утвержденных для них планов прикрепления. Длительными хозяйственными связями называются потому, что они стабильные и регулярно повторяющиеся между предприятиями, устанавливаются на длительный период времени.

Развитие прямых длительных хозяйственных связей предполагает наличие всестороннего сопряжения деятельности изготовителей и потребителей продукции на основе теснейшего взаимного сотрудничества, учета и оценки их работы по выполнению поставок продукции в ассортименте в соответствии с заключенными договорами. Такое правовое оформление длительных хозяйственных связей позволит кратчайшим путем при минималь-

ных затратах времени и средств организовать поставку средств производства, обеспечить бесперебойную работу многих предприятий, использовать высвободившуюся часть производственных запасов для увеличения объемов производства и повышения производительности труда. Возьмем, например, поставку кабеля харьковским заводом «Южкабель» ворошиловградскому энергозаводу, конотопскому заводу «Красный металлист» и другим покупателям его продукции по прямым длительным хозяйственным связям. Зная потребности покупателей, завод «Южкабель» разработал такую технологию намотки кабеля и с таким метражом, которые дали возможность наиболее рационально использовать кабель в народном хозяйстве. До 1976 г., когда поставка «Красному металлисту» производилась по краткосрочным (годовым) договорам, «Южкабель» поставлял кабель бухтами различного веса и размеров, что затрудняло его транспортировку и использование покупателем. В настоящее время в связи с переходом на длительное сотрудничество с этим покупателем «Южкабель» разработал технологию намотки кабеля, полностью удовлетворяющую как его самого, так и «Красный металлист».

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. объединения, предприятия и организации объявляются совместно со сбытовыми организациями проводить предварительную работу по определению номенклатуры (ассортимента) продукции для заключения хозяйственных договоров (п. 2). Тем самым устанавливаются еще большие гарантии того, что производственные запросы потребителя будут удовлетворяться в полном объеме. Кроме того, в договоре стороны смогут обуславливать и специальные требования к качеству продукции, совместно разрабатывать наиболее целесообразные способы ее упаковки, определять объемы отдельных партий поставок, устанавливать периодичность и сроки отгрузки продукции и т. д.

Известно также, что на первом этапе развития прямых длительных хозяйственных связей практика и нормативные предписания Госснаба СССР исходили из следующей ориентации. Такие связи должны охватывать только транзитный способ продвижения продукции. Однако в литературе высказывались критические замечания относительно столь узкой сферы применения длительных хозяйственных связей. В частности, Д. Украинский указывал, что могут быть использованы «следующие формы организации прямых длительных хозяйственных связей. Первая — прямые длительные хозяйственные связи между предприятиями-изготовителями продукции и крупными ее потребителями. Вторая — прямые длительные хозяйственные связи между предприятиями-изготовителями и территориальными управлениями Госснаба СССР (для обеспечения значительного количества предприятий и организаций, являющихся в отдельности

мелкими потребителями) [6, с. 7]. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. исходит из широкой сферы применения длительных хозяйственных связей, прямо указывая, что договорами, заключаемыми на пять лет, должны оформляться длительные хозяйственные связи как между производственными объединениями (предприятиями) промышленности, так и между этими объединениями (предприятиями) и органами Госнаба СССР. Следовательно, в системе прямых длительных хозяйственных связей в настоящее время нужно различать две их разновидности: прямые непосредственные и прямые опосредствованные длительные хозяйственные связи.

Прямые опосредствованные длительные хозяйственные связи сейчас имеют прочную экономическую основу в виде мощной материальной базы органов материально-технического снабжения, обладающих значительными нормативами производственных запасов, достаточными для обеспечения потребностей промышленности. Заключаемые этими органами хозяйственные договоры на длительные сроки являются твердой гарантией обеспечения потребителей продукцией в необходимом им ассортименте. Причем удовлетворение их потребностей в нужной им продукции может осуществляться органами материально-технического снабжения и за счет поставок от конкретного изготовителя, если это будет более целесообразно и экономически выгодно для потребителя.

Прямые непосредственные хозяйственные связи устанавливаются сегодня между покупателями и поставщиками в случаях, когда последние имеют стабильное массовое и крупносерийное производство, а первые получают продукцию, как правило, в значительных объемах, а также в случаях поставки продукции, производство которой требует непосредственного согласования его технических характеристик между изготовителями и потребителями. Порядок оформления этих отношений регламентируется указаниями Госнаба СССР «О порядке прикрепления на прямые длительные хозяйственные связи по поставкам продукции предприятий-потребителей к предприятиям-поставщикам», утвержденными 15 июля 1971 г. [4, с. 7—12], постановлением Госнаба СССР «О мерах по дальнейшему развитию прямых длительных хозяйственных связей по поставкам продукции» от 12 сентября 1973 г. и «Примерным договором на поставку продукции по прямым длительным хозяйственным связям», разработанным и одобренным Госнабом СССР в 1973 г. [2, с. 42—48].

В названных нормативных материалах предусматривается, что при заключении договора поставки между предприятиями, переведенными на прямые длительные хозяйственные связи, общий объем поставок продукции в групповом ассортименте устанавливается в соответствии с планами прикрепления. Все ос-

тальные условия поставки, в том числе развернутый ассортимент (номенклатура), внутриквартальные сроки, специальные требования к качеству продукции и др., определяются самими сторонами договора, заключаемого ими на пятилетний срок. И в целом такая правовая регламентация длительных хозяйственных связей является правильной.

Весьма удачна и правовая форма Примерного договора, состоящего из вступительной части и разделов: количество и ассортимент, качество и комплектность продукции; сроки и порядок ее поставки, дополнительные услуги, предоставляемые поставщиком покупателю; тара и упаковка; цены и порядок расчета, другие условия; имущественная ответственность. Заключая конкретный договор, стороны вправе расширить либо, напротив, сузить свои обязательства по сравнению с тем, как они определены Примерным договором, что способствует развитию инициативы сторон, полному учету их возможностей. Однако участники договора не вправе изменить срок его действия в сторону сокращения, на что прямо обращено внимание в Инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 31 октября 1975 г. № И-1-26 «О работе органов арбитража по разрешению споров, возникающих при заключении, изменении и расторжении договоров на поставку продукции и товаров» [5, с. 94—97]. В этом письме также предусмотрено, что арбитражным органам при разрешении споров, возникающих при заключении договоров на поставку продукции между предприятиями, переведенными на прямые длительные хозяйственные связи, необходимо всемерно способствовать развитию и укреплению этих связей, заключению договоров на период действия перспективного плана развития народного хозяйства и на более длительный срок. Если при рассмотрении спора будет установлено, что планы прикрепления выданы на пять лет или иной срок, а договор заключается на меньший период, арбитраж по собственной инициативе должен вносить изменения в договор и устанавливать срок его действия — пять лет или иной срок, указанный в плане прикрепления (п. 7).

К сожалению, отступления от этого еще встречаются на практике. Так, рассматривая споры с участием харьковского завода «Свет шахтера», облгосарбитраж установил, что планы прикрепления № 10-759-60-010 выданы заводу на пятилетний период, а договоры на поставку продукции Безлюдовскому управлению складских поставок, управлению «Винницамашснабсбыт» и Донецкой конторе «Машснабсбыт» заводом заключены сроком на 1 год. По собственной инициативе облгосарбитраж продлил сроки действия договоров на пятилетний период. По таким же основаниям облгосарбитраж продлил сроки действия пяти договоров на поставку продукции, заключенных ХЭМЗом.

Проверяя, отражены ли сторонами в договоре все необходимые условия для осуществления поставки по прямым длительным хозяйственным связям с учетом Примерного договора, госарбитражи правильно удовлетворяют обоснованные требования покупателей о наиболее полной подготовке продукции к производственному потреблению, о включении в договор обязанностей поставщиков по обеспечению последовательного повышения качества и технико-экономических показателей продукции, о даче консультаций по вопросам использования новых видов продукции или усовершенствованных изделий, по оказанию практической помощи в отладке, доводке продукции или проведении шефмонтажных работ, по отгрузке продукции в течение периода поставки по согласованному графику. Особо, как представляется, следует обратить внимание на условия по отгрузке продукции по заранее согласованным графикам, являющейся новой и прогрессивной формой регулирования порядка поставки продукции. В условиях прямых длительных хозяйственных связей поставка по графику должна служить гарантией ритмичности производства и потребления, обеспечивать снижение издержек и уменьшение сверхнормативных запасов. Поставка продукции по графикам особенно целесообразна при значительных ее количествах.

Включение в заключаемый предприятиями (объединениями) договор пунктов, не предусмотренных действующим законодательством, в частности Примерным договором, и обеспечение их выполнения соответствующими санкциями должно, как отмечалось, повышать инициативу сторон в развитии длительных хозяйственных связей. Однако, как показывает практика, и здесь не все обстоит благополучно. Так, анализ долгосрочных договоров, заключенных харьковскими заводами «Электромашина», ХЭМЗ, ХТЗ, «Южкабель» и др., позволил установить, что многие пункты, включаемые в договоры, чрезмерно лаконичны (руководствоваться ими весьма затруднительно), некоторые из них незаконны или просто дублируют соответствующие пункты, предусмотренные Положением о поставках и Особыми условиями поставки отдельных видов продукции. Общим недостатком всех этих договоров является то, что они по своему содержанию мало чем отличаются от обычных (краткосрочных) договоров поставки, при их оформлении были использованы устаревшие, разработанные несколько лет назад и отпечатанные типографским способом бланки, рассчитанные на оформление годовых договоров.

Договор в условиях длительных хозяйственных связей призван не только конкретизировать плановый акт, но и выполнять роль инструмента, с помощью которого хозяйственные интересы сторон должны получить надлежащее правовое закрепление.

Именно этот аспект проблемы правового регулирования нуждается в особом развитии при завершении перевода предприятий-поставщиков и покупателей на прямые длительные хозяйственные связи в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г.

Следует обратить внимание и на необходимость упорядочения нормативного материала, в соответствии с которым регулируются длительные хозяйственные связи. Инструктивное письмо Госарбитража СССР регламентирует лишь длительные хозяйственные связи, охватывающие только транзитную поставку между предприятиями-поставщиками и предприятиями-покупателями (получателями). Поскольку такие связи возможны и с участием органов Госснаба СССР (опосредствованные длительные связи), данное письмо нуждается в изменениях и дополнениях. Это тем более необходимо, что длительные связи внедряются еще недостаточно. Так, лишь по Харьковскому территориальному управлению материально-технического снабжения было выявлено, что из подлежащих заключению 3629 договоров по планам прикрепления на прямые длительные хозяйственные связи на 1976—1980 гг. было заключено только 1532 договора (45%), из них предприятиями Харьковской области вместо 745 договоров — 386, т. е. 51%.

Значительный опыт, накопленный в ходе развития прямых длительных хозяйственных связей, позволяет поставить вопрос и о совершенствовании самого Положения о поставках продукции производственно-технического назначения. С учетом масштабов прямых длительных хозяйственных связей и перспектив дальнейшего их расширения в Положении, безусловно, должны найти отражение нормы, регулирующие порядок заключения и исполнения договоров на поставку продукции по прямым длительным хозяйственным связям. В п. 17 Положения следует особо предусмотреть возможность заключения длительных хозяйственных договоров между этими объединениями и органами Госснаба СССР на пятилетний период.

Нуждается в совершенствовании и п. 21 Положения. Он, как известно, указывает, что при отсутствии в договоре условий о предмете поставки (имеется в виду наименование продукции, ее количество и качество), сроках и цене на продукцию, договор считается не заключенным. Это правильно для годовых договоров. В многолетних договорах эти условия вначале определяются в общей форме, а затем они уточняются ежегодно. Поэтому в Положении необходимо специально оговорить, каким требованиям должно отвечать содержание договора, заключаемого сторонами на длительный (5 лет) период.

Положением не урегулирован вопрос о порядке восполнения недопоставленного количества продукции по истечении года по-

ставки, а также об ответственности за нарушение сроков поставки (помесячных, квартальных и т. д.), установленных в договоре, и за неисполнение в целом пятилетнего договора. Представляется, что применительно к этим случаям в Положении должны содержаться нормы, особо учитывающие характер и назначенные длительных хозяйственных связей.

Список литературы: 1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1977—1979).—М.: Политиздат, 1979, т. 12.—768 с. 2. Бюл. нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1974, № 2, с. 48. 3. Систематизированный сборник инструктивных указаний государственного арбитража при Совете Министров СССР.—М.: Юрид лит., 1976.—304 с. 4. Материально-техническое снабжение, 1972, № 1, с. 7—16. 5. *Нежинская Л. А., Баскин А. И.* Прогрессивные формы хозяйственных связей.—Киев: Наук. думка, 1977. — 254 с. 6. *Украинский Л.* Реализация продукции и ответственность предприятий по договорным обязательствам. — План. хоз-во, 1974, № 5, с. 5—10.

Поступила в редколлегию 24.12.80.

А. И. Потеряйко
Харьков

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ УЧЕБНО-НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС отмечал: «Условия, в которых народное хозяйство будет развиваться в 80-е годы, делают еще более настоятельным ускорение научно-технического прогресса»¹. Несомненно, в решении этой задачи важную роль призваны сыграть вузы, в которых в настоящее время сосредоточен значительный научный потенциал. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 апреля 1978 г. «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» обращено внимание вузов на необходимость серьезного улучшения организации научных исследований, повышения их теоретического уровня и прикладного значения, укрепления во всех областях своей деятельности связей с производством².

Одна из форм интеграции науки с производством — межведомственные учебно-научно-производственные объединения (УНПО). Они включают, с одной стороны, вузы системы Минвуза СССР, с другой — предприятия, производственные и научно-производственные объединения, находящиеся в ведении соответствующих хозяйственных министерств и ведомств, а также учреждения АН СССР и академий наук союзных республик.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981, с. 42.

² СП СССР, 1978, № 10, ст. 66.

Создание таких объединений позволяет соединять в процессе обучения накопление знаний и их практическое применение, максимально приблизить подготовку специалистов к запросам производства. Образование такого рода объединений вытекает из решений XXVI съезда КПСС, требующих органической увязки всех отраслей материального производства с передовой наукой. Подобные объединения уже созданы в Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Минске и др. Многие из них положительно зарекомендовали себя на практике, добились значительных успехов в деле подготовки кадров, совершенствования связей науки с производством. Однако такие объединения возникают при отсутствии правового статуса по инициативе отдельных вузов и предприятий, что отрицательно сказывается на эффективности всей их деятельности.

В целях упорядочения отношений, складывающихся в процессе организации и деятельности названных объединений, необходимо принять Типовое положение об УНПО, в котором были бы юридически закреплены основные начала деятельности объединений с учетом накопленного опыта. Минвузом УССР подготовлен проект такого Положения. Из него следует, что УНПО образуется на основании письменного согласия его участников, по совместным решениям Минвуза УССР и соответствующего хозяйственного министерства (ведомства) и действует на основе локального Положения, разработанного в соответствии с Типовым положением и утвержденного органами, создавшими объединение. На эти органы возлагается и руководство объединением. Общее учебно-методическое и научное руководство сохраняется за Минвузом УССР.

Отсутствие Типового положения об УНПО приводит к тому, что вышестоящие органы участников объединения утверждают конкретное Положение, неопределенное по содержанию и почти лишнее практического значения. Кроме того, они не принимают на себя никаких обязанностей, связанных с руководством объединением.

Проект Положения, разработанный кафедрой гражданского права Харьковского юридического института по заданию Минвуза УССР, устраняет эти недостатки. Представляется, что в проекте Положения правильно решен вопрос о внутренних органах управления объединением. На практике эти органы создаются исключительно на общественных началах и обычно включают Совет объединения (главный орган), в состав которого входят передовики производства, представители общественных организаций — участников объединения, рабочей группы, которая готовит вопросы на обсуждение Совета и осуществляет контроль за выполнением его решений. Во многих объединениях, в частности в БССР, непосредственно на их предприятиях на ос-

новании приказов руководителей министерств и ведомств, которым подчинены участники объединения, созданы особые базовые кафедры, призванные обеспечить условия для наиболее эффективного использования опыта высококвалифицированных кадров предприятия в целях совершенствования процесса обучения и воспитания будущих специалистов производства, сближения учебного процесса с производством, упрочить научно-технические связи между кафедрами и факультетами вуза и подразделения предприятия для оказания взаимной помощи в научно-исследовательской и производственной деятельности. Профессорско-преподавательский состав этих кафедр комплектуется из высококвалифицированных специалистов предприятия путем проведения конкурса и с учетом объема учебной нагрузки в пределах фонда зарплаты, выделенной вузу на соответствующий учебный год. Учебно-экспериментальную базу и учебно-вспомогательный персонал в пределах утвержденных лимитов по труду для кафедры выделяет предприятие.

В проекте Типового положения об УНПО учтены многие моменты, касающиеся структуры и деятельности органов его управления. Вместе с тем в проект следовало бы внести некоторые уточнения, в частности, предусмотреть, что состав Совета утверждается вышестоящими органами участников объединения и подотчетен этим органам, что должность заместителя сопредседателей Совета является штатной и утверждается в пределах фонда зарплаты, выделяемой вузу его министерством. Заместитель сопредседателей Совета по представлению последних назначается в установленном порядке и выполняет всю текущую работу, связанную с надлежащей организацией деятельности объединения, опираясь на постоянно действующую рабочую группу и аппарат объединения, специально выделенный его участниками в пределах их фондов зарплаты и лимитов по труду вспомогательно-технического персонала. Правовое положение базовых кафедр, создаваемых непосредственно на предприятиях объединения, предлагается оставить таким, каким оно сложилось на практике, т. е. как структурную единицу объединения, не пользующуюся правами юридического лица.

Заслуживает внимания исследование вопроса об имущественно-правовой обособленности УНПО. Имущество УНПО должны составлять основные и оборотные средства, образующие его уставный фонд, а также специальные фонды и другое имущество. УНПО включает следующие специальные фонды: развития объединения; материального поощрения; социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; амортизационных отчислений, предназначенных на капремонт; премирования за создание и внедрение новой техники; премирования за содействие изобретательству и рационализации; другие фонды в соответст-

вии с законодательством СССР. Источники, порядок образования и расходования специальных фондов определяются действующим законодательством и особым положением.

УНПО должна быть передана часть средств из единого фонда развития науки и техники вышестоящих органов участников УНПО (хозяйственных министерств) для финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и возмещения затрат, связанных с разработкой и освоением новых видов продукции, технологических работ и процессов, с внедрением научной организации труда, а также для финансирования дополнительных затрат по улучшению качества продукции. Часть основных и оборотных средств УНПО, закрепленных за структурной единицей, числится на ее отдельном балансе. Структурная единица получает в свое распоряжение часть средств специальных фондов УНПО в соответствии с действующим законодательством и особым положением о специальных фондах объединения. Общий размер собственных оборотных средств УНПО, их рост или сокращение должны утверждаться в установленном порядке, исходя из плановых заданий и норм расхода и запасов товарно-материальных ценностей. Закрепленные за УНПО оборотные средства в пределах норматива не могут быть изъяты у него вышестоящими органами.

Закрепленные за УНПО здания, сооружения, оборудование и иные основные средства могут передаваться другим организациям в порядке, предусмотренном законодательством. Временно не используемые здания и сооружения, производственные, складские и иные помещения, оборудование, транспортные средства и другое имущество, относящееся к основным фондам, УНПО могло бы с согласия его участников сдавать в аренду другим организациям (арендная плата за здания, сооружения и помещения взимается по ставкам, действующим в данной местности, а за другое имущество, относящееся к основным фондам, — в виде платы за фонды по этому имуществу). В соответствии с проектом излишнее, неиспользуемое оборудование, транспортные средства, приборы, инструменты, инвентарь, сырье, материалы и топливо могут быть реализованы УНПО другим организациям при условии соблюдения следующего порядка.

О наличии излишков материальных ценностей, фонды на которые выделены УНПО вышестоящими органами, должно быть сообщено последним, а в отношении излишков материальных ценностей, распределенных территориальными органами материально-технического снабжения, — соответствующему органу. При отказе вышестоящих органов от перераспределения излишков или неполучении ответа от них в двухнедельный срок со дня посылки сообщения УНПО извещает об этих излишках территориальные органы материально-технического снабжения. В

случае отказа этих органов от реализации излишков или неполучения ответа от него в месячный срок со дня посылки сообщения УНПО реализует излишки самостоятельно.

Материалы, инструменты и другие материальные ценности, приобретенные УНПО в порядке местных закупок, реализуются им самостоятельно. Суммы, поступившие в результате продажи материальных ценностей, относящихся к оборотным средствам, остаются в распоряжении УНПО в качестве его оборотных средств. Однако суммы от продажи излишнего сырья и материалов, приобретенных ранее за счет бюджетных ассигнований для научных целей, засчитываются при текущем финансировании работ или вносятся в доход бюджета. Суммы от продажи материальных ценностей, относящихся к основным средствам, остаются в распоряжении УНПО и направляются им в фонд развития.

УНПО предоставляет в бесплатное пользование профсоюзной и другим общественным организациям, находящимся на балансе объединения, арендованные здания, помещения, сооружения и другое имущество, необходимое для работы и проведения собраний, а также для ведения культурно-просветительной и физкультурной работы среди работников УНПО и членов их семей, технической пропаганды. Хозяйственное содержание этих объектов производится за счет УНПО.

УНПО передает безвозмездно с баланса на баланс профсоюзной и другим общественным организациям объединения (структурной единицы) культурно-бытовой и спортивный инвентарь, приобретенный за счет средств объединения, которые в соответствии с действующим законодательством могут быть использованы для приобретения такого имущества.

УНПО может безвозмездно предоставить вузу помещение для учебных целей, необходимое оборудование, приборы, инструменты, материалы для лабораторий и кабинетов, а также образцы машин, станков, оборудования, которые могут быть использованы в учебном процессе.

УНПО производит амортизационные отчисления на капремонт и полное восстановление основных фондов. Амортизационные отчисления, предназначенные на финансирование капремонта и составляющие целевой (специальный) фонд УНПО, расходуются как на капремонт, так и на модернизацию основных фондов, а также на приобретение деталей и узлов, необходимых для выполнения этих работ и замены изношенных деталей и узлов. За счет основных фондов могут осуществляться и затраты на приобретение нового оборудования взамен устаревшего, капремонт которого экономически нецелесообразен. Амортизационные отчисления, предназначенные для полного восстановления основных фондов, в установленных размерах остаются в распо-

ряжении УНПО. Остальная часть амортизационных отчислений, предназначенных для полного восстановления основных фондов, направляется в соответствии с действующим законодательством на финансирование централизованных капиталовложений. Таким образом, УНПО обладает имущественной обособленностью и несет самостоятельную имущественную ответственность на правах юридического лица. Вместе с тем в Положении об УНПО следует предусмотреть, что материальную основу его деятельности составляют научно-экспериментальные, производственные и лабораторные базы, находящиеся на самостоятельных балансах вуза и предприятия и выделяемые для совместного пользования всем участникам объединения. При этом нужно особо оговорить, что односторонний отказ от предоставления имущества или одностороннее изменение условий его использования не допускаются. Необходимо предусмотреть и другие меры, которые бы гарантировали устойчивость (стабильность) материально-технической основы деятельности УНПО. На таких же началах должен быть решен вопрос о финансировании и материально-техническом обеспечении совместных работ, проводимых в объединении.

В Типовом положении должны быть учтены требования, предусмотренные в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Прежде всего следует закрепить предусмотренный этим постановлением новый порядок планирования деятельности производственных объединений и предприятий, принимая во внимание длительные хозяйственные связи УНПО, желательно передать УНПО часть средств из единого фонда развития науки и техники вышестоящих органов — участников УНПО (хозяйственных министерств).

В Положении следует уточнить также права и обязанности УНПО в основных областях его деятельности: улучшения подготовки специалистов с высшим образованием, научно-педагогических кадров, повышения квалификации работников производства; совершенствования научных исследований и внедрения их результатов в производство; общественно-политической и культурно-массовой работы. Все права и обязанности объединения в указанных сферах деятельности необходимо рассматривать прежде всего как права и обязанности его участников, призванных активно содействовать осуществлению задач, стоящих перед объединением. При этом почти все права и обязанности, сформулированные в проекте Положения, вытекают из общих принципов действующего законодательства, задача заключается в том, чтобы их определенным образом систематизировать.

Роль Совета объединения, его сопредседателей, их штатного заместителя, всех других органов должна заключаться главным образом в координации деятельности его участников, в обеспечении надлежащего осуществления ими прав и исполнения обязанностей, в принятии необходимых организационно-практических мер по налаживанию работы в объединении. Разумеется, в связи с реализацией этих функций органы управления объединением, как это должно быть предусмотрено в Положении, пользуются своими правами. В частности за УНПО следует признать право утверждать комплексные планы работы объединения, право заслушивать на Совете отчеты руководителей организаций — участников объединения, право устанавливать порядок прохождения практики студентами в цехах и отделах предприятия, право назначать руководителей и исполнителей совместных научно-исследовательских работ и мероприятий, право рекомендовать к внедрению в производство законченные научно-исследовательские разработки.

Заслуживает внимания вопрос об административно-правовом положении УНПО. Объединение не может рассматриваться как вышестоящий орган по отношению к организациям (вузу и предприятиям), входящим в его состав. Оно лишь решает вопросы связей между входящими в него организациями по линии «учебный процесс — повышение квалификации преподавательских кадров работников вуза и работников производства — исследования — внедрение результатов научных исследований в производство — совместное проведение общественно-политических, культурно-массовых мероприятий». Однако объединение не может осуществлять какое-либо руководство в целом их деятельностью. Поэтому создание УНПО не должно изменять двухзвенной или трехзвенной структуры отраслевой ведомственной подчиненности входящих в объединение организаций, не должно давать им какие-либо обязательные указания по вопросам их уставной деятельности. Придание объединению функций административного руководства только нанесет ущерб деятельности вузов и организаций, входящих в состав объединения.

Вместе с тем УНПО — это не только организация, созданная с согласия его участников для достижения их общей цели, но и орган Минвуза и соответствующего другого министерства (ведомства), которым подчинены участники объединения. Исходя из такого административно-правового статуса УНПО, в Типовом положении и должен быть рассмотрен вопрос о юридической силе принимаемых Советом объединения и другими его органами управления решений, в частности следует оговорить, что решения Совета обязательны для участников объединения, но проводятся они в жизнь приказами руководителей организаций — участников объединения. Решения Совета и других органов уп-

правления УНПО, касающиеся деятельности его учебно-научных подразделений (базовых кафедр) или аппарата объединения, имеют обычный распорядительный характер.

Поступила в редколлегию 12.12.79.

В. К. Попов, канд. юрид. наук
Харьков

ПРАВО ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ — ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В МЕЖХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Право оперативного управления имуществом исследовано достаточно полно. Общеизвестно, что право оперативного управления производно от права социалистической собственности. Отношения собственности в СССР постоянно развиваются и совершенствуются в направлении сближения колхозно-кооперативной собственности с государственной и слияния их в общенародную собственность. Это закономерный процесс. В свою очередь право социалистической собственности как юридическая форма отношения собственности также развивается и совершенствуется, что обуславливает необходимость совершенствования права оперативного управления имуществом. Особое значение приобретает развитие права оперативного управления в условиях межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве в процессе совместного функционирования государственной и колхозно-кооперативной собственности. Цивилистическая наука, справедливо уделяя большое внимание исследованию права оперативного управления имуществом, к сожалению, недостаточно занимается изучением взаимосвязей этого правового института с материальными интересами социальных субъектов. Между тем право социалистической собственности и право оперативного управления являются не только юридическими формами определенных экономических отношений, но и правовыми формами, обеспечивающими реализацию общенародных и коллективных интересов.

Система материальных интересов в условиях развитого социализма реализуется в различных правовых формах, в том числе и гражданско-правовых (право собственности, право оперативного управления имуществом, договор и т. д.). Комплексный правовой анализ названных форм — это самостоятельная сложная проблема. Поэтому в статье рассматривается лишь одна из основных гражданско-правовых форм реализации интересов — право оперативного управления имуществом в процессе межхозяйственного кооперирования. При этом основное внима-

ние уделяется исследованию методологических аспектов данной правовой формы и отдельные частные вопросы здесь не затрагиваются.

Анализ теоретических вопросов права оперативного управления имуществом как правовой формы реализации материальных интересов следует начать с характеристики материального интереса. Понятие «интерес» (в том числе и материальный) — дискуссионное в философской, социальной, экономической и правовой литературе. Наибольшие споры вызывает уяснение природы и сущности интереса. Понятно, что разногласия по этим основным вопросам сказываются на разработке его научного определения. При отсутствии приемлемого для науки и практики понятия интереса едва ли можно плодотворно исследовать его соотношение с другими объективными и субъективными явлениями. При изучении материального интереса закономерно возникает вопрос: существует ли интерес объективно или он результат человеческого разума? Анализ литературы, в которой предпринимались попытки определения природы интереса, показывает, что при всем разнообразии отдельных точек зрения их можно объединить в следующие основные направления. Во-первых, интерес относится к субъективной категории, поэтому он рассматривается как состояние сознания, направленность мыслей и внимания человека к определенному предмету, к приобретению материальных благ и т. д. Во-вторых, интерес понимается как единство объективного и субъективного. В-третьих, интерес рассматривается как объективно существующее социальное явление, обусловленное материальными условиями жизни людей, поэтому он осознается людьми.

Сложность изучения проблемы заключается в том, что интерес как особое социальное явление тесно связан с экономическими и другими общественными отношениями, с экономическими законами, потребностями человека, с законами природы и иными объективными категориями, а также с деятельностью человека, обладающего психологическим фактором. Сознательная деятельность человека, его поведение в значительной мере регулируются нормами права, устанавливаемых или санкционируемых государством. Поэтому при исследовании природы и сущности интереса необходимо исходить из его многоаспектных связей с объективными и субъективными явлениями, не упуская из виду самостоятельности каждого из них.

Методологическая основа исследования природы и сущности интереса — марксистско-ленинская философия, определяющая общий характер приемов и способов, применяемых при исследовании любых научных проблем. В. И. Ленин указывал на теорию К. Маркса как на объективную истину: «Идя по пути марксовской теории, мы будем приближаться к объективной истине все

больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» [2, т. 18, с. 146]. У классиков марксизма-ленинизма мы не встречаем развернутой формулировки (дефиниции) понятия интереса. Однако всесторонний анализ их высказываний по этому вопросу позволяет заключить, что интерес выступает как объективно существующее социальное явление. При характеристике интереса К. Маркс отмечал, что «общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд» [1, т. 3, с. 31]. В другом месте он говорил, что «всеобщий интерес становится особым интересом *в действительности*, а не только — как у Гегеля — в мысли, в абстракции...» [1, т. 1, с. 273]. Раскрывая взаимосвязь личных интересов с условиями, создаваемыми обществом, К. Маркс подчеркивал, что интерес частных лиц, «его содержание, как и форма и средства осуществления, даны общественными условиями, независимыми от индивидов» [1, т. 46, ч. I, с. 99]. На объективность интересов указывал и Ф. Энгельс, который писал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» [1, т. 18, с. 271]. Взгляды В. И. Ленина на проблему интересов соответствуют основным положениям, выдвинутым К. Марксом и Ф. Энгельсом. В многочисленных своих выступлениях он упоминал о действительных, реальных интересах государства, рабочего класса, крестьянства, отдельных граждан, отмечал, «что самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства» [2, т. 36, с. 327]. Объективный характер интересов специально подчеркивал Г. В. Плеханов, полностью поддерживая высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу. Он в частности писал: «Откуда берутся интересы? Представляют ли они собой продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет. Они создаются экономическими отношениями людей. Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в сознании людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознавать его» [3, с. 260]. Классики марксизма-ленинизма рассматривали осознание интересов как одну из важнейших проблем. К. Маркс неоднократно указывал на необходимость «просветить рабочего насчет его собственных интересов» [1, т. 4, с. 409]. Проблему осознания интересов предельно четко выразил В. И. Ленин: «Сильны только те борцы, которые опираются на *сознанные* реальные интересы известных классов...» [2, т. 2, с. 453]. Сама постановка вопроса об осознании интересов говорит об их объективности. Таким образом, интерес по своей природе выступает

как объективно существующее социальное явление в общественной жизни.

Немало споров вызывает и вопрос о сущности интересов. Во-первых, под интересом понимают осознанную потребность. Во-вторых, интерес представляет собой стремление человека к удовлетворению своей потребности. В-третьих, интерес — это объективно существующая связь между субъектом и материальными условиями жизни (средой). В-четвертых, интерес — это объективная причина, побуждающая человека к определенной деятельности. В-пятых, интерес — это объективное выражение существующих или возникаемых общественных отношений. Наконец, имеется мнение, что интерес есть отношение человека к своим потребностям и другим условиям жизни, причем одни авторы под интересом понимают субъективное отношение, другие, наоборот, рассматривают его как объективное отношение субъекта к потребностям.

Критикуя сторонников субъективного понимания интереса, К. Маркс указывал, что всеобщий интерес выступает не простым душевным состоянием, а «отношением, необходимо возникающим из всего предшествующего естественного образа жизни индивидов» [1, т. 3, с. 236]. Это положение имеет огромное значение для характеристики интереса, является как бы ключом к определению его сущности. Не менее важно высказывание К. Маркса о содержании интереса: «Поскольку меня определяют и насиляют мои собственные потребности, насилие надо мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря, мой интерес, выступающий во всеобщей рефлексированной форме)» [1, т. 46, ч. I, с. 192]. Отсюда вытекают важные выводы, имеющие методологическое значение. Прежде всего интерес выступает как объективное отношение субъекта к своим потребностям и другим жизненным условиям. Интерес — это не сама потребность людей, а объективно существующее отношение индивида, класса, коллектива людей, общества к материальным потребностям. Положение К. Маркса о том, что интерес представляет собой объективное отношение, полностью согласуется с его высказываниями о существовании интереса в реальной действительности, а не только в представлениях людей о нем. Важно и то, что интерес как особого рода отношение субъектов к своим потребностям диалектически связан со способами производства, с естественным образом жизни людей. По мнению К. Маркса, общественные и личные интересы действуют прежде всего «в рамках существующего способа производства» [1, т. 3, с. 237]. Иными словами, удовлетворение системы интересов нельзя отрывать от уровня развития производительных сил и

состояния производственных отношений. Содержанием интересов субъектов выступают их потребности.

Вот почему объективно существующее отношение субъектов к потребностям (интерес) должно осознаваться людьми. Объективность интересов состоит в том, что они являются первичными по отношению к сознанию. Именно интересы определяют волю и сознание отдельных лиц, коллективов людей, классов, общества. Из сознания нельзя вывести и объяснить сущность объективных интересов. Конечно, без участия воли и сознания едва ли возможна реализация интереса. Однако здесь нельзя смешивать объективную сущность интересов с процессом их осознания и реализации. Осознание интересов вовсе не означает, что они возникают только тогда, когда они осознаны людьми. Напротив, интересы действительно существуют и тогда, когда они не получили еще отражения в сознании человека. Например, общественный интерес в повышении эффективности аграрного производства осознается не всеми работниками сельского хозяйства сразу. Между тем этот интерес существует постоянно, независимо от его осознания. Он обусловлен общественным производством, которое обеспечивает реализацию материальных интересов отдельных лиц, коллективов людей и в целом общества. Если считать, что интерес — это результат сознания человека, то не возникает вообще проблемы осознания интересов. Такое понимание интереса приводит к субъективизму. Далее, если исходить из того, что вне сознания людей интересы существовать не могут, то придется признать, что лица, которые не обладают зрелой волей, нормальным сознанием, способностью принимать правильное решение, направленное на реализацию интересов, лица с нарушенной психикой, не имеют своих интересов. Едва ли такой подход согласуется с реальной действительностью. Нельзя понимать интерес и как единство объективного и субъективного. При исследовании интереса как объективного явления неверно исходить из того, что осознавать объективное значит порождать или же превращать его в субъективное. Например, объективные экономические законы социалистического общества планомерно регулируются и сознательно используются государством. Но из этого вовсе не вытекает, что сознательное использование этих законов превращает их в субъективную категорию. Когда явление по своей природе объективно, то неизмеримо возрастает роль сознательной деятельности людей, государства в его изучении и использовании. Сказанное позволяет определить, что социалистический материальный интерес представляет собой объективно существующее, особого рода отношение социального субъекта к своим материальным потребностям и другим материальным условиям жизни, обеспечивающее удовлетворение этих потребностей в рамках социа-

листического способа производства для социального самоутверждения и развития субъекта.

Поскольку материальный интерес является по своей природе объективным, он должен осознаваться субъектами. Именно в рамках интереса реализуются необходимые потребности субъектов. В процессе осознания интересов субъекты как бы отбирают материальные потребности, которые им необходимы для самоутверждения и развития. В реальной жизни возможны такие ситуации, когда материальные потребности субъектов имеются в наличии, однако они не удовлетворяют их интересы. Вот почему производство материальных потребностей в обществе должно более или менее соответствовать интересам социальных субъектов. Абсолютно полного совпадения между потребностями и интересами во всех случаях и на всех этапах общественного развития быть не может в силу объективных и субъективных факторов. Материальные интересы порождаются постоянно действующим общественным объективным законом возвышения потребностей общества, коллектива людей, индивидов. Этот закон не может быть отменен волей людей. Для реализации своих интересов субъекты постоянно связаны общественными отношениями, вне которых невозможна реализация интересов социальных субъектов. Таким образом, выясняется следующая иерархия соотношения: материальные интересы — объективная форма материальных потребностей субъектов, в свою очередь материальные интересы выступают содержанием экономических общественных отношений, а последние — формой реализации интересов.

Право одновременно выполняет функции правовой формы экономических отношений и материальных интересов социальных субъектов. Тот факт, что экономические отношения являются формой реализации материальных интересов вовсе не означает, что интересы трансформируются в экономические отношения. С какой бы точки зрения мы ни рассматривали экономические отношения, они всегда остаются ими, а не материальными интересами. Далее, когда конкретные экономические отношения принимают юридическую форму в виде правоотношения, то и здесь они не преобразуются в правоотношения. Напротив, экономические отношения продолжают быть самостоятельными, они лишь принимают определенную юридическую форму.

К числу основных социалистических отношений относятся отношения собственности, которые, по мысли К. Маркса, порождают вторичные, третичные и в более отдаленной степени экономические отношения. Собственность — это сложное экономическое отношение, которое имеет свою правовую форму — право собственности. Однако следует иметь в виду, что право собственности, являясь формой отношений собственности, имеет

и свое непосредственное правовое содержание (право владения, право пользования, право распоряжения имуществом).

Из ст. 10 Конституции СССР вытекает, что государственная и колхозно-кооперативная собственность на средства производства составляют основу экономической системы СССР. Государственная собственность как первичное экономическое отношение порождает производные экономические отношения. Государство передает определенное имущество созданным им же социалистическим организациям для осуществления производственно-хозяйственной деятельности. Здесь возникают вторичные экономические отношения, которые по своей природе являются объективными. Данные отношения не выступают отношениями собственности, их следует считать объективными экономическими отношениями, обеспечивающими развитие отношений государственной собственности. Такое соотношение между двумя названными экономическими отношениями вытекает объективно из существа социалистической собственности. Правовой формой вторичных экономических отношений является право оперативного управления имуществом. Государственные организации как обладатели права оперативного управления вправе пользоваться, владеть и в определенных пределах, установленных государством-собственником, распоряжаться закрепленным за ними имуществом. Здесь право оперативного управления выступает также правовой формой реализации материальных интересов коллективов социалистических организаций.

В условиях межхозяйственного кооперирования функционируют совместно экономические отношения государственной и колхозно-кооперативной собственности. Например, в 1980 г. функционировало свыше 13 тыс. межхозяйственных предприятий и объединений в сельском хозяйстве СССР. Всего в кооперации участвует 96% общего количества колхозов и 60% совхозов. Многие хозяйства входят в несколько межхозяйственных формирований. В соответствии с действующим законодательством межхозяйственные организации могут быть межсовхозными, межколхозными и государственно-колхозными [4; 5].

Межсовхозное предприятие или производственное объединение не является собственником закрепленного за ним имущества. Собственником данного имущества выступает государство. Однако межсовхозное предприятие или объединение пользуется, владеет и распоряжается имуществом на праве оперативного управления, производном от права собственности государства. Право оперативного управления имуществом — самостоятельная правовая форма реализации материальных интересов государственных межхозяйственных организаций и объединений. Без права оперативного управления имуществом невозможно было бы обеспечить рациональное сочетание материальных ин-

тересов совхозов-участников кооперации, межхозяйственных организаций. При совместном функционировании собственности нескольких колхозов, а также государства и колхозов в процессе межхозяйственного кооперирования возникает общая собственность, юридической формой которой является право общей собственности. Возникновение и развитие общей собственности объективно обусловлено общими материальными интересами собственников. Такими интересами выступают отношения участников кооперации с создаваемым материальным потребностям в виде сельскохозяйственной продукции, необходимой обществу, а не просто всякой продукции. Только таким образом можно говорить о рациональной реализации материальных интересов участников кооперации и государства. Если аграрные предприятия производят материальные потребности без учета интересов общества, то здесь возникают так называемые эгоистичные интересы данных организаций. Подобные интересы советское право не может брать под защиту. К сожалению, на практике иногда встречаются случаи существования указанных интересов, причем из-за несовершенства законодательства они даже реализуются. Например, некоторые аграрные предприятия сознательно продают государству большое количество продукции сверх плана по повышенным расценкам, уменьшая фуражные фонды, а затем покупают у государства фуражное зерно по более низким ценам. Отдельные объединения сельскохозяйственного машиностроения производят и реализуют аграрным организациям устаревшие машины вопреки их интересам. При функционировании межколхозных и государственно-колхозных предприятий и объединений последние пользуются, владеют и распоряжаются закрепленным за ними имуществом на праве оперативного управления. Можно утверждать, что право оперативного управления имуществом выступает универсальной правовой формой, обеспечивающей развитие государственной и колхозно-кооперативной собственности, а следовательно, и правовой формой реализации системы материальных интересов. Право оперативного управления не есть какое-то застывшее явление, оно в условиях межхозяйственного кооперирования весьма динамично, так как совершенствование правомочий субъектов оперативного управления осуществляется под воздействием объективного закона возвышения потребностей, выступающих материальной основой удовлетворения интересов.

При характеристике права оперативного управления имуществом в условиях межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции необходимо учитывать следующие факторы. Во-первых, содержание права оперативного управления имуществом, закрепляемого за межсовхозным предприятием или объединением, определяется как государством, так и совхозами-

участниками кооперации, не являющимися собственниками имущества. Во-вторых, при государственно-колхозном кооперировании право оперативного управления имуществом устанавливается государством в связи с передачей из государственного фонда определенного имущества государственно-колхозным организациям и объединениям, а также колхозами-собственниками и совхозами. В-третьих, межхозяйственные предприятия, пользуясь имуществом на праве оперативного управления, могут быть участниками производственного объединения, поэтому они также устанавливают в определенных пределах содержание права оперативного управления имуществом, закрепляемого за объединением. В-четвертых, производственные объединения являются юридическими лицами и пользуются имуществом также на праве оперативного управления. Однако это право не распространяется на имущество, состоящее на балансе совхозов, колхозов и других организаций, входящих в объединение на правах юридического лица. В-пятых, правомочия владения, пользования и распоряжения осуществляются на демократических началах: в межхозяйственном предприятии — через собрания уполномоченных представителей хозяйств, в производственном объединении — через совет объединения. Таким образом, право оперативного управления имуществом в условиях одновременного функционирования нескольких форм социалистической собственности выступает в усложненном виде и характеризуется многоступенчатостью. Это право — юридическая форма реализации системы материальных интересов в условиях межхозяйственного кооперирования, оно способствует сближению двух форм социалистической собственности: государственной и колхозно-кооперативной.

Список литературы: 1. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 1, 3, 4, 18, 46, ч. I. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, 18, 36. 3. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения.—М.: Госполитиздат, 1956, т. 2.—456 с. 4. Общее положение о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве от 14 апреля 1977 г.—СП СССР, 1977, № 13, ст. 80. 5. Положение о производственном объединении в сельском хозяйстве от 7 декабря 1978 г.—СП СССР, 1979, № 3, ст. 15.

Поступила в редколлегию 27.12.79.

Л. Я. Носко, канд. юрид. наук
Харьков

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРОВ НА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПОДЪЕЗДНЫХ ПУТЕЙ

Повышение эффективности работы на подъездных путях требует дальнейшего совершенствования правовых форм коор-

динирования совместной работы предприятий магистрального и промышленного железнодорожного транспорта по организации перевозочного процесса путем четкого определения объема их прав и обязанностей и взаимной материальной ответственности.

Юридическая природа Договора на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей и договора на подачу и уборку вагонов¹ определяется по-разному. Если ограничиться анализом чисто внешних форм, в которых выражается перевозочный процесс магистрального железнодорожного транспорта с участием железнодорожных подъездных путей, то можно заключить, что он ничем не отличается от процессов, составляющих предмет регулирования других известных и хорошо изученных гражданско-правовых договоров.

Договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей предусматривают выполнение такой работы, которая обеспечивает перемещение грузов из сферы производства в сферу обращения. Но выполнение работ обычно достигается путем договора подряда. Рассматриваемыми договорами охватываются и погрузочно-разгрузочные работы, когда их выполнение возлагается на грузоотправителей, находящихся на железнодорожных подъездных путях. Далее, поскольку по договорам на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей на железнодорожные пути или к прирельсовым складам и погрузочно-разгрузочным площадкам подаются вагоны, которые до возвращения железной дороге находятся во владении контрагентов транспорта и используются в их интересах, создается впечатление, что в этих договорах встречаются элементы имущественного найма. Наконец, подавая вагоны на железнодорожные подъездные пути своим локомотивом, железные дороги оказывают предприятиям, организациям или учреждениям услуги. Исходя из этого, некоторые авторы считают договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей специальной разновидностью договора подряда в форме предоставления услуг, включающую в себя ряд других правовых элементов, либо разновидностью договора имущественного найма или договора об оказании услуг. Рассматривают их и как разновидность договора перевозки. Однако ни одну из указанных точек зрения нельзя признать правильной [2, с. 127].

Исследуя этот вопрос, во-первых, надо учитывать, что юридическая природа гражданско-правовых договоров определяется по его основной (конкретной) цели или, иначе говоря, по тому правовому результату, на достижение которого направлен договор, но не по сопутствующим его условиям [1, с. 60]. Основная

1 Поскольку договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей и на подачу и уборку вагонов однотипны, в дальнейшем изложении упоминается только договор на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей.

(конкретная) цель договоров на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей состоит в том, чтобы организовать перевозочный процесс по перевозке магистральным железнодорожным транспортом с использованием железнодорожных подъездных путей.

Во-вторых, нельзя выяснить правовую природу исследуемых договоров без учета специфики регулируемых ими общественных отношений, которая определяется особенностью железнодорожного транспорта как отрасли материального производства, и без анализа взаимосвязи этих договоров с обязательством по перевозке грузов. Главное состоит в том, что производимый железнодорожным транспортом продукт — перевозка — это результат производственной деятельности — перевозочного процесса, от которого он неотделим. Что касается взаимосвязи договора на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей и договора перевозки грузов, то она выражается в том, что договор на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей организует перевозочный процесс магистрального транспорта с использованием железнодорожных подъездных путей, а договоры перевозки опосредствуют его осуществление.

В связи со сказанным представляется более правильной позиция Г. В. Ферапонтова. Особенность рассматриваемых договоров состоит в том, что в них присутствуют элементы, характерные для договоров подряда, имущественного найма и поручения. Однако ни один из них, как главный, не определяет их правовую природу. Только совокупность всех этих элементов дает качественное образование, составляющее основную (конкретную) цель договора на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей. В таком аспекте Г. В. Ферапонтов выделяет его в качестве особого рода договора. Он пишет: «Договор на эксплуатацию подъездных путей — это специфическая форма договора, включающая в себя все элементы взаимоотношений, возникающих между железной дорогой и ветвевладельцем в процессе эксплуатации подъездного пути необщего пользования. Договор является организующим началом обеспечения четкой, слаженной работы станции и подъездных путей или предприятий, организаций и учреждений, имеющих свои прирельсовые склады и погрузочно-разгрузочные площадки на подъездных путях, прилегающих к железной дороге» [6, с. 7]. Что следует понимать под организующим началом с правовой точки зрения, показал В. И. Сухинин, предпринявший попытку раскрыть природу этих договоров через связь последних с «грузоперевозочными отношениями», т. е. с отношениями по договору перевозки грузов. Поскольку в договоре перевозки грузов в начальных и конечных моментах перевозочного процесса сторонам необходимо организовать выполнение грузоперевозочных обязанностей, между ними возник-

кают определенные отношения, которые направлены на организацию выполнения имущественных отношений. Такие отношения В. И. Сухинин называет организационными, так как они построены на началах координации и направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, в частности упорядочивают начальные и конечные моменты перевозочных отношений путем установления места, срока, способа, порядка исполнения имущественно-правовых перевозочных отношений [5, с. 109—110]. Вместе с тем В. И. Сухинин отмечает их гражданско-правовую природу, поскольку эти отношения основаны на началах равенства участников. С таким выводом следует согласиться, но надо добавить, что хотя они организационные, их гражданско-правовая природа определяется не только началом равенства участников (координацией), но и тем, что они направлены на организацию иных общественных отношений, в данном случае имущественных. Такие отношения возникают на основе договоров, которые О. А. Красавчиков правильно выделяет в самостоятельный тип гражданско-правовых договоров [3, с. 56].

Ближайшая (конкретная) цель договоров на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей, как было отмечено, состоит в том, чтобы организовать перевозочный процесс магистральным железнодорожным транспортом с использованием железнодорожных подъездных путей.

Таким образом, особенность гражданско-правовых отношений, возникающих на основании договоров на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей состоит в том, что они обслуживают другие гражданские правоотношения, основанные на плане и договоре перевозки, представляют собой определенное организационно-правовое средство, используемое сторонами в целях упорядочения своих основных имущественных отношений. Именно этим и определяется соотношение обязательств, основанных на договорах на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей и договорах перевозки грузов. Обязанность соблюсти место, способ, порядок подачи вагонов под погрузочно-разгрузочные операции возникает из договора на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей, а обязанность подать вагоны под погрузочно-разгрузочные операции, очистить вагоны, загрузить их и выгрузить и др. — из обязательств, основанных на плане и договоре перевозки.

Поскольку при перевозке грузов потребляется не услуга, а производственная деятельность транспорта, ее овеществленный материальный результат — перевозочный процесс, договор перевозки грузов рассматривается в системе гражданско-правовых договоров как самостоятельный тип договора [4, с. 39]. Органическая связь договоров на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей с договорами перевозки свидетельствует о том,

что эти договоры опосредствуют транспортную деятельность — перевозочный процесс. Следовательно, и договор на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей по юридической природе тоже относится к самостоятельному виду транспортных договоров.

Итак, подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей по юридической природе являются гражданско-правовыми организационно-имущественными транспортными договорами.

Договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей относятся к числу двусторонних, возмездных, консенсуальных договоров. Обе стороны в этих договорах имеют права и несут обязанности. Железная дорога обязана подавать вагоны на железнодорожные подъездные пути под грузовые операции, а предприятия, организации и учреждения — ветвевладельцы или контрагенты — выполнять определенную норму простоя вагонов на подъездном пути, отправлять грузы маршрутами, механизировать погрузочно-разгрузочные работы и т. д. Здесь происходит использование имущества одной стороны в интересах другой. Поэтому их надо отнести к числу возмездных договоров. Действия одной стороны в договоре компенсируются действием другой. Так, по договорам оплачиваются услуги за содержание участков земли, занятых подъездными путями и сооружениями в полосе отвода, а также за подачу и уборку вагонов и маневровую работу.

Договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей являются консенсуальными договорами. Права у сторон возникают с момента достижения соглашения. Форма рассматриваемых договоров письменная. Они заключаются в соответствии с типовыми договорами.

Договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей имеют большое значение как для железнодорожного транспорта и клиентуры, пользующейся транспортом, так и для всего народного хозяйства в целом. Они выступают правовой формой координации работы железных дорог и железнодорожных подъездных путей, обеспечивают четкость и быстроту выполнения погрузочно-разгрузочных работ на подъездных путях и тем самым оказывают прямое воздействие на выполнение плана перевозок и эффективность работы магистрального транспорта. Своевременность выполнения погрузочно-разгрузочных работ на железнодорожных подъездных путях влияет на оборот вагонов и, следовательно, на эффективность их использования и производительность подвижного состава. От повышения производительности вагона зависит своевременный вывоз готовой продукции со складов предприятий, а значит, и выполнение плана по реализации продукции и своевременное поступление продукции, необходимой для производственных планов.

Особое значение договоры на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей имеют для обеспечения ритмичной работы железнодорожных станций и подъездных путей. На их основе возникают и развиваются прогрессивные формы совместной работы магистрального и промышленного железнодорожного транспорта.

Список литературы: 1. *Гордон М. В.* Система договоров в советском гражданском праве.—Тез. докладов конф. в Харьк. юрид. ин-те.—Харьков, 1954, с. 60—66. 2. *Гуськова И. В.* Новое в правовом регулировании эксплуатации подъездных путей.—Уч. зап. ВНИИСЗ.—М., 1964, 3/20, с. 122—145. 3. *Красавчиков О. А.* Гражданские организационные отношения.—Сов. государство и право, 1966, № 10, с. 50—57. 4. *Носко Л.* Суть та зміст договору перевезки вантажів залізничним транспортом.—Рад. право, 1976, № 9, с. 38—41. 5. *Сухинин В. И.* К вопросу о правовой природе договора на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей.—Тр. Томск. ун-та, 1971, т. 219, с. 109—110. 6. *Ферапонтов Г. В.* Эксплуатация железнодорожных подъездных путей.—М.: Транспорт, 1966.—301 с.

Поступила в редколлегию 13.12.79.

С. А. Черниченко, канд. ист. наук
Харьков

В. И. ЛЕНИН И УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭП

Развитие советского общества неразрывно связано со всемерным укреплением социалистической законности, т. е. строгим и неуклонным соблюдением законов и основанных на них предписаний Советского государства всеми органами власти и управления, общественными организациями и гражданами.

Созданию и укреплению социалистической законности неослабное внимание в своей повседневной деятельности уделял основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин. Уже в первый год Советской власти при его непосредственном участии Совнарком и ВЦИК приняли около 550 декретов, появились и первые кодексы советских законов. Все они вместе послужили нормативной основой для внедрения революционной законности в стране.

Важную роль в укреплении начал социалистической законности в молодой Советской республике сыграла Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 г. V Всероссийским съездом Советов. В ней в законодательной форме были выражены ленинские принципы организации, строительства и деятельности первого в мире государства диктатуры пролетариата.

В начале ноября 1918 г. В. И. Ленин подготовил «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов», в котором

подчеркнул, что «законность должна быть повышена (или строжайше соблюдается), ибо основы законов РСФСР установлены» [1, т. 37, с. 129]. Вместе с тем в условиях начавшейся гражданской войны, когда требовалось принятие решительных мер в защиту интересов республики, а законы носили еще фрагментарный характер, В. И. Ленин указал на необходимость предоставления органам Советской власти в центре и на местах возможности руководствоваться наряду с законами и соображениями революционной целесообразности. Ленинские тезисы были утверждены ЦК РКП(б) и легли в основу постановления Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов (ноябрь 1918 г.) «О революционной законности». Немного позже это постановление по предложению В. И. Ленина было издано как декрет Советской власти «О точном соблюдении законов» [5, 1918, № 90, ст. 908].

К концу 1920 г. вооруженные силы молодой республики Советов победоносно завершили гражданскую войну и разгромили иностранных интервентов. Трудящиеся Советской страны получили возможность приступить к мирному социалистическому строительству. В. И. Ленин, выступая на Московской губернской конференции РКП(б) в ноябре 1920 г., подчеркнул: «...мы имеем не только передышку, — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано» [1, т. 42, с. 22].

Успешное восстановление разрушенного войной народного хозяйства, упрочение хозяйственной формы союза рабочего класса и крестьянства в интересах диктатуры пролетариата и построения социализма потребовали дальнейшего укрепления революционной законности. Это необходимо было и для развертывания советской демократии, «оживления» Советов, вовлечения широких масс трудящихся в управление государством.

XI Всероссийская конференция РКП(б), состоявшаяся в декабре 1921 г., в решении «Об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства» записала: «Поскольку победа трудящихся обеспечила Советской России хотя бы временный и неустойчивый мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан» [2, с. 306].

Однако проведение в жизнь начал законности встретило упорное сопротивление свергнутых, но недобитых эксплуататорских классов. Капиталистические элементы и их пособники как

внутри страны, так и за ее пределами предпринимали одну за другой попытки возродить в Советской России буржуазное право, буржуазную законность. К тому же по отношению к социалистической законности нигилистически были настроены многие работники государственного аппарата. «Война и гражданская борьба, — говорил М. И. Калинин, — создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них — значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона» [4, с. 166].

В центральной печати в начале 20-х гг. появились статьи, отрицающие необходимость введения в стране строгих начал революционной законности. Даже нарком юстиции Д. И. Курский однажды обвинил работников, высказавшихся за укрепление законности в условиях нэпа, в их тоске по буржуазной законности [7, 1921, 19 мая]. По вопросу об укреплении социалистической законности в стране развернулась ожесточенная политическая и идеологическая борьба.

В. И. Ленин, считая, что усиление революционной законности в условиях нэпа вытекает из самого существа строительства социалистической экономики, на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. отметил: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...» [1, т. 44, с. 329].

В первые годы нэпа революционная законность, с одной стороны, должна была способствовать развитию торгового оборота, гарантировать единоличному, частному хозяйству, капиталисту неприкосновенность их имущества при условии строгого соблюдения ими советских законов. С другой стороны, законность должна была держать торговый оборот в определенных пределах, ограничивать рост и развитие капиталистических элементов города и деревни.

В «Наказе по вопросам хозяйственной работы», принятом IX Всероссийским съездом Советов в декабре 1921 г., В. И. Ленин поставил перед органами советской юстиции задачу строго следить за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, «не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики...» [1, т. 44, с. 337]. В феврале 1922 г. он вновь возвращается к этому вопросу. В письме «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» он требует заставить капиталистические элементы «считаться не только с буквой, но и с духом нашего, коммунистического законодательства, не допускать ни тени от-

ступления от наших законов...» [1, т. 22, с. 399]. По директивам партии органы Советского государства в центре и на местах последовательно претворяли в жизнь эти ленинские указания. Они строго пресекали попытки буржуазных элементов обойти советские законы.

Задачи укрепления социалистической законности потребовали установления единой законности по всей стране. Среди мероприятий по созданию единой законности в Советской республике огромное значение имели организация прокуратуры, реорганизация ВЧК и судебная реформа.

Идея создания централизованной, независимой от органов управления и местных властей прокуратуры, главной функцией которой должен быть общий надзор за состоянием законности, была изложена Н. В. Крыленко в декабре 1921 г. [7, 1921, 29 дек.]. На ее основе работники юстиции подготовили проект «Положения о прокурорском надзоре», который в мае 1922 г. рассмотрела третья сессия ВЦИК девятого созыва. При его обсуждении часть членов ВЦИК выдвинула ошибочное предложение о применении к прокуратуре принципа «двойного» подчинения и лишения ее права опротестовывать незаконные решения местных органов власти, объясняя это тем, что введение централизованной, независимой от местных органов власти прокуратуры якобы является нарушением Конституции и выражает недоверие этим органам [7, 1922, 16 мая]. Их поддержали некоторые члены комиссии ЦК партии по руководству работой сессией ВЦИК.

В этой связи В. И. Ленин, несмотря на то, что был болен, продиктовал по телефону 20 мая 1922 г. из Горок для Политбюро ЦК РКП(б) письмо «О двойном» подчинении и законности». В нем он обосновал необходимость дальнейшего укрепления революционной законности в условиях нэпа и социалистического строительства, разработал исходные принципы организации и деятельности советской прокуратуры. Работу прокуратуры, указывал В. И. Ленин, следует строить таким образом, чтобы она была независима от местных органов власти, дать ей право опротестовывать решения этих органов и подчинить прокуратуру только центральной прокурорской власти. Последняя, по мысли В. И. Ленина, должна работать «под самым близким наблюдением и в самом непосредственном контакте с тремя партийными учреждениями, которые представляют из себя максимальную гарантию против местных и личных влияний, именно: Оргбюро ЦК, Политбюро ЦК и ЦКК, причем это последнее учреждение, т. е. ЦКК, ответственное только перед съездом партии...» [1, т. 45, с. 200]. Это было главное условие установления единообразного применения законности по всей стране.

Раскрывая сущность деятельности прокурора, В. И. Ленин подчеркивал, что тот не вправе и не должен администрировать, командовать местными органами власти. «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» [1, т. 45, с. 198].

В осуществлении надзора за установлением единообразного понимания законности во всей Советской республике, в деятельности по преодолению различных местных влияний, местного и всякого бюрократизма органы прокуратуры могли допускать ошибки. Но они, по мнению В. И. Ленина, должны исправляться «тут же на месте немедленно теми партийными органами, которые устанавливают вообще все основные понятия и все основные правила для всей нашей и партийной и советской работы в республике вообще» [1, т. 45, с. 200—201].

24 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев письмо «О «двойном» подчинении и законности», одобрило ленинские положения о прокуратуре, а через три дня «Положение о прокурорском надзоре» с учетом указаний В. И. Ленина было утверждено третьей сессией ВЦИК девятого созыва [5, 1922, № 36, ст. 424].

В декабре 1922 г. ЦК РКП(б) издал специальный циркуляр о взаимоотношениях прокуратуры с партийными и советскими органами [3, 1922, № 9], способствовавший повышению деловитости и эффективности работы органов прокуратуры.

После окончания гражданской войны назрела необходимость сузить компетенцию ВЧК, смягчить репрессии, повысить роль судебных органов. XI Всероссийская конференция РКП(б) подчеркнула, что «судебные учреждения Советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована» [2, с. 306]. Вопрос о реорганизации ВЧК был рассмотрен IX Всероссийским съездом Советов. В. И. Ленин в своем выступлении на съезде, отмечая огромную роль органов ВЧК в защите завоеваний революции от внутренних и внешних врагов, вместе с тем указал, что в целях дальнейшего укрепления социалистической законности в новых исторических условиях она должна быть реорганизована, а ее функции необходимо ограничить задачами политического характера [1, т. 44, с. 327—328].

В феврале 1922 г. был принят декрет о преобразовании ВЧК в ГПУ при НКВД РСФСР [7, 1922, 8 февр.], которое стало органом борьбы только с особо опасными государственными преступлениями. ГПУ не имело права непосредственно применять репрессии к преступникам. Этим должны были заниматься толь-

ко суды. В связи с преобразованием ВЧК в ГПУ значительно повышалась роль судебных органов в укреплении революционной законности. «Прежде, — отмечал В. И. Ленин, — боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю НКЮ-ста...» [1, т. 44, с. 396].

В ноябре 1922 г. была проведена судебная реформа, в результате которой были упразднены чрезвычайные суды — ревтрибуналы (кроме специальных военных и военно-транспортных), создана единая трехзвенная система судебных учреждений: народный суд — губернский суд — Верховный суд республики. «Положением о судеустройстве РСФСР» от 31 октября 1922 г. категорически запрещалось органам управления вмешиваться в судебные дела. Отзыв судей до окончания срока полномочий был возможен только с санкции наркома юстиции либо по решению суда за преступление [5, 1922, № 69, ст. 902]. К тому же в январе 1922 г. ЦК РКП(б) издал циркуляр «О взаимоотношениях парткомов с судебно-следственными комиссиями», в котором выдвигалось требование «усилить ответственность членов партии в случае совершения ими проступков, подлежащих ведению гражданского суда или Ревтрибунала» [1, т. 44, с. 564]. Руководствуясь этим циркуляром, губкомы партии ограждали судебно-следственные органы от местных влияний, обеспечивали их подчинение только закону. Деятельность судов была предметом пристального внимания В. И. Ленина. Он настоятельно требовал изучения и обобщения опыта их работы в борьбе за укрепление революционной законности. В письме Д. И. Курскому от 28 февраля 1922 г. В. И. Ленин писал: «Надеюсь, после собрания ответственных работников, в связи с моим письмом, Вы мне еще напишете о практических итогах его. Особо важно установить фактическую проверку: что на деле делается? что на деле достигается? успехи нарсудов и ревтрибов? как бы это учесть и проверить?»

Число процессов по злоупотреблению *нэпом*?

Число обвинительных приговоров, и каковы наказания (в целом, а не в единичных случаях)?» [1, т. 44, с. 411].

В мае 1922 г. III сессией ВЦИК IX созыва было принято решение о создании советской адвокатуры [5, 1922, № 36, ст. 425]. С организацией коллегии адвокатов возникла необходимость решить вопрос о формах партийного руководства их деятельностью, об участии в них членов партии. Обсуждение этого вопроса, развернувшееся на страницах «Правды», приняло острый характер [6]. Большинство выступавших считало участие коммунистов в коллегии защитников необходимым. Но были выступления с требованиями запретить членам партии работать в коллегиях адвокатов из-за опасности их буржуазного перерожде-

ния. Действительно, социальный состав адвокатов — большинство старых специалистов-юристов, которые, несомненно, стремились защищать интересы нэпманов, условия работы, оплата труда по соглашению с клиентом — все это создавало для части коммунистов такую опасность. Однако партия не могла оставить важное учреждение советской юстиции вне своего влияния, отдать его в руки классовых противников. В сентябре 1922 г. ЦК РКП(б) был издан циркуляр об участии членов партии в адвокатуре. «Коммунисты, вступая в коллегия, — подчеркивалось в нем, — должны быть там защитниками интересов трудового населения и органом надзора за антисоветскими элементами» [3, 1922, № 10].

В борьбе за укрепление социалистической законности В. И. Ленин исключительно важное значение придавал вовлечению в нее широких масс трудящихся. Он подчеркивал, что эта борьба может быть успешной лишь в том случае, «если сама народная масса помогает» [1, т. 44, с. 171]. В решении этой задачи В. И. Ленин настойчиво требовал чуткого внимания и делового отношения каждого должностного лица к письмам, заявлениям и жалобам трудящихся: «...*обязательно* приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам» [1, т. 50, с. 224].

Важным средством воспитания масс в духе непримиримости к беззакониям В. И. Ленин считал показательные судебные процессы. Он советовал проводить их чаще, «подобрав случаи «поряче» и сделав из каждого суда *политическое дело*» [1, т. 53, с. 165].

Огромное внимание В. И. Ленин уделял ликвидации правовой неграмотности среди населения, повышению правосознания трудящихся, их общекультурного уровня. Он считал это решающим условием укрепления социалистической законности в стране и указывал, что нужно научить массы «...бороться *культурно* за законность...» [1, т. 44, с. 465]. Одновременно В. И. Ленин подчеркивал необходимость вовлечения трудящихся в общественную и государственную деятельность: «Оживлять Советы, привлекать беспартийных, проверять *беспартийными* работу партийных — вот это абсолютно верно. Вот где работы *тьма*. Непочатый угол работы» [1, т. 44, с. 81—82].

Таким образом, В. И. Ленин, рассматривая социалистическую законность как необходимое условие упрочения диктатуры пролетариата и построения социализма, действенное средство охраны прав, свобод и законных интересов трудящихся, направлял работу партийных и государственных органов в первые годы нэпа на ее укрепление. Под его непосредственным руководством в целях осуществления единой законности в стране была организована прокуратура, реорганизована ВЧК, проведена судебная реформа, создана советская адвокатура.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, 42, 44, 50, 53. 2. КПСС в резолюциях и решениях... — М.: Политиздат, 1970, т. 2.—543 с. 3. Известия ЦК РКП(б). 4. Калинин М. И. О социалистической законности.— М., 1959.—187 с. 5. СУ РСФСР. 6. Правда, 1922, 24 авг. 7. Известия ВЦИК.

Поступила в редколлегию 14.06.80.

Е. Ф. Глухачев
Харьков

**СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ УССР)**

В годы Великой Отечественной войны местные органы государственной власти страны, в том числе и УССР, решали очень сложные и ответственные задачи. Несмотря на чрезвычайно трудные условия, они сумели перестроить свою деятельность на военный лад и внесли весомый вклад в осуществление одной из важнейших функций Советского государства — защиты социалистического Отечества.

Решающим фактором, обеспечившим местным Советам успех в этой работе, явилось руководство Коммунистической партии всей их деятельностью. На огромную важность руководящей и направляющей роли партии в организации обороны страны указывал еще В. И. Ленин. Определяя истоки победы Советской России над империалистами Антанты, он подчеркивал, что только благодаря тому, что «авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти» [1, т. 40, с. 240].

В период Великой Отечественной войны, как и в мирное время, партийные органы УССР продолжали определять главные направления нормотворческой, организаторской и контрольной деятельности местных Советов. При этом основное свое внимание они сосредоточили на вопросах осуществления местными органами государственной власти функции обороны страны. Характерным для того времени примером руководства партийных комитетов оборонной деятельностью местных Советов являлось постановление пленума Харьковского обкома КП(б)У от 22 марта 1942 г. Для оказания помощи фронту пленум обязал исполкомы областного, районных, городских и сельских Советов области быстро восстановить работу железнодорожного транспорта в освобожденных районах, поддерживать в хорошем состоя-

нии все дороги, всесторонне содействовать работе военных госпиталей. Постановление пленума определило основной задачей советских органов подготовку и качественное проведение весеннего сева, что равнялось бы большой победе на фронте, поскольку дало бы возможность обеспечить Красную Армию и тыл в достаточном количестве хлебом, фуражом и сельскохозяйственным сырьем [16, ф. 2, оп. 1, д. 584, л. л. д. 2—9].

В годы войны усилился контроль партийных комитетов республики за ходом выполнения поставленных перед местными Советами задач. Только бюро обкомов КП(б)У на протяжении 1944 г. 257 раз обсуждали на своих заседаниях вопросы работы местных органов государственной власти [6, с. 9—10].

В руководстве местными органами государственной власти партийные комитеты республики опирались на партийные группы в Советах. Так, рассмотрев на своем заседании вопрос «О недостатках работы исполкома областного Совета депутатов трудящихся», бюро Ворошиловградского обкома партии постановлением от 13 июня 1943 г. поручило секретарю обкома партии А. И. Гаевому созвать партгруппу исполкома облсовета, обсудить материалы проверки с ее членами, наметить пути устранения отмеченных недостатков и дальнейшего улучшения работы [13, ф. 179, оп. 2, д. 336, л. д. 8].

Усиление роли партгрупп местных Советов, повышение ответственности коммунистов, работавших в них, во многом компенсировало сокращение депутатского состава.

Партийные комитеты республики уделяли большое внимание укреплению аппарата местных Советов опытными, проверенными кадрами. Харьковский горком КП(б)У в сентябре—октябре 1943 г. направил в распоряжение горисполкома ряд коммунистов, рекомендовав их на работу заведующими отделами по оказанию помощи семьям военнослужащих, по учету и распределению рабочей силы и другими, имеющими отношение к оборонной работе [18, ф. Р-1, оп. 2, д. 1, л. д. 12; д. 2, л. д. 107].

Одной из специфических форм проявления принципа партийного руководства в годы Великой Отечественной войны была широкая практика принятия и реализации партийными и советскими органами совместных решений. Только за вторую половину 1944 г. бюро Харьковского обкома партии и облисполком приняли 117 совместных постановлений, что составляло примерно половину всего количества решений, принятых обкомом за указанное время [12, ф. 1, оп. 46, д. 726, л. д. 54]. Совместные решения принимались прежде всего по важнейшим оборонным вопросам: мобилизация населения на строительство оборонительных сооружений, обеспечение рабочей силой предприятий оборонной промышленности, эвакуация людских и материальных ресурсов из угрожаемых районов и т. д. Отражая

тесное взаимодействие партийных и советских органов в годы войны, совместные решения представляли собой эффективную форму гибкого сочетания значимости политического документа с силой и общеобязательностью правового акта. Их принятие и реализация позволяли партийным комитетам более конкретно руководить оборонной деятельностью местных Советов, повышать ответственность коммунистов, работающих в них, служили действенным средством помощи и поддержки. Сказанным далеко не исчерпывается многообразие форм партийного руководства деятельностью местных Советов в годы войны [5, с. 51, 57, 61—62, 81—83, 138, 276—277; 7, с. 280—287; 8, с. 323, 330, 349 и др.].

В период Великой Отечественной войны, как и в мирные годы, местные Советы республики функционировали в соответствии с демократическими принципами организации и деятельности, закрепленными в довоенном законодательстве о Советах, Конституции СССР 1936 г. и Конституции УССР 1937 г. К их числу относятся прежде всего демократический централизм, коллективное руководство, все более широкое привлечение граждан к делам государства, социалистическая законность и гласность.

Все стороны организации и деятельности местных Советов по-прежнему определял принцип демократического централизма. Сохранялось их организационное единство, власть осуществлялась как в центре, так и на местах. Продолжали действовать конституционные нормы о выборности местных органов государственной власти, подконтрольности местных Советов, их органов и депутатов избирателям, а органов местного Совета — самому Совету. Однако новые сложные задачи и трудные условия военной обстановки наложили свой отпечаток на формы проявления этого принципа. Превращение страны в единый военный лагерь усилило централизм в организации и деятельности всех государственных органов, в том числе и местных Советов. Коммунистическая партия и Советское государство исходили из ленинского указания о том, что в условиях войны необходима «строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик...» [1, т. 38, с. 400].

С целью максимальной сосредоточенности на осуществлении функции обороны страны и в силу значительного сокращения депутатского состава было признано целесообразным временно отступить от требований ряда норм, определяющих организацию и деятельность местных органов государственной власти Украины. Так, в связи с обстоятельствами военного времени Указами Президиума Верховного Совета УССР были отложены на определенный срок выборы в местные Советы и соответственно продлены сроки их полномочий [9, 1944, № 5, с. 3; № 7, с. 7].

Имело также место известное отступление от сессионного порядка работы местных Советов. Однако это наблюдалось лишь в начальный период войны. В 1943—1945 гг. число сессий постепенно приближалось к норме, определенной Конституциями СССР и УССР.

В связи с отсрочкой выборов и некоторым отступлением от сессионного порядка работы несколько ослабла подконтрольность местных Советов республики, их депутатов избирателям, а органов Совета — местному Совету. Это в известной степени компенсировалось повышением ответственности работавших в Советах депутатов.

Усиление централизма, отступление от требований ряда норм допускались и в процессе восстановления органов Советской власти на освобожденной территории Украины. Был установлен особый порядок формирования органов управления на местах. Там, где имелся в достаточном количестве депутатский состав, исполкомы местных Советов восстанавливались из числа депутатов, а при их отсутствии — из представителей партийного и советского актива, положительно зарекомендовавших себя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Персональный состав каждого исполкома утверждался соответствующими партийным комитетом и исполкомом вышестоящего Совета. Такой порядок обеспечивал оперативность в восстановлении государственного механизма, исключал возможность проникновения в органы управления лиц, не пользующихся доверием, позволял не отвлекать усилия на подготовку и проведение выборов.

В период войны произошло усиление роли исполнительно-распорядительных органов местных Советов республики. Они оперативно, под руководством и совместно с партийными комитетами решали большинство вопросов, относящихся к компетенции местных Советов (например, утверждали бюджеты, что входит в компетенцию Советов). Централизация проявлялась также и в функционировании суженных составов исполкомов, значительном увеличении числа принимаемых ими общеобязательных решений. По заданиям исполкомов в годы войны в основном работали постоянные комиссии местных Советов.

Вместе с тем это не означало, что демократические моменты в организации и деятельности местных Советов республики были значительно ослаблены. Менялись формы проявления демократизма, но сущность Советов как органов народовластия оставалась неизменной. В этом заключалась сила Советов. Они по-прежнему функционировали как органы коллективного руководства. Огромную роль в перестройке работы местных Советов на военный лад сыграл принцип все более широкого привлечения трудящихся к их организации и деятельности. Уже отмечалось, что в годы войны во всех звеньях местных органов госу-

дарственной власти значительно сократился депутатский состав. Поэтому с целью успешного решения сложных оборонных задач местные Советы стали шире привлекать к своей работе активистов из числа рабочих, служащих, студентов, домохозяек и пенсионеров. Так, в Сталинском (ныне Московском) районном Совете г. Харькова до войны работало 169 депутатов. Вместе с ними в деятельности районного Совета участвовало 75 активистов, выполнявших поручения по проверке выполнения решений Совета и помогавших готовить вопросы на сессии [16, ф. 69, оп. 1, д. 376, л.д. 237]. На 15 апреля 1944 г. в составе районного Совета насчитывался всего лишь 21 депутат. В то же время число привлеченных к работе активистов увеличилось почти вдвое, достигнув 130 чел. [16, ф. 69, оп. 1, д. 470, л.л.д. 105—107].

В практику вошло приглашение большого числа активистов и представителей предприятий, учреждений, организаций и воинских частей на сессии местных Советов. Так, на сессии Харьковского городского Совета в 1943—1945 гг. постоянно приглашалось, кроме депутатов, от 300 до 600 чел., а на сессии Харьковского областного Совета — от 70 до 140. Подобное наблюдалось в Ворошиловградской, Киевской, Кировоградской, Львовской и других областях Украины.

В годы войны за счет актива пополнялся в основном состав постоянных комиссий местных Советов. Так, в 1944 г. в 375 оборонных комиссиях сельских Советов Харьковщины работало 1884 чел. Из них только 15% были депутатами, остальные привлекались в состав комиссий из числа актива [17, ф. 3858, оп. 3, д. 121, л.л.д. 1—42].

В рассматриваемый период заметно возросла роль различных общественных формирований, которые действовали под руководством местных Советов республики и оказывали им существенную помощь в оборонной работе. К ним в первую очередь относятся уличные в городах и десятихатные комитеты в селах. К середине 1944 г. только уличных комитетов на Украине насчитывалось более полутора тысяч. Возникли новые общественные формирования, объединявшие многие тысячи активистов из числа рабочих, служащих, колхозников, студентов и домохозяек и содействовавшие работе местных Советов. Это комиссии по сбору подарков солдатам и офицерам, сбору теплых вещей для фронта, по оказанию помощи семьям военнослужащих, инвалидам войны и другие, помогавшие местным Советам решать важные для военного времени вопросы. Всего в республике в завершающий период войны на общественных началах работало свыше ста тысяч различных комиссий, которые охватывали различные направления помощи фронту [3, т. 6, с. 386].

В 1941—1945 гг. ярко проявились специфические, свойственные лишь военному времени формы демократизма. В самой гуще

народа зародилась идея создания различных добровольческих формирований — истребительных батальонов, полков и дивизий народного ополчения, партизанских отрядов. Совместно с партийными комитетами местные Советы республики возглавили патриотическое движение масс. По далеко неполным данным, только в 12 областях Украины в народном ополчении состояли 1 млн. 300 тыс. чел. [4, т. 1, с. 93].

Таким образом, руководствуясь принципом постоянного и все более широкого привлечения трудящихся к решению государственных вопросов, местные Советы Украины, несмотря на сокращение депутатского состава, сумели удесятерить силу государственного аппарата на местах и помочь стране в осуществлении задач по защите социалистического Отечества.

Как и в мирное время, в годы Великой Отечественной войны местные Советы действовали на основе социалистической законности. В условиях превращения страны в единый военный лагерь особую актуальность имело ленинское указание о том, что «малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...» [1, т. 39, с. 156]. Местные Советы республики усилили свое внимание к вопросам обеспечения социалистической законности на подведомственной им территории. Так, исполком Кировоградского областного Совета в первые дни войны принял постановление «О мерах по охране социалистической собственности трудящихся», Харьковский облисполком — обязательное постановление «Об обеспечении революционного порядка на территории Харьковской области». Реализация намеченных в этих постановлениях предписаний способствовала усилению охраны оборонных объектов, государственного и общественного имущества, государственной тайны, повышению бдительности трудящихся. Санкции за нарушение общеобязательных решений были усилены по сравнению с мирным временем [15, ф. 2860, оп.1, д. 49, л.л.д. 1—2; 17, ф. 3858, оп. 3, д. 1, л.л.д. 4—5]. Одновременно местные Советы республики усилили контроль за исполнением законов нижестоящими Советами и подведомственными организациями. Так, большое внимание уделялось контролю за выполнением учреждениями и ведомствами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [19]. Контролируя выполнение данного Указа, исполком Ворошиловградского областного Совета на одном из своих заседаний с участием прокурора области рассмотрел вопрос о практике его применения, наметил меры по ее совершенствованию [14, ф. 1779, д. 1, л.д. 163—170]. Отметим, что в деятельности местных Советов возросло значение момента целесообразности.

Осуществляя функцию обороны страны, они зачастую были вынуждены принимать решительные, оперативные меры, например, в таких случаях, как эвакуация населения, предприятий и учреждений, отселение из прифронтовой полосы, мобилизации трудящихся на строительство оборонительных сооружений. Однако и здесь соблюдался принцип социалистической законности. Так, принимая обязательное постановление о мобилизации в срочном порядке населения на оборонительные работы, исполком Ворошиловградского городского Совета в качестве обоснования своего решения сослался на ст. 28, 31 Административного кодекса УССР и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» [17, ф. 5, д. 928, л.д. 180].

Осуществляя свою деятельность в соответствии с принципом социалистической законности, обеспечивая охрану правопорядка, интересов государства, прав и свобод граждан, местные Советы республики содействовали укреплению тыла действующей армии.

В условиях военной обстановки большое значение в деятельности местных Советов приобрел принцип гласности. Еще В. И. Ленин подчеркивал, что «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [1, т. 35, с. 21]. В начале войны широкое осуществление принципа гласности в деятельности местных Советов республики было затруднено вследствие значительного сокращения по сравнению с мирным временем числа сессий, заседаний постоянных комиссий. Реализации принципа гласности в полном объеме не способствовала также работа исполнительно-распорядительных органов местных Советов в суженном составе. В связи с этим местные органы государственной власти делали упор на другие формы проявления принципа гласности. В частности ими широко использовалась пресса. При помощи своих печатных органов местные Советы республики регулярно сообщали о принимаемых решениях, мобилизуя население на выполнение оборонных мероприятий. Так, в газете «Красное знамя» было опубликовано обязательное постановление исполкома горсовета «Об укрытии населения при воздушных налетах». Оно вступило в силу с момента его опубликования [11, 1941, № 147]. 27 июня 1941 г. газета обнародовала приказ начальника МПВО г. Харькова, председателя горисполкома А. И. Селиванова «О мерах по подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне» [11, 1941, № 149].

Через печатные органы местные Советы республики широко информировали трудящихся о главных направлениях своей работы, в том числе и в области обороны страны. Эти материалы

помещались в специальных рубриках. Так, с апреля по декабрь 1944 г. газета «Київська правда» неоднократно публиковала подробные отчеты о сессиях областного и городского Советов [10, 1947, № 69, 132, 214]. Для информации населения о своей работе и принимаемых решениях местные Советы широко использовали различные плакаты, листовки, местное радиовещание.

В 1943—1945 гг. по мере увеличения количества сессий, активизации работы постоянных комиссий, принцип гласности в деятельности местных Советов стал проявляться во все большем объеме. Стремясь оперативно и полно информировать массы о своей деятельности, местные Советы республики укрепляли веру советских людей в победу над врагом, способствовали их самоотверженному труду по укреплению экономической и оборонной мощи страны.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны продолжали действовать демократические принципы функционирования местных Советов. Однако военная обстановка и решение местными Советами сложных задач по защите социалистического Отечества обусловили проявление данных принципов в специфических, свойственных только военному времени формах.

Незыблемость же самих демократических принципов организации и деятельности органов государственной власти в годы войны убедительно свидетельствует о жизненной силе неразрывно связанного с народом советского государственного строя, его способности переносить тяжелейшие испытания.

«Героический подвиг советских людей,—отмечал Л. И. Брежнев, — вновь показал всему миру: нет на свете таких сил, которые могли бы победить народ, освобожденный от гнета капитала, нет таких сил, которые могли бы сокрушить созданный этим народом родной ему общественный строй — социализм!» [2, с. 90].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, 38—40. 2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи.—М.: Политиздат, 1973, т. 2.—608 с. 3. Історія Української РСР.—К.: Наук. думка, 1977, т. 7—535 с. 4. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945).—Киев: Политиздат Украины, 1975, т. 1.—543 с. 5. Григорович Д. Ф., Замлинский В. Н., Немяты́й В. Н. Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны.—Киев: Политиздат Украины, 1980.—335 с. 6. Зайцев Л. А. Восстановление и укрепление местных органов государственной власти Украинской ССР после изгнания немецко-фашистских захватчиков.—Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. 16 с. 7. Коммунистическая партия — организатор освобождения Советской Украины от фашистских захватчиков.—Киев: Политиздат Украины, 1975.—367 с. 8. Очерки истории Харьковской областной партийной организации.—Харьков: Прапор, 1980.—528 с. 9. Відомості Верховної Ради УРСР. 10. Київська правда — орган Київського обласного та міського комітетів КП(б)У, обласної та міської Рад. 11. Красное знамя — орган Харьковского областного и городского комитетов КП(б)У, областного и городского Совета. 12. Парт. архив Института истории

партии при ЦК Компартии Украины. 13. Ворошиловград. обл. парт. архив. 14. Ворошиловград. обл. гос. архив. 15. Кировоград. обл. гос. архив. 16. Харьк. обл. парт. архив. 17. Харьк. обл. гос. архив. 18. Харьк. гор. гос. архив. 19. Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 30, с. 5.

Поступила в редколлегию 15.12.80.

А. Т. Б а р а б а ш, канд. юрид. наук,
И. Д. К о п а й г о р а
Харьков

К ВОПРОСУ О ТРУДОВОЙ ФУНКЦИИ

Создание материально-технической базы коммунизма, решение фундаментальных задач повышения эффективности производства и качества работы, ускорение научно-технического прогресса, максимальное использование интенсивных факторов экономического роста как основы подъема материального и культурного уровня жизни народа, намеченные в решениях партийных съездов, постановлениях пленумов ЦК КПСС, ставят проблемы укрепления организованности и порядка, соблюдения трудовой дисциплины, повышения ответственности каждого рабочего и служащего за порученное ему дело. В Конституции СССР указывается, что каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, добросовестно выполнять свой долг перед государством, перед народом. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что претворение в жизнь задач 11-й пятилетки требует всемерного развития трудовой активности масс, повышения организованности и дисциплины, усиления персональной ответственности кадров за порученное дело, за дальнейший подъем экономики, науки, культуры, народного благосостояния [2, с. 200].

В названных документах отражено ленинское учение о необходимости ясного и точного определения трудовых обязанностей рабочего и служащего, об ответственности их за порученное им дело. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин обращал внимание на необходимость неустанно добиваться «самой точной ответственности каждого из стоящих на любой советской должности лиц за выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных заданий и практических работ» [1, т. 37, с. 365], осуществлять такое руководство процессом труда, чтобы каждый работник имел «определенную, строго и точно означенную работу или часть работы» [1, т. 39, с. 308].

В связи с этим важное теоретическое и практическое значение приобретает вопрос о понятии трудовой функции, ее содержании, принципах регулирования, характере и пределах возможных ее изменений как основы ответственности в случае не-

надлежащего ее исполнения работником. Отметим, что данный вопрос исследован еще недостаточно.

Вступая в трудовое правоотношение с социалистическим предприятием, рабочие и служащие обязуются выполнять именно ту работу, ради которой они заключают трудовой договор. Круг обязанностей, который рабочий или служащий принимает на себя, вступая в трудовое правоотношение с предприятием, учреждением, организацией, в науке советского трудового права именуется трудовой функцией [17, с. 463].

В юридической литературе трудовая функция определяется либо как «род работы» [8, с. 46], либо как «круг обязанностей» [7, с. 21], либо как «работа по определенной профессии, специальности или должности» [15, с. 55]. Такой подход к трудовой функции позволяет отметить, что она представляет собой не индивидуально определенную работу, а совокупность отдельных трудовых операций, объединенных общим видом трудовых действий, предметов и целью достижения заранее обусловленных результатов труда. Последнее обстоятельство обязывает рабочего или служащего совершать и такие действия, которые хотя и не предусмотрены правовыми предписаниями или трудовым договором, но вытекают из общего рода, круга его действий, предопределяемой его профессией, специальностью, должностью, и которые должны привести к достижению заранее предусмотренного трудовым договором результата труда. Для этого ему необходимо быть внимательным, заботливым, инициативным. Принятие на себя работником работы определенного рода, круга, по определенной профессии, специальности, должности несовместимо с легальным или договорным установлением исчерпывающего перечня всех трудовых обязанностей, образующих его трудовую функцию, как это предлагается в литературе [3, с. 77]. Такой исчерпывающий перечень трудовых действий (обязанностей) при большой динамичности процесса труда с различными как благоприятными, так и неблагоприятными трудовыми ситуациями не способствовал бы достижению заранее обусловленного результата труда в тех случаях, когда трудовая ситуация требовала от работника совершения и иных действий, хотя и не предусмотренных законом или договором, но которые вытекают из общего рода, круга его действий, предопределяемых его профессией, специальностью, должностью.

Все же понятия «род работы», «круг обязанностей», «работа по определенной профессии, специальности, должности» представляют собой такую степень научной абстракции, которая не позволяет отграничить одну трудовую функцию от другой. Если при этом учесть, что правовые предписания предусматривают возможность установления трудовой функции в зависимости от

особенностей производства и условий труда конкретного предприятия, учреждения, организации, то наше утверждение будет тем более обоснованным.

В литературе отмечалось, что трудовая функция определяется в договоре путем указания специальности, квалификации или должности, по которой будет работать работник. Круг же, т. е. объем конкретных обязанностей, устанавливается квалификационной характеристикой работ соответствующего разряда, а также техническими правилами, должностными инструкциями и положениями. В общем это утверждение верно лишь для типичного разделения труда, отраженного в упомянутых актах, и неприемлемо для случаев, когда в силу особенностей производства и труда на предприятии, учреждении, организации существует иное разделение труда. Учитывая динамичность организации процесса труда, поиски администрацией, трудовыми коллективами и отдельными работниками более эффективных его форм, реконструкцию, техническое переоснащение производства, совершенствование технологии, принятие на себя рабочими и служащими в порядке встречных планов дополнительного рода или круга обязанностей путем совмещения профессий (должностей), расширения зоны обслуживания, увеличения объема работы, нормированных заданий, дающих возможность пересматривать численность персонала работников и изменять существующее общественное разделение труда, квалификационные характеристики справочника и основанные на них технические правила, должностные инструкции и положения тем не менее определять трудовую функцию не могут. Нельзя не принимать во внимание и то, что любое условие труда, предусмотренное правовым предписанием, становится субъективным правом или обязанностью сторон, если оно опосредствовано трудовым договором.

Имеется и другое мнение, согласно которому трудовая функция определяется трудовым договором на основе квалификационных справочников [12, с. 37; 11, с. 157], что в большей мере соответствует законодательству. Основы законодательства о труде (ст. 8) и КЗоТ УССР (ст. 21) предписывают, что работа по определенной специальности, квалификации или должности устанавливается трудовым договором и требует от рабочего или служащего выполнения работы, не обусловленной этим договором, запрещается.

Квалификационные характеристики всех видов существующих в народном хозяйстве страны работ стандартизированы государством. Их регулирование обеспечивает единые квалификационные требования к ним независимо от отрасли народного хозяйства и условий труда, а также единые требования к профессиональной подготовке и оценке труда, его оплате. Это непременное условие плановой экономики. Изменить установленные

правовыми предписаниями характеристики стороны трудового договора не могут.

Вместе с тем конкретный круг обязанностей в пределах данной квалификационной характеристики либо по нескольким квалификационным характеристикам регулируется трудовым договором. Так, ст. 5 Общих положений единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих устанавливает, что этот справочник содержит описание основных, наиболее часто встречающихся работ. Если на предприятии (организации) имеется иное содержание, объем и порядок выполнения работ на том или ином рабочем месте, то трудовая функция определяется сторонами трудового договора на основании технологических карт, рабочих инструкций, разрабатываемых в определенном порядке [5, 1969, № 7]. Ст. 8 квалификационного справочника должностей служащих предусматривает возможность поручения работнику либо только части обязанностей, обусловленных той или иной квалификационной характеристикой, либо всех или части обязанностей по нескольким квалификационным характеристикам [5, 1969, № 4]. Это закреплено и в ч. 2 ст. 21 КЗоТ УССР, которая предусматривает возможность установления соглашением сторон работы по нескольким профессиям или специальностям.

Таким образом, трудовая функция представляет собой круг обязанностей по определенной специальности, квалификации или должности (либо всех или части обязанностей по нескольким специальностям или должностям), который поручен рабочему или служащему и которые тот принял на себя по трудовому договору.

Научно-технический прогресс, широкое внедрение современного технического оснащения, новой, более совершенной технологии, коллективных форм организации труда и связанное с этим массовое распространение профессий широкого профиля привели к признанию необходимости возложения на рабочего и служащего дополнительных родственных или неродственных определенному роду обязанностей [10, с. 23; 16, с. 64] и расширению в связи с этим полномочий администрации в определении трудовой функции рабочего и служащего [14, с. 124—125]. Такие мнения верно отражают тенденцию развития регулирования трудовой функции в условиях научно-технического прогресса. Вместе с тем нельзя не учитывать возрастающую в этих условиях роль трудового договора в регулировании данной функции. Расширение профессионального профиля не должно нарушать принцип договорного регулирования трудовой функции.

Установленная трудовым договором на основе действующего законодательства и существующего в предприятиях, учреждениях, организациях разделения труда трудовая функция обеспечи-

вадет надлежащее сочетание как общественных интересов в лице предприятия, учреждения, организации, так и личных интересов рабочих и служащих. Она способствует выполнению и перевыполнению производственных заданий, повышению эффективности общественного производства, обеспечению надлежащей дисциплины труда и трудовой активности, росту профессионального мастерства, квалификации, зарплаты, престижа работника. Нарушение условий трудового договора о трудовой функции как со стороны предприятия, учреждения, организации, так и со стороны рабочего или служащего может привести к невыполнению производственных планов, ухудшению качества работы, нарушению надлежащего течения процесса труда, а также трудовых прав и гарантированных законом интересов рабочих и служащих. Поэтому законодательством установлен не только принцип определенности [9, с. 116; 13, с. 142], но и принцип односторонней неизменяемости трудовой функции рабочего и служащего, кроме особых случаев, предусмотренных правовыми предписаниями.

Принцип определенности означает, что трудовая функция рабочего и служащего должна быть четко и недвусмысленно обусловлена в трудовом договоре. В каждый данный момент существования трудового правоотношения администрация, рабочий и служащий должны знать свои трудовые права и обязанности, строго их соблюдать. Принцип односторонней неизменяемости состоит в том, что ни одна из сторон трудового договора не вправе без согласия другой стороны требовать изменения и выполнения другой трудовой функции либо отдельных трудовых заданий, относящихся к другой трудовой функции. Это, разумеется, не касается тех отдельных случаев, когда в силу сложившейся необычной трудовой или жизненной ситуации правовые предписания предоставляют той или иной стороне — администрации или работнику — право требовать выполнения или предоставления работы, не относящейся к обусловленной трудовым договором трудовой функции, например, предприятию в случае производственной необходимости, простоя (ст. 33, 34 КЗоТ УССР), рабочему или служащему в случаях понижения его трудоспособности, приобретения им новой специальности путем учебы в высшем или среднем специальном учебном заведении (ч. 2, ст. 40 КЗоТ, ст. 6 Положения о межведомственном, республиканском и персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения СССР [6]).

Принцип односторонней неизменяемости трудовой функции не распространяется, однако, на те случаи, когда выполнение работником обусловленной трудовым договором функции не обеспечивает выполнение им установленной государством обя-

зательной для всех рабочих и служащих нормы труда (нормы рабочего времени), например, в силу нового технического оснащения, совершенствования организации труда и т. д. В этом случае предприятие, учреждение, организация вправе в одностороннем порядке установить для работника дополнительный объем работы по такой же специальности или должности. При отсутствии работы в пределах этой специальности или должности администрация вправе расширить его трудовую функцию за счет работ, предусмотренных для других специальностей или должностей. В связи с тем что такое расширение трудовой функции выходит за пределы круга обязанностей, определенных трудовым договором, оно требует согласия работника. При несогласии работника на такое расширение трудовой функции он в соответствии с действующим законодательством может быть переведен на неполный рабочий день или на неполную рабочую неделю (ст. 56 КЗоТ УССР) либо уволен с работы (п. 1 ст. 40 КЗоТ УССР). С учетом этих требований Верховный Суд РСФСР решил дело по иску Соколова, поступившая на работу в качестве секретаря-делопроизводителя, имела небольшой объем работ и была неполностью загружена в течение рабочего времени, администрация вправе была расширить ее функцию и поручить ей выполнение работ, предусмотренных квалификационным справочником для разных должностей.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, 39. 2. Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981.—224 с. 3. Базарбаев Б. Основные вопросы трудового договора на современном этапе.—Изд. АН КазССР. Сер. экономики, философии и права, 1961, вып. 1/14, с. 31—44. 4. Бюл. Госкомтруда СССР. 5. Бюл. Верховного Суда РСФСР, 1974, № 8, с. 2—3. 6. Бюл. Министерства высшего и среднего специального образования СССР, 1980, № 10, с. 25—36. 7. Глоzman В. А. Совмещение профессий и должностей.—М.: Юрид. лит., 1969.—102 с. 8. Левуант Ф. М. Виды трудового договора.—М.: Юрид. лит., 1966. — 188 с. 9. Негру Ф. П. Влияние технического прогресса на содержание трудовой функции.—Сов. государство и право, 1972, № 6, с. 116—119. 10. Орловский Ю. П. Организационно-правовые средства подготовки и закрепления кадров. — Сов. государство и право, 1965, № 12, с. 21—29. 11. Пашков А. С., Хрусталеv Б. Ф. Обязанность трудиться по советскому праву.—М.: Юрид. лит., 1970.—192 с. 12. Смирнов О. В. Правовые вопросы подбора и расстановки кадров в условиях хозяйственной реформы.—В кн.: Хозяйственная реформа, труд и право.—М.: Изд-во МГУ, 1969.—181 с. 13. Смирнов О. В. Основные принципы советского трудового права.—М.: Юрид. лит., 1977.—215 с. 14. Соjфер В. Г. Изменение трудовой функции при совмещении профессий.—Сов. государство и право, 1970, № 3, с. 122—125. 15. Ставцев А. И., Яковлев М. В. Прием и перевод на другую работу.—М.: Юрид. лит., 1967.—160 с. 16. Тищенкоv И. А., Фатуев А. А. Правовые вопросы материального стимулирования работников промышленности.—М.: Юрид. лит., 1972.—215 с. 17. Трудовое право (энциклопедический словарь)—М.: Сов. энциклопедия, 1979.—527 с.

Поступила в редколлегию 30.11.79.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Установленные в ст. 66 Конституции СССР обязанности родителей по воспитанию детей определяют дальнейшее совершенствование семейного законодательства, в частности норм, регулирующих отношения родителей и детей. Л. И. Брежнев отметил необходимость закрепления в нормативных актах обязанности родителей по воспитанию и обучению детей [2, с. 546]. За ненадлежащее исполнение или неисполнение своих родительских обязанностей родители несут ответственность, предусмотренную как общесоюзным, так и республиканским законодательством.

Большое воспитательное значение имеют меры предупреждения и воздействия, применяемые административными органами (инспекциями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, комиссиями по делам несовершеннолетних местных исполкомов) и общественными организациями (товарищескими судами, домовыми комитетами и др.). К этим мерам относятся официальное предостережение, штраф, общественное порицание, товарищеское предупреждение, общественный выговор и т. п.

Иной характер имеют меры ответственности родителей в судебном порядке. Семейным законодательством предусмотрены только крайняя мера в виде лишения родительских прав и — в исключительных случаях — отобрание ребенка у родителей без лишения родительских прав, если оставление ребенка у них опасно для него (ст. 19 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, ст. 70, 76 КоБС УССР и аналогичные статьи КоБС других союзных республик).

Практика союзных республик свидетельствует о том, что применение в судебном порядке такой меры, как лишение родительских прав, не всегда целесообразно. С целью воздействия на родителей и сохранения для детей семейного воспитания достаточно мер предупредительного характера. Так, в выездном судебном заседании, в рабочем клубе одного из московских предприятий, рассматривалось дело по иску отдела народного образования к одной из работниц К., матери четырехлетнего ребенка о лишении ее родительских прав. Во время судебного разбирательства она раскаялась и заверила, что исправит свое поведение. Суд в иске отказал и ограничился строгим предупреждением К. Жизнь подтвердила правильность такого решения: мать изменила свое поведение, много внимания уделяет воспитанию сына [6, с. 45].

Народный суд Червонозаводского района г. Харькова, рассматривая дело о лишении Стучалиной родительских прав, пришел к выводу, что ответчица может исправить свое поведение, раскаивается в совершенном, и вынес решение о ее предупреждении [3]. Эта мера воздействия оказалась вполне достаточной для сохранения ребенку надлежащего семейного воспитания.

Таким образом, применение судами предупреждения родителей явилось эффективной мерой, соответствующей интересам детей, содействующей исправлению ненадлежащего поведения родителей и оказывающей на них большое воспитательное воздействие.

Практику применения судами превентивных мер в отношении родителей признал целесообразной и правильной Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 7 декабря 1979 г. «О практике применения судами законодательства о разрешении споров, связанных с воспитанием детей». Он разъяснил, что в исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств вправе отказать в иске о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения его отношения к воспитанию детей, возложив на органы опеки и попечительства контроль за выполнением им родительских обязанностей [4, с. 33].

Итак, можно считать, что необходимость применения в судебном порядке предупреждения родителей в качестве меры воздействия общепризнана. Было бы целесообразно закрепить это в действующем законодательстве. Правовая регламентация данной меры в отношении родителей поможет сохранить детям возможность надлежащего семейного воспитания.

Необходимо также в законодательном порядке установить и частичное лишение родительских прав, например, лишение родителей права на управление и распоряжение имуществом детей. Конституция СССР гарантирует охрану личной собственности граждан государством (ст. 13). Имущество же родителей и детей является раздельным. Заметим, что только КоБС УССР (ст. 77) четко регламентирует раздельность имущества родителей и детей. Желательно, чтобы это положение было отражено в КоБС других союзных республик.

Имуществом несовершеннолетних детей распоряжаются их родители. Поэтому в случае неправильного распоряжения имуществом детей родители должны нести определенную ответственность.

К. Маркс отмечал, что «...даже с чисто юридической точки зрения положение детей и их имущества не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения родителей, от того, что им заблагорассудится» [1, с. 162].

Приведенное в 1978 г. Министерством юстиции УССР обобщение судебной практики по делам этой категории показало, что народные суды применяли лишение родительских прав за оставление детей не только без воспитания, но и без содержания.

Установленные нормы о частичном лишении родительских прав — в части управления и распоряжения имуществом детей — являются для родителей важной предупредительной и воспитательной мерой, позволяющей сохранить для детей родительское воспитание с обеспечением охраны их имущественных прав и интересов. В этом отношении можно использовать опыт братских социалистических стран. Так, в ст. 63 Семейного кодекса НРБ предусмотрены две формы лишения родительских прав: частичное (ограниченное) и полное. Критерием для выбора судом той или иной формы выступает степень и характер опасного поведения родителя по отношению к детям [5].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. 2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи.—М.: Политиздат, 1978, т. 6.—680 с. 3. Архив Червонозаводского район. нарсуда г. Харькова, 1978. 4. Бюл. Верховного Суда СССР, 1980, № 1, с. 29—36. 5. Ненова Л. Семейное право Народной Республики Болгарии.—В кн.: Семейное право зарубежных европейских социалистических стран.—М.: Прогресс, 1979, с. 25—82. 6. Никольская Н. Лишение родительских прав.—Семья и школа, 1979, № 9, с. 44—46.

Поступила в редколлегию 23.06.80.

В. М. Самойленко
Харьков

СОДЕРЖАНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА АВТОМОБИЛЬ

Личная собственность советских граждан неразрывно связана с общественной социалистической собственностью на средства производства, составляющей основу экономической системы СССР, и производна от нее. Потребности граждан удовлетворяются из двух источников: общественных фондов потребления и индивидуального распределения части совокупного общественного продукта в личную собственность в соответствии с экономическим законом распределения по труду при социализме. За счет общественных фондов осуществляются бесплатное образование, лечение, пенсионное обеспечение, содержание детей в детских учреждениях, благоустройство населенных пунктов и т. д. В период строительства коммунизма личные потребности будут все больше удовлетворяться за счет общественных фондов потребления, темпы их роста превысят темпы увеличения индивидуальной оплаты по труду [2, с. 92]. Подъем материального и культурного жизненного уровня трудящихся осу-

ществляется и путем постоянного увеличения роли общественно-го продукта, выделяемого в личную собственность в соответствии с количеством и качеством труда, повышения минимальных размеров зарплаты, ставок и окладов среднеоплачиваемых работников, увеличения доходов колхозников от общественного хозяйства.

Повышение доходов, расширение общественных фондов потребления и все увеличивающееся количество выпускаемых товаров народного потребления обеспечивают неуклонный рост личной собственности советских граждан. Личная собственность при социализме представляет собой трудовую собственность на предметы индивидуального потребления. Основу личной собственности составляют трудовые доходы. Это положение, закрепленное в ч. 1 ст. 13 Конституции СССР, выражает, как подчеркивал Л. И. Брежнев, «наше принципиальное отношение к характеру и происхождению личной собственности при социализме, где источником роста благосостояния и всего народа, и каждого человека является общественно-полезный труд» [1, с. 539].

Право личной собственности представляет собой юридическую основу неприкосновенности результатов трудовой деятельности граждан. Содержание права личной собственности составляют правомочия граждан по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Содержание и объем правомочий собственника определяются объективным правом. Законы и иные нормативные акты устанавливают круг правомочий собственника, в том числе и собственника автомобиля как специфического объекта права личной собственности.

Поскольку эксплуатация автомобиля связана с повышенной опасностью для окружающих, ибо ежегодно в мире в результате дорожно-транспортных происшествий погибают около 300 тыс. чел., получают тяжелые травмы более 10 млн. [4, с. 176] и он является одним из значимых и дорогостоящих объектов права личной собственности, то и круг правомочий собственника регулируется наряду с основными также и специальными нормативными актами. Таковы, например, Правила регистрации и учета автотранспортных средств, Правила дорожного движения, Типовые правила комиссионной торговли легковыми автомобилями и мотоциклами с колясками.

Под правом владения понимается фактическое, физическое или хозяйственное господство лица над вещью. Владение представляет собой важное правомочие собственника, выступая в ряде случаев необходимым условием осуществления других правомочий. Только обладая автомобилем, можно использовать его для удовлетворения потребностей в пространственном перемещении.

Поскольку владение — это общественное отношение между людьми по поводу господства над вещью, закрепленное в пра-

вовых нормах, то оно является и правовым отношением. Правомочие владения охраняется законом от посягательств со стороны третьих лиц, независимо от того, соединены они с лишением владения или нет. В случае нарушения права владения собственника автомобиля, повлекшее за собой незаконное выбытие автомобиля из обладания собственника, он может восстановить его по общему правилу путем предъявления виндикационного иска. В тех же случаях, когда вещь не сохранилась в натуре, защиты следует добиваться не вещно-правовым способом, а путем предъявления иска о возмещении вреда.

Владение автомобилем может осуществлять как собственник, так и другие лица на основании договора с ним или ином правовом основании. Если автомобилем владеет несобственник и без правового основания (например, Ч. самоуправно взял автомобиль у К. [6, 1974, № 10]) или владение автомобилем несобственником с точки зрения закона не оформлено (например, автомобиль приобретен по договору дарения без нотариального удостоверения), то такое владение нельзя признать законным.

Законное владение автомобилем несобственника тоже охраняется законом. Так, согласно ст. 150 ГК УССР несобственник, владеющий автомобилем в силу договора хранения или иного договора, доказательством которого может явиться доверенность, может требовать возврата автомобиля, выбывшего из его обладания помимо его воли, из чужого незаконного владения.

Под пользованием понимается право собственника на эксплуатацию автомобиля в целях удовлетворения своих потребностей в пространственном перемещении.

Потребительский характер личной собственности обуславливает использование автомобиля лишь для удовлетворения материальных и культурных потребностей собственника и членов его семьи. Извлечение нетрудовых доходов, т. е. доходов, неправомерно полученных собственником без приложения собственного труда из имущества, находящегося в личной собственности граждан, запрещено законом (ст. 13 Конституции СССР, ст. 100 ГК УССР). Известны случаи, когда собственники оформляют доверенности и передают автомобиль в пользование другим лицам за плату с целью получения нетрудовых доходов. Тогда при систематическом использовании автомобиля для извлечения нетрудовых доходов может быть поставлен вопрос о безвозмездном его изъятии в доход государства на основании ст. 106 ГК УССР.

Собственник автомобиля не может обращать в свою пользу доходы, полученные хотя и с приложением личного труда, но извлеченные незаконным путем. В соответствии с Положением о кустарно-ремесленных промыслах граждан собственник автомобиля не может использовать его для перевозки пассажиров и

грузов [10, с. 39]. Законодательство УССР предусматривает уголовную ответственность за перевозку пассажиров и грузов на собственных автомобилях в виде промысла. При повторном осуждении за занятие запрещенным промыслом собственник может быть лишен права собственности на автомобиль на основании ст. 148 УК УССР.

Пользование автомобилем должно быть безопасным для окружающих. В целях обеспечения безопасности движения в нашей стране установлен строгий государственный контроль за надлежащим использованием автомашины, порядком регистрации и технического осмотра, соблюдением правил выдачи прав на вождение автомобиля. В соответствии с п. 4 Правил регистрации и учета автотранспортных средств собственник не может эксплуатировать автомобиль, если он не зарегистрирован в органах Госавтоинспекции МВД СССР. На зарегистрированные автомобили их владельцам выдаются технический талон и номерные знаки. На технически неисправные автомашины номерные знаки не выдаются до устранения неисправностей.

Использовать автомобиль по его прямому назначению могут граждане, достигшие 18-летнего возраста и имеющие удостоверение водителя автомобиля. Управление автомашиной собственником, не имеющим водительского удостоверения, запрещено правилами дорожного движения [8].

Отсутствие водительских прав не может служить основанием для отказа в регистрации автомобиля в органах ГАИ. Так, гражданин, выигравший автомобиль по лотерее (став собственником) и не имеющий водительских прав, может использовать его путем предоставления автомашины другому лицу, имеющему водительские права. Собственник, лишенный права на управление, также не может самостоятельно осуществлять эксплуатацию автомобиля, но имеет возможность пользоваться им с помощью другого лица. Владелец несобственник может осуществлять право пользования, но лишь при наличии у него водительских прав. В случае использования автомобиля без участия собственника он должен иметь нотариально удостоверенную доверенность на право управления.

Удостоверения на управление автомобилями выдаются Госавтоинспекцией на основании специального Положения, утвержденного приказом министра внутренних дел СССР 13 февраля 1976 г. № 40, всем гражданам, достигшим 18-летнего возраста, если они по состоянию здоровья признаны годными быть водителями и сдали специальный экзамен.

Медицинское освидетельствование проводят особые комиссии, имеющие в своем составе врачей-специалистов, определяющих пригодность водителей к управлению соответствующими категориями транспортных средств. При наличии определенных

болезней или физических недостатков граждан не может самостоятельно осуществлять управление автомобилем и удостоверение ему не выдается. Вместе с удостоверением на управление автомобилем гражданину вручается талон предупреждений, без которого удостоверение недействительно. Талон предупреждений служит для отметок о сделанных водителю предупреждениях за нарушения, представляющие особую опасность для движения. За совершение грубого или систематического нарушения порядка управления автомобилем на основании ст. 17 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях граждан лишается права управления на срок до трех лет.

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 2 октября 1968 г. «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами» предусмотрена возможность изъятия автомобилей у собственников. Изъятые по постановлению суда автомобили реализуются через комиссионные магазины с возвращением владельцу вырученных средств за вычетом расходов по реализации автомобиля.

При осуществлении права пользования автомобилем собственник обязан доставлять в лечебное учреждение пострадавших при дорожно-транспортных происшествиях, оказывать возможную помощь другим водителям в случае возникновения опасности для движения, останавливаться и предоставлять безвозмездно транспортное средство лицам, перечисленным в правилах дорожного движения (п. 12). Названные меры ограничивают собственников в праве пользования и даже владения автомобилем, но являются законными и направлены на обеспечение безопасности как для самих собственников, так и для окружающих.

Под распоряжением понимается право собственника своей властью (путем собственного волеизъявления) вступать с другими лицами в различные правоотношения по поводу принадлежащего ему автомобиля, юридически определять его дальнейшую судьбу. Право распоряжения автомобилем собственник осуществляет в пределах, установленных законом. Право распоряжения автомобилем может быть предоставлено собственником другому лицу, как правило, в силу договора (например, договора поручения). Но не только договор может явиться основанием для такого распоряжения автомобилем. Родители, усыновители либо опекуны могут с разрешения органа опеки и попечительства от имени несовершеннолетнего собственника (и даже помимо его воли) произвести отчуждение автомобиля путем реализации его через комиссионный магазин.

Отчуждение несобственником автомобиля не означает передачи ему собственником права распоряжения подобно правомочиям владения или пользования. Например, лицо, эксплуатирующее автомобиль по доверенности, может требовать устранения нарушений, не связанных с лишением владения, но это право вытекает из прав владельца, не являющегося собственником, и не затрагивает правомочия распоряжения, которое во всех случаях принадлежит собственнику и неотчуждаемо до тех пор, пока он остается собственником автомобиля.

Распоряжаться автомобилем собственник может путем совершения гражданско-правовых сделок (купли-продажи, дарения, завещания, мены, выдачи доверенности на управление автомобилем). В соответствии с Типовыми правилами комиссионной торговли легковыми автомобилями и мотоциклами с колясками утвержденными Минторгом СССР и МВД СССР 20 сентября 1971 г., собственник имеет право продать автомобиль лишь через специализированные магазины государственной и кооперативной торговли по цене, установленной этими магазинами по согласованию с собственником [7, с. 413]. В случае продажи собственником автомобиля, минуя комиссионный магазин, сделка признается недействительной и стороны приводятся в первоначальное положение [6, 1973, № 7, с. 13]. Если собственник продал принадлежащий ему автомобиль хотя и через комиссионный магазин, но по предварительной договоренности с покупателем им получена сумма сверх выплаченной ему комиссионным магазином, то эта сумма в силу ст. 49 ГК УССР должна взыскиваться в доход государства [6, 1977, № 9, с. 12]. Собственник вправе указывать магазину покупателя, которому магазин обязан продать автомобиль. Если он не укажет покупателя, то комиссионный магазин продает автомашину гражданам в порядке существующей очереди. Собственник может продать как технически исправный автомобиль, так и автомобиль, получивший повреждения в результате аварий и требующий капитального ремонта.

Собственник имеет право распорядиться автомобилем путем безвозмездного отчуждения его по договору дарения, который должен быть нотариально удостоверен, так как несоблюдение этого требования влечет признание сделки недействительной и у одаряемого не возникает права собственности на автомобиль.

В литературе было высказано мнение о том, что собственник имеет право подарить автомобиль лишь близким членам семьи (супругу, детям, родителям, братьям и сестрам) [5, с. 27]. Вряд ли с этим можно согласиться, так как ни Основы, ни ГК, ни Закон о государственном нотариате СССР не ограничивают круг лиц, между которыми может быть заключен договор дарения автомобиля.

На практике затруднено осуществление собственником правомочия по распоряжению автомобилем путем заключения договора мены. Нотариальные конторы не удостоверяют данных сделок, поскольку к договору мены применяются правила купли-продажи. А так как договоры купли-продажи автомашин заключаются только через комиссионные магазины и нотариально не удостоверяются, то отсюда делается вывод: нотариальные конторы не могут удостоверить договоры мены автомобилей. В литературе справедливо считается, что все без исключения действия по обмену автомашин должны оформляться только нотариально удостоверенным договором [3, с. 8]. С этим мнением тем более следует согласиться, что ни Основы, ни ГК не делают исключения для автомобиля при заключении договора мены, и поэтому отказ нотариальных контор в удостоверении данных сделок ограничивает собственника в праве распоряжения автомобилем.

Собственник может передать автомобиль во временное пользование другому лицу по доверенности, которая должна быть нотариально удостоверена. Доверенность на право управления автомобилем может быть выдана на срок до трех лет, а если срок действия не указан, она действует в течение года (ст. 67 ГК УССР).

Распорядиться автомобилем собственник может и путем составления завещания, в котором указывает лиц, становящихся собственниками автомобиля в случае его смерти. Согласно ст. 541 ГК УССР завещание должно быть составлено письменно с указанием места и времени его составления, собственноручно подписано завещателем и нотариально удостоверено.

Список литературы: 1. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи.—М.: Политиздат, 1978, т. 6.—680 с. 2. Программа Коммунистической партии Советского Союза.—М.: Политиздат, 1976.—144 с. 3. *Добрынин Ю. Е.* Договоры по приобретению и отчуждению легковых автомашин гражданами. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.—Свердловск, 1973.—20 с. 4. *Клейтман С. Л.* Безопасность вождения автомобиля и правила дорожного движения.—Харьков: Вища школа, 1979.—184 с. 5. *Оридорога М. Т.* Правила и обязанности владельца автомобиля.—М.: Госюриздат, 1963.—66 с. 6. Бюл. Верховного Суда РСФСР. 7. Типовые правила комиссионной торговли легковыми автомобилями и мотоциклами с колясками.—М.: Экономика, 1976.—512 с. 8. Правила дорожного движения—Киев: Техніка, 1979.—44 с. 9. Правила регистрации и учета автотранспортных средств.—Киев: Техніка, 1975.—10 с. 10. СП СССР, 1976, № 7.

Поступила в редколлегию 21.12.79.

ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДООХРАНЫ

Природоохранительная функция социалистического государства нуждается в теоретическом истолковании и практической реализации. Между этими явлениями имеются определенные различия, но в конечном счете они взаимосвязаны. Единство здесь выражается в том, что, с одной стороны, практика природоохранительной деятельности государства выступает предметом научного познания и строится на данных науки, а с другой — движение науки определяется практическими потребностями природоохраны, теория природоохранительной функции социалистического государства формируется и развивается в связи с практической потребностью в ней.

Природоохранительная деятельность государства строится на базе отражения природоохранительных потребностей с присущими им устойчивостью и динамизмом. Динамизм природоохранительной функции не исключает устойчивости в природоохранительной деятельности государства. Взаимосвязь между этими понятиями проявляется в том, что устойчивость по существу выступает частным случаем динамизма. Если учесть, что природоохранительная функция осуществляется в правовой форме, то здесь уместным будет следующий пример. Устойчивую систему представляют собой Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы земельного законодательства Союза ССР и союзных республик и земельные кодексы союзных республик. Но это вовсе не значит, что в советское земельное и водное законодательство не вносятся изменения, которые вызываются потребностями охраны и рационального использования земельных и водных ресурсов. Поскольку эти изменения не предполагают коренной качественной перестройки земельного и водного законодательства, постольку они укладываются в данную относительно устойчивую систему этого законодательства.

С. С. Алексеев пишет, что при построении социализма и коммунизма государство решает грандиозные задачи в экономической, политической и социально-культурной областях. Оно действует в условиях бурного развития всех сторон общественной жизни, коренного преобразования и отпадения старых общественных отношений. Отсюда такая высокая степень динамизма, которой не знала ни одна из правовых систем прошлого [3, с. 127]. Далее автор подчеркивает, что, оперативно учитывая потребности общественного развития, право вместе с тем сохра-

иает значение устойчивой, стабильной нормативно-правовой системы общественного регулирования [3, с. 129].

Природоохранительная деятельность социалистического государства охватывает широкий диапазон конкретных ситуаций, которые складываются в окружающей природной среде в связи с ростом антропогенной нагрузки на нее. Названные ситуации нуждаются, как правило, в диагностике средствами и методами различных наук. Такая диагностика необходима уже для самой постановки природоохранительной деятельности социалистического государства, которая всегда строится на научном осознании ситуативной необходимости.

Ситуативная целесообразность, соответствие природоохранительной деятельности государства конкретной обстановке — один из важнейших критериев качества данной деятельности. Это подтверждается всем историческим опытом государственно-правовой природоохраны в СССР. Ситуативную целесообразность, по-видимому, следует ввести в номенклатуру основных принципов охраны природы в СССР в дополнение к тем принципам, которые уже признаны в специальной литературе [10, с. 34—38]. Ситуативная целесообразность природоохранительной деятельности социалистического государства как явление характеризуется широким спектром ее конкретного содержания.

Определить тактику государственно-правовой природоохраны на основе учета ситуативной целесообразности — значит ориентировать соответствующие системы государственных органов на необходимость руководствоваться в процессе этой охраны достоверной и научно обработанной информацией о внутреннем состоянии объекта, а также о внешних условиях, в которых он функционирует. Информация здесь служит тем фактическим жизненным материалом, который позволяет выработать конкретную природоохранительную цель, определить конкретный образ природоохранительных действий людей для достижения поставленной цели. Только располагая конкретной информацией об изменяющейся ситуации на объекте государственно-правовой природоохранительной деятельности, можно своевременно устранять препятствия на пути к достижению природоохранительной цели, приводить природоохранительную активность в соответствие с объективной ситуацией.

Возвращаясь к проблеме соотносимости устойчивости и динамизма в природоохранительной деятельности социалистического государства, отметим, что она прямо зависит от уровня звена, функционирующего в системе государственно-правовой природоохраны. Активность высших звеньев носит обобщенный характер, обращена на всю страну, как правило, без учета конкретных локальных различий естественно-природного и социального смысла.

Государственно-правовая природоохранительная деятельность на уровне высших звеньев в масштабе всей страны или ее крупных регионов не может строиться с учетом всей совокупности конкретных состояний подзащитных объектов и основанных на их использовании социальных отношений. Такая активность ориентирована на то, что является наиболее существенным в сфере природоохранительных отношений, и выполняет функцию системообразующего фактора в масштабах всего государства или его крупных регионов. Подобное государственно-правовое природоохранительное системообразование в масштабах всей страны обусловлено особенностями окружающей природной среды, которая в специальной литературе определяется как сложное целое, находящееся в неразрывном движении и развитии вместе со всей национальной экономикой и техникой [7, с. 18].

Государственно-правовая охрана осуществляется и звеньями локального уровня, которые при этом опираются на информацию, отражающую состояние различных природных объектов и особенности их антропогенной нагрузки. Именно в структуре этой деятельности элемент ситуативной целесообразности занимает одну из основных позиций. Данная деятельность опирается на информативные совокупности, отражающие конкретное состояние отдельных природных объектов и их комплексов в соотносимости с характером той антропогенной нагрузки, которую они испытывают на себе.

Обращаясь к методологии познания природоохранительной функции социалистического государства, необходимо исходить из известного указания К. Маркса о том, что при познании социальных явлений нельзя ограничиваться изучением лишь общих характеристик, общих закономерностей основных условий развития и функционирования системы, так как «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [1, т. 25, ч. II, с. 354]. Каждое локальное природоохранительное действие государства имеет свою формулу, которая выводится на основе учета соотносимости между устойчивым направлением природоохранительной деятельности и ее вариабельностью.

Ситуативная целесообразность имеет и свою анатомию. В ее содержание входят как естественно-природные, так и социальные мотивы. Она выражается, как правило, в сложном переплетении естественно-природных факторов и общественных от-

пошений, в которых реализуются как общие закономерности, так и специфические локальные особенности.

Природоохранительная проблематика в нашей стране носит не только общегосударственный, но и локальный характер. При этом необходимо исходить из того, что не только социалистическое государство воздействует на социальную активность в интересах природоохраны, но и особенности социальной активности на местах в сочетании с местными природными особенностями сказываются на конкретных методах и направлениях государственно-правовой природоохраны.

Таким образом, ситуативная целесообразность природоохранительной деятельности социалистического государства выражается прежде всего в конкретной определенности этой деятельности.

Одной из форм выявления ситуативной целесообразности следует считать комплексную экологическую экспертизу, которая проводится специальными комиссиями межведомственного характера в целях комплексной экологической оценки, в частности, проектов строительства наиболее важных народнохозяйственных объектов [11, с. 79—86].

Общей целью природоохранительной функции социалистического государства согласно ст. 18 Конституции СССР являются сохранение природных объектов, научно обоснованное, рациональное использование земли, недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, обеспечение воспроизводства природных богатств и улучшение окружающей среды. Для достижения этих целей природоохранительная деятельность социалистического государства нуждается не только в естественно-научном, экономическом, бальнеологическом, эстетическом, но и юридическом обосновании. Это значит, что природоохранительные действия социалистического государства должны совершаться на основе и во исполнение закона, в соответствии с принципом социалистической законности. В этой связи можно говорить о наличии природоохранительного аспекта в системе социалистического правопорядка.

Юридический потенциал природоохранительной деятельности социалистического государства имеет исключительно важное значение. Природоохранительная активность государства не только совершается на основе и во исполнение закона, но и является деятельностью юридически опосредованной. Это не означает, разумеется, преклонения перед юридическим формализмом, но здесь недопустима и другая крайность — правовой нигилизм, отход от принципа социалистической законности, нарушение природоохранительного правопорядка.

Законность в сфере природоохраны должна органически сочетаться с целесообразностью. В природоохранительной закон-

ности выражается природоохранительная политика Советского государства, в целесообразности — всесторонний учет ситуативной целесообразности отдельных природоохранительных действий государственных органов. При этом законность и целесообразность здесь органически соотносятся между собой. Между этими явлениями ни по существу, ни по форме нет противоречий. Уже само системообразование режима законности строится на основе учета целесообразности. Юридической основой режима законности являются нормативно-правовые акты. В природоохранительном, равно как и в некоторых других отраслях права [5, с. 54], заметное место занимают так называемые локальные нормы, в которых учитываются конкретные условия места, особенности объективных ситуаций, вызывающих необходимость в том или ином спектре государственно-правовых природоохранительных действий.

В литературе справедливо отмечается, что при применении права необходимо принимать во внимание историческую обстановку, условия места и времени развития общественных отношений, что эффективность правового регулирования зависит от того, насколько полно учитываются все факторы, влияющие на поведение участников общественных отношений [4, с. 137].

Р. О. Халфина пишет, что норма права содержит в себе общее правило поведения, абстрактную модель правоотношения, но в реальной жизни она должна применяться к конкретным случаям во всем богатстве и сложности отдельных индивидуальных особенностей данного отношения [8, с. 43]. Правовая норма, как правило, не предполагает жесткую, однозначную запрограммированность поведения, наоборот, она принимается в расчете на выбор наиболее целесообразного или оптимального поведения с точки зрения конкретной цели и в пределах содержащихся в норме ограничений, Е. А. Лукашова отмечает, что в рамках правовой нормы действия могут быть целесообразными и нецелесообразными. Такое положение складывается потому, что законодатель предоставляет исполнителю правовой нормы известный простор для выбора наиболее целесообразных действий [9, с. 12]. О необходимости наибольшей дифференциации в каждом акте применения права, учета всех деталей и условий конкретной ситуации пишут и другие авторы [6, с. 254].

Интересующую нас проблему следует решать, руководствуясь следующим марксистским положением: «Закон всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, — единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично» [1, т. 1, с. 66—67].

В. И. Ленин отмечал, что законодателю следует «установить общие положения и рассчитывать на то, что сознательные товарищи на местах будут добросовестно применять этот закон и

сумеют найти тысячу способов, как его применить в конкретных хозяйственных условиях каждой местности» [2, т. 39, с. 378]. В другом месте он указывал: «Сочинить такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться» [2, т. 41, с. 52].

Обращаясь к проблеме соотносимости правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере природоохраны, мы приходим к следующим выводам: а) качественная природа правоприменения определяется уровнем адекватности, научности отражения в правовых нормах природоохранительной потребности; б) эффективность природоохранительных норм прямо зависит от характера и конкретизации в процессе правоприменительной деятельности, от уровня и диапазона охвата особенностей тех объектных ситуаций, в которых эти нормы реализуются; в) акт применения природоохранительной нормы обязательно должен удовлетворять ограничениям, содержащимся в этой норме, иначе с точки зрения законности он будет недопустимым, противоречащим норме; г) факты допустимого, соответствующего природоохранительным правовым нормам поведения должны оцениваться с точки зрения их результативности, критерием оценки здесь является степень целесообразности, оптимальности применения норм; д) факты недопустимого, противоречащего природоохранительным нормам поведения нецелесообразны, юридическим критерием их оценки следует считать санкции, которые содержатся в нарушенных нормах или в других нормах действующего права.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, 25, ч. II. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, 41. 3. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе.—М.: Юрид. лит., 1971.—222 с. 4. Беляев И. А., Керимов Д. А., Пашков А. С. О методологии юридических наук.—В кн.: Вопросы общественных наук.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, с. 205. 5. Беляева В. С., Козырь М. И. Новое в развитии колхозной демократии.—Сов. государство и право, 1974, № 6, с. 49—56. 6. Берченко А. Я. Ленинские принципы советского права.—М.: Мысль, 1970. — 254 с. 7. Бжезинский В. Правовая охрана окружающей среды.—М.: Прогресс, 1974.—248 с. 8. Государство, право, экономика.—М.: Юрид. лит., 1970,—486 с. 9. Лукашова Е. А. Социалистическая законность и способы ее обеспечения.—М.: Наука, 1968.—210 с. 10. Правовая охрана природы в СССР.—М.: Юрид. лит., 1976.—346 с. 11. Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский Б. Р. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды.—Киев: Наук. думка, 1978.—277 с.

Поступила в редколлегию 29.04.80.

ЛЕСНОЙ КОДЕКС УССР — ЛЕСООХРАНИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В условиях научно-технической революции, неудержимого роста народонаселения, громадного расширения и интенсификации промышленности, сельского хозяйства, сопровождающихся глобальным вовлечением в производственный процесс природных ресурсов планеты, охрана природы и рациональное использование природных богатств приобретают огромное значение и наряду с предотвращением мировой войны являются первоочередной задачей современности, без решения которой невозможен дальнейший прогресс человечества. Охрана природы в нашей стране возведена в ранг общегосударственной политики. Ленинские идеи и принципы охраны природы и рационального использования ее ресурсов, в числе которых важное место занимают леса, закреплены в Конституции СССР, конституциях союзных республик, в текущем законодательстве.

К XXVI съезду КПСС Советская Украина пришла с выдающимися достижениями во всех областях общественной и экономической жизни. Одним из основных факторов успешного развития является постоянная забота партии и правительства об охране и рациональном использовании природных богатств, в особенности лесов УССР. На XXVI съезде указывалось на необходимость обеспечить постепенный переход к ведению лесного хозяйства на принципах непрерывного и рационального лесопользования, охрану и защиту лесов от пожаров и вредителей, расширение защитного лесоразведения, развитие зеленых зон городов [1, с. 184].

Несмотря на чрезвычайные трудности, вызванные конкретно-историческими обстоятельствами, лесное хозяйство УССР за годы Советской власти превратилось в важную отрасль народного хозяйства. Общая площадь земель государственного лесного фонда республики составляет ныне 10 млн. га (14,7% общей площади республики) [6]. В УССР неустанно проводится настойчивая работа, направленная на охрану и восстановление, повышение продуктивности и защитных функций лесов, рациональное использование лесных богатств.

Основы правового регулирования лесных отношений в нашей стране заложены подписанным В. И. Лениным в мае 1918 г. декретом «О лесах» [4], в соответствии с которым лесные органы Советской власти имели право по своему усмотрению или по предложениям граждан принимать меры по охране лесов, были обязаны заботиться и осуществлять строгий контроль за лесоустройством, лесовозобновлением и охраной памятников приро-

ды. Граждане обязывались всеми доступными средствами содействовать охране и защите лесов, заботливо относиться к общественному благу и бережно расходовать лесоматериалы. Праздники лесонасаждения включались в качестве необходимого элемента в программы детских учебных заведений. Декрет устанавливал, что хозяйство во всех лесах следует вести в интересах общего блага и на основе планомерного лесовозобновления. Предусматривалось выделение особо охраняемых защитных и водоохраных лесов, выполняющих климаторегулирующие, санитарно-гигиенические, эстетические и другие функции.

Ленинский декрет «О лесах» по существу явился основой и программой развития лесоохранительного законодательства Советской страны. Он выражал передовые для того времени и актуальные и поныне идеи рациональной эксплуатации и охраны лесных богатств, открывал широкие возможности для организации оптимального государственного лесного хозяйства. Основные положения декрета «О лесах» в силу их непреходящего характера воплотились в лесном законодательстве нашего времени, в юридических нормах развитого социализма.

Декрет «О лесах» действовал до 1923 г., когда назрела необходимость в издании свода лесных законов, который бы учитывал накопившийся опыт законодательной регламентации лесного хозяйства, ликвидировал имеющиеся пробелы и неточности, обеспечил правовое регулирование охраны и рационального использования лесов в условиях строительства социализма. Таким сводом явился принятый в ноябре 1923 г. Закон о лесах УССР [5]. Развивая основы ведения лесного хозяйства, заложенные декретом «О лесах», закон определил понятие государственного лесного фонда и порядок передачи лесов в пользование объединениям крестьянского трудового населения, государственным предприятиям и учреждениям, закрепил порядок государственного управления лесами республики, режим лесопользования и охраны лесов, имеющих защитное или водоохранное значение и такого значения не имеющих, установил правила обязательного восстановления лесов и лесоразведения, порядок надзора за исполнением лесного законодательства и ответственность за его нарушение. Закон о лесах УССР 1923 г. явился по существу первым лесным кодексом УССР и до принятия Лесного кодекса УССР 1979 г. [2] был основным источником лесного законодательства в республике.

Тот факт, что кодификация законодательства об охране лесов, несмотря на ее несомненную потребность, не производилась в течение длительного периода развития Советского государства, предопределялся рядом причин: это и агрессия германского фашизма, и необходимость послевоенного восстановления, и

стремительные темпы развития социалистической экономики, частые изменения в методах организации руководства, в конкретных формах осуществления политики в хозяйственной, культурной и иных областях общественного развития. Для кодификации законодательства необходима определенная стабильность отношений или расчет на такую стабильность. При отсутствии последней кодекс не в состоянии учесть требования стремительно развивающихся отношений по охране и использованию лесов, когда появляются новые нормы, обеспечивающие проведение текущей политики и фактически прекращающие действие норм кодекса [3, с. 9—10]. Действительно, несмотря на большую работу по систематизации лесоохранительного законодательства [3, с. 167], выработанные проекты не стали кодификационными актами, а послужили общесоюзными и республиканскими законами и подзаконными актами по охране лесов.

Изменения в экономической, политической и социальной жизни нашей страны настоятельно потребовали обновления всего законодательства, приведения его в соответствие с потребностями развитого социализма, с задачами коммунистического строительства. Это, безусловно, относится и к законодательству о лесах, поскольку сложились все условия для его приведения в единую активную систему.

Лесной кодекс УССР разрабатывался в полном соответствии с Основами лесного законодательства Союза ССР и союзных республик 1977 г. — первым общесоюзным кодификационным актом об охране лесов. Вместе с тем он учитывает особенности охраны и лесопользования в нашей малолесной республике. Лесной кодекс УССР — это результат коллективного творчества государственных органов общей и специальной компетенции, местных Советов, специалистов лесного хозяйства и широкой общественности на основе требований Конституции СССР, достижений советской лесной науки, современного уровня законодательства.

Лесной кодекс — закономерный итог и знаменательный этап развития законодательства об охране лесов, в котором закреплены ленинские идеи и принципы охраны и рационального использования лесов: исключительная государственная собственность на леса, принцип государственного управления и планирования лесного хозяйства, доктрина созидательного лесопользования. В Лесном кодексе УССР отражен богатый и многосторонний опыт социалистического строительства и развития лесоохранительного законодательства СССР и УССР от первых шагов правового регулирования охраны лесов в период становления Советского государства до построения развитого социалистических которого в ходе научно-технической революции с подлин-

Лесной кодекс УССР — закон развитого социализма, в истического общества.

ной глубиной и небывалой масштабностью воплощаются ленинские начала лесоохранительной политики, заложенные в декрете «О лесах» 1918 г. и Законе о лесах УССР 1923 г. В кодексе наиболее полно и отчетливо отражены основные изменения, происшедшие в лесном хозяйстве республики, учтены ошибки и положительные направления в развитии законодательства о лесах почти за 60 лет со времени принятия первого республиканского лесного кодекса — Закона о лесах УССР 1923 г. Действующий с 1 апреля 1980 г., Лесной кодекс УССР, стратегической задачей которого является охрана и рациональное использование лесов Украины, по своей форме и содержанию полностью соответствует современным задачам построения коммунизма.

Лесной кодекс УССР состоит из преамбулы, 7 разделов, 38 глав и 148 статей. В преамбуле подчеркивается огромное народнохозяйственное и социальное значение лесов, отмечается постоянная забота КПСС и Советского государства об охране и приумножении лесных богатств. Вместе с тем устанавливается, что по своему значению и положению леса нашей республики выполняют преимущественно защитные функции и имеют ограниченное эксплуатационное значение. Эта основополагающая идея и особенность Лесного кодекса УССР является доминирующей направленностью всего его содержания, прямо или опосредствованно выражающейся во всех его положениях и структурных подразделениях. Государственная собственность на леса в СССР, говорится далее в преамбуле, в состав которого на основе добровольного объединения и равноправия входит УССР, составляет основу лесных отношений в области использования, воспроизводства и охраны лесов, служит главной предпосылкой планомерного и рационального ведения лесного хозяйства.

Раздел I содержит общие положения лесного законодательства, определяющие основные принципы ведения лесного хозяйства, которые заключаются в регулировании лесных отношений в целях обеспечения, воспроизводства и повышения продуктивности лесов для удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в древесине и другой лесной продукции и усилении водоохраных, защитных, климаторегулирующих, санитарно-гигиенических, оздоровительных и иных полезных свойств леса, а также охраны прав предприятий, учреждений и граждан, укреплении законности в области лесных отношений. Здесь же устанавливаются место и границы действия лесного законодательства.

В ст. 3 сказано, что в соответствии с Конституцией СССР и Конституцией УССР леса являются исключительной государственной собственностью — общим достоянием всего советского народа, предоставляемым только в пользование, и категорически запрещаются действия, в прямой или скрытой форме нару-

шающие право государственной собственности на леса. В соответствии с этим Лесной кодекс УССР в качестве объекта исключительной государственной собственности определяет понятие государственного лесного фонда и земель гослесфонда, а также правовой режим древесно-кустарниковой растительности, не входящей в этот фонд, но охрана и рациональное использование которой регулируются в рамках лесного законодательства. Согласно действующему законодательству все леса в СССР образуют единый государственный лесной фонд, состоящий из лесов государственного значения, находящихся в ведении государственных органов лесного хозяйства, городских лесов, закрепленных лесов, лесов заповедников и колхозных лесов, находящихся на землях, предоставленных колхозам в бессрочное пользование. Землями гослесфонда признаются земли, покрытые лесом, а также не покрытые лесом, но предназначенные для нужд лесного хозяйства. На этой основе развиваются положения лесного законодательства, касающиеся государственного управления использованием, восстановлением и охраной лесов, определяется компетенция Союза ССР и УССР в области регулирования лесных отношений, что имеет важное значение для точного и координированного регулирования лесных отношений.

ЦК Компартии Украины и правительство республики, как отмечалось в докладе о проекте Лесного кодекса УССР [6], уделяют постоянное внимание развитию лесного хозяйства, приумножению и рациональному использованию лесных богатств УССР. По их решению, в частности, были созданы комплексные лесные предприятия — лесхоззаги и лесокомбинаты, деятельность которых полностью оправдала себя. Концентрация проводимых в лесах работ в одном хозяйственном органе создала условия для всестороннего использования и дальнейшего повышения продуктивности лесов.

В целях закрепления системы органов и существующего порядка управления лесами республики кодекс устанавливает, что государственными органами лесного хозяйства, осуществляющими восстановление, охрану и защиту лесов, а также организацию рационального использования лесных ресурсов, являются Министерство лесного хозяйства УССР и Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности УССР и их органы на местах, раскрывает компетенцию местных Советов, определяет задачи государственного контроля за состоянием, рациональным использованием и охраной лесов, заключающиеся в обеспечении Советами и другими уполномоченными органами соблюдения всеми министерствами, государственными комитетами, ведомствами, предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами установленных правил ведения лесного хозяйства, порядка их использования и охраны. Определение полномочий

этих органов, безусловно, повысит их роль и ответственность за состояние и использование лесов. В кодексе закрепляются также оправданные жизнью формы участия общественности и граждан в осуществлении мероприятий по охране и рациональному использованию лесов, в частности организация общественных лесных инспекторов и школьных лесничеств, что имеет и глубокое воспитательное значение в духе ленинского отношения к природе. При этом в обязанность государственных органов вменяется учет предложений общественных организаций и граждан при осуществлении лесоохранительных мероприятий, что способствует существенному повышению активности населения в деле охраны лесов и придает ей действительную силу.

Глава 5 определяет основные требования, предъявляемые к ведению лесного хозяйства, а также к использованию и охране земель государственного лесного фонда. Эти требования заключаются в том, что государственные органы, предприятия, учреждения, организации, осуществляющие планирование, организацию и ведение лесного хозяйства, использование лесных ресурсов с учетом народнохозяйственного значения лесов и природных условий их произрастания, обязаны обеспечивать усиление полезных природных свойств леса, непрерывное созидательное лесопользование, охрану и защиту лесов, рациональное использование земель государственного лесного фонда и других земель, занятых лесом, повышение эффективности лесохозяйственного производства на основе единой технической политики, достижений науки и техники, а также уход за лесом способами и методами, не наносящими вреда человеку и окружающей среде.

Лесное хозяйство, как и другие отрасли экономики, ведется в соответствии с государственным планом экономического и социального развития. Поэтому в кодексе значительное внимание уделяется планированию лесного хозяйства. Мероприятия по ведению лесного хозяйства предусматриваются в государственных планах экономического и социального развития с расчетом на длительную перспективу и осуществляются соответствующими министерствами, государственными комитетами, ведомствами и лесохозяйственными предприятиями.

Важное место в кодексе отведено организации и ведению лесного хозяйства в колхозных лесах. В нашей республике в бессрочное пользование колхозам государство предоставило около двух миллионов гектаров лесов. Преимущественно эти леса созданы на песках, в оврагах и имеют большое противозерозное и водоохранное значение. Ведение хозяйства в колхозных лесах осуществляется в соответствии с Положением о колхозных лесах, утвержденном Советом Министров СССР. Законодательством предоставляются и поощряются широкие возможности меж-

колхозной кооперации и интеграции в области лесного хозяйства, руководство которым осуществляется государственными органами сельского хозяйства при активном и разностороннем содействии государственных органов лесного хозяйства в планировании и организации ведения лесного хозяйства колхозами.

К сожалению, многие из колхозных лесов, несмотря на усиление технической и иной помощи колхозам в ведении лесного хозяйства, нередко находятся в неудовлетворительном состоянии. Продуктивность их в два-три раза ниже лесов государственного значения [6]. Некоторые колхозы, где насаждения изрежены и требуют восстановления, передают их государственным лесным органам. При учете экономической и иной целесообразности тенденция передачи лесных площадей колхозов государственным органам лесного хозяйства с целью их восстановления и повышения продуктивности является оптимальной и всемерно поощряется Советским государством.

Важное значение имеют установленная кодексом классификация групп и категорий лесов и определение ее критериев. Согласно Основам лесного законодательства в соответствии с народнохозяйственным значением лесов, их местоположением и выполняемыми функциями леса государственного значения подразделяются на первую, вторую и третью группы, а колхозные леса — на первую и вторую группы. К первой группе относятся в основном насаждения, которые выполняют водоохранные, защитные и санитарно-гигиенические функции. Таких лесов насчитывается половина. Во вторую группу входят леса, которые имеют одновременно защитное и ограниченное эксплуатационное значение. Лесов третьей группы, имеющих эксплуатационное значение, на Украине практически нет.

При отнесении лесов компетентными органами к соответствующим группам и категориям защитности одновременно определяются границы земель, занятых лесами каждой группы. В зависимости от группы лесов устанавливаются порядок ведения хозяйства в них, использования лесов и соответствующих земель, а также порядок изъятия этих земель для государственных или общественных нужд. Предусмотрены порядок и условия отнесения лесов к категориям защитности, а также выделение особо защитных участков леса с ограниченным режимом лесопользования.

Кодекс устанавливает, что при строительстве промышленных предприятий, которое в обязательном порядке согласовывается с исполкомаами местных Советов и государственными органами лесного хозяйства, должны предусматриваться и осуществляться мероприятия по предотвращению их вредного влияния на лес. При неисполнении указанных мероприятий компетентные органы вправе запретить эксплуатацию данных объектов.

Раздел II охватывает наиболее принципиальные положения и правила лесопользования. Пользование лесами — это одно из правомочий собственника, которое осуществляется либо самим собственником в лице соответствующих государственных предприятий, учреждений, организаций, либо определенные при лесоустройстве леса передаются в пользование кооперативным, общественным и иным органам или находятся в пользовании всех граждан с возложением на них обязанности соблюдения установленных правил и бережного отношения к общественному благу. Учитывая своеобразие леса как объекта социалистической собственности и специфику этого природного богатства, содержание лесопользования включает в себя не только установленное законом право рационального и комплексного извлечения полезных свойств леса, но и обязанность восстановления леса и лесоразведения предприятиями, учреждениями, организациями, на которые эта обязанность возложена. В данном разделе определены лесопользователи, виды и сроки лесных пользований, а также порядок и условия их предоставления и прекращения.

Одним из основных видов лесного пользования является заготовка древесины. В связи с этим в главах 15, 16 подчеркивается, что планирование использования лесных ресурсов должно осуществляться в пределах расчетной лесосеки, являющейся оптимальной нормой рубки спелых древостоев. Это позволит разумно сочетать экономические интересы с максимальным сохранением природных свойств леса. При этом в целях укрепления хозяйственной дисциплины, усиления ответственности за рациональное использование лесов и их охрану осуществление лесных пользований допускается только по специальному разрешению — лесорубочному билету (ордеру) или лесному билету.

В этом же разделе сосредоточены нормы, определяющие правила и условия других побочных видов лесных пользований: заготовки живицы, второстепенных лесных материалов, пищевых продуктов леса, сенокосения, выпаса скота и т. д. Эти нормы призваны обеспечить удовлетворение разнообразных потребностей населения, связанных с использованием лесом. Здесь же определяется порядок пользования лесом в научно-исследовательских и культурно-оздоровительных целях, а также для нужд охотничьего хозяйства. С учетом необходимости сохранения благоприятных условий для жизни диких животных в то же время предусматривается, что их численность должна регулироваться в пределах допустимого количества в целях предотвращения ущерба лесному и сельскому хозяйству.

Чрезвычайно важное значение для сохранения леса, рационального ведения и определения перспектив развития лесного хозяйства, имеет создание лесных заповедников — эталонов нетронутой природы, объектов изучения естественных законов раз-

вития растительного мира, драгоценного генофонда. Сейчас на территории гослесфонда республики организовано 11 заповедников на площади 150 тыс. га и 102 лесных, ботанических, ландшафтных и других заказника республиканского значения на площади свыше 60 тыс. га. Обеспечивая их всемерную охрану и защиту, создание оптимального режима этих экологических систем, специальная глава кодекса запрещает лесные пользования, несовместимые с целями заповедания.

Раздел III содержит нормы, которые регулируют воспроизводство и повышение продуктивности лесов, имеющие чрезвычайно важное значение для тяжелой исторической судьбы украинских лесов. Здесь сформулированы задачи и способы лесовосстановления и лесоразведения, требования по охране лесов, предъявляемые при заготовке и трелевке древесины, перевод в состав земель государственного лесного фонда земель иных категорий, непригодных для сельскохозяйственного использования, в целях их облесения.

За послевоенные годы в УССР посажено 4 млн. га леса, в том числе свыше 1 млн. га защитных лесонасаждений на эродированных землях колхозов и совхозов, а также полезащитных лесонасаждений, под защитой которых находится около 13 млн. га пашни, особенно необходимых для степных районов нашей республики, куда переместились в последние годы основные объемы лесных посадок. В последнее десятилетие объемы лесонасаждений почти в 4 раза превышают площадь, на которой он вырубаются. Искусственно созданные леса в республике составляют сейчас свыше половины их общей площади, причем эти насаждения создаются из ценных и долговечных пород. Большая работа проводится по восстановлению леса в гослесфонде (на территории более 20 тыс. га) [6] и т. д. Включение в кодекс норм, регулирующих восстановление лесов и лесоразведение, а также повышение их продуктивности, будет способствовать дальнейшему повышению уровня ведения лесного хозяйства УССР, значительному улучшению общего состояния лесов республики.

Раздел IV охватывает вопросы охраны и защиты лесов. В республике укрепляется служба охраны лесов, расширяется профилактическая работа. Однако в силу стихийных причин, особенно в летний период, когда особо опасен лесной пожар — самый страшный враг леса, не везде своевременно проводятся работы по восстановлению лесов, допускаются гибель лесных насаждений, самовольные порубки леса.

Учитывая потребности практики, ст. 124 кодекса определяет объект охраны, предусматривает необходимость охраны лесов от пожаров, незаконных порубок, нарушения установленного порядка лесопользования, а также защиты леса от вредителей и болезней. Осуществление мероприятий по охране и защите ле-

сов возлагается: в лесах государственного значения — на лесохозяйственные предприятия государственных органов лесного хозяйства, иные предприятия, учреждения, организации, на которые возложено ведение лесного хозяйства в этих лесах, а также на соответствующие министерства, государственные комитеты, ведомства и исполкомы Советов; в колхозных лесах — на колхозы и иные организации, ведущие хозяйство в этих лесах, а также на соответствующие сельскохозяйственные органы.

Наряду с определением мер воздействия на нарушителей лесного законодательства ст. 128 предусматривает материальные и моральные меры поощрения лесоохранительной деятельности лесопользователей и лесохозяйственников.

Важное значение в деле охраны и рационального использования лесов имеет государственный лесной кадастр — систематизированный свод сведений о лесах УССР, составляемый на основе лесоустройства. Этому вопросу посвящен раздел V, в котором закреплены задачи ведения государственного учета и государственного лесного кадастра и их значение для планирования и организации развития лесного хозяйства и рационального пользования лесами, их воспроизводства, охраны и защиты, определения размера и размещения лесосечного фонда.

Раздел VI регулирует ответственность за нарушение лесного законодательства, закрепляет способы юридической охраны лесов — предусматривает правовые последствия недействительности сделок, нарушающих право исключительной государственной собственности на леса. В ст. 141 кодекса, носящей отсылочный характер, дается примерный перечень лесонарушений, наказуемых в уголовном, административном или ином порядке. Недостаток данного раздела, по нашему мнению, — отсутствие конкретной регламентации мер воздействия на лесонарушителей, что несколько снижает уровень эффективности охраны лесов и предупреждения нарушений лесного законодательства. Более разработанной и эффективной является ст. 143, которая предусматривает изъятие незаконно добытой древесины или иной лесной продукции, а при невозможности изъятия в натуре — взыскание ее стоимости и передачу ее предприятию, учреждению, организации, права которой нарушены. Важная мера охраны лесов — приостановление нерационального лесопользования и иных опасных для леса работ в случаях и порядке, определяемых Советом Министров СССР.

Можно с уверенностью сказать, что принятие Лесного кодекса УССР повысит ответственность государственных органов лесного хозяйства, местных Советов и широкой общественности за воспроизводство, охрану и рациональное использование лесов, позволит поднять на новый уровень природоохранительную работу, активизирует социалистическое соревнование за ленинское отношение к природе.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 2. Ведомости Верховного Совета УССР, 1979, № 52, ст. 673. 3. Развитие кодификации советского законодательства.—М.: Юрид. лит., 1968. — 246 с. 4. СУ РСФСР, 1918, № 42, ст. 522. 5. СУ УССР, 1923, № 46, ст. 575. 6. Правда Украины, 1979, 14 дек.

Поступила в редколлегию 03.10.80.

В. Я. Тацкий, канд. юрид. наук
Харьков

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК УССР 1927 г.

Уголовный кодекс Украинской ССР, как и УК других союзных республик, разрабатывался и принимался, когда в основном было завершено восстановление разрушенного иностранной интервенцией и гражданской войной народного хозяйства, в период социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Необходимость же в новом УК обуславливалась главным образом тем, что к этому времени был образован Союз ССР и приняты первая Конституция (1924 г.), а также «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [4, 1924, № 24] и ряд других общесоюзных нормативных актов. Все это потребовало приведения уголовного законодательства в соответствии с данными правовыми актами.

УК УССР был принят 8 июня 1927 г. и вступил в силу с 1 июля 1927 г. В главу V «Преступления хозяйственные» было помещено 16 статей, в которых устанавливалась ответственность за различные преступные посягательства. В эту группу обоснованно были включены статьи об ответственности за такие хозяйственные преступления, как бесхозяйственность, спекуляция, самогоноварение, запрещенный промысел, нарушение положений о государственных монополиях и др. В то же время в этой главе содержались и статьи об ответственности за преступления, которые не могут быть отнесены к хозяйственным: преступное нарушение снабжения Красной Армии и Флота, причиняющее ущерб их боеспособности (ст. 120), а также изготовление, хранение для сбыта и сам сбыт без надлежащего разрешения кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ (ст. 134). Недостатком УК УССР было и то, что в рассматриваемую главу были помещены статьи, в которых предусматривалась наказуемость за преступные посягательства на трудовые и иные права граждан: нарушение нанимателем законодательства об охране труда и социальном страховании (ст. 121), нарушение требований коллективных договоров (ст. 122), воспрепятствование деятельности местных профсоюзных органов (ст. 123)

и взыскание квартирной платы свыше установленного размера (ст. 124). Отметим, что при подготовке уголовных кодексов 1926—1935 гг. уже имелись все основания к выделению специальной главы «Преступления против политических и трудовых прав граждан». Наряду с этим статьи об ответственности за целый ряд хозяйственных преступлений в УК УССР были без достаточных оснований включены в главу II «Преступления против порядка управления» (ст. 56²², 56²⁴, 56²⁷, 57—60, 79, 82, 84).

Поэтому при изучении и построении системы хозяйственных преступлений по УК УССР 1927 г. нельзя исходить лишь из системы самого УК. В рассматриваемую группу должны быть включены те общественно опасные деяния, которые совершались в сфере социалистического хозяйствования и причиняли ущерб социалистической системе хозяйства. Среди этих преступлений необходимо выделить прежде всего те, которые посягали на хозяйственные интересы государства в области социалистического общественного производства.

Индустриализация страны, как и коллективизация сельского хозяйства, была реальным воплощением ленинского плана построения социализма. «Крупная машинная промышленность, — писал В. И. Ленин, — и перенесение ее в земледелие есть... единственная база для успешной борьбы за избавление человечества от ига капитализма, от избиения и калечения десятков миллионов людей...» [1, с. 135]. Поэтому в годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, как и в годы Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного народного хозяйства, государство стремилось максимально использовать наряду с другими мерами правовые средства для обеспечения нормальной работы всех звеньев хозяйственного механизма страны и всемерной его охраны от общественно опасных посягательств. Этим и объясняется обстоятельная регламентация общественно опасных посягательств на социалистические отношения в производственной сфере. Сама же эта группа была наиболее многочисленной в системе хозяйственных преступлений.

Особое место среди них занимала бесхозяйственность (ст. 116), под которой понималось нецелесообразное с хозяйственной стороны ведение работы государственного, общественно-предприятия или кооперативной организации при условии, если такое хозяйствование было вызвано недобросовестным или небрежным (халатным) отношением руководителей организаций к порученному делу, если это повлекло расточение имущества учреждений или предприятий или значительный имущественный ущерб. Из приведенного определения следует, что бесхозяйственность практически могла быть совершена в различных отраслях социалистического хозяйства и формы ее проявления были

самыми разнообразными. Судебная практика относила к бесхозяйственности такие действия (бездействие) по руководству организацией, которые не вытекали из интересов дела, были нецелесообразными, т. е. противоположны интересам нормальной их деятельности. Причем ответственность за это преступление наступала только тогда, когда бесхозяйственность была основана на небрежном или недобросовестном отношении лица к порученному делу и наступили указанные в законе последствия — расточение имущества учреждений или предприятий либо значительный имущественный ущерб.

Характерно, что за весь многолетний период действия УК УССР ст. 116 была одной из немногих, которые не претерпели каких-либо изменений. Вместе с тем такой вид бесхозяйственности, как выпуск недоброкачественной промышленной продукции из промышленного предприятия, был выделен постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 г. «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов» в самостоятельный состав преступлений [4, 1930, № 2].

Закон (ст. 135³) предусматривал уголовную ответственность только за случаи массового систематического выпуска из промышленного или торгового предприятия недоброкачественной или не соответствующей стандартам промышленной продукции. В дальнейшем вопросы ответственности за это преступление были регламентированы в постановлении ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1933 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции» [4, 1933, № 73], которым устанавливалось наказание за данное деяние управляющих трестами, директоров предприятий и лиц административно-технического персонала. Таким образом, здесь определялся круг лиц, которые могли быть субъектами преступления, а также место его совершения.

В связи с принятием постановления от 8 декабря 1933 г. ст. 135³ была изменена: в ч. 1 предусматривалась ответственность за выпуск недоброкачественной продукции из промышленного предприятия, а в ч. 2 — за такой же выпуск из торгового предприятия. Поскольку этот нормативный акт не регламентировал вопросы борьбы с выпуском нестандартной продукции, то продолжало действовать и постановление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 г.

Следовательно, законодательство в тот период различало: а) выпуск недоброкачественной продукции из промышленного предприятия; б) выпуск недоброкачественной продукции из торгового предприятия; в) выпуск нестандартной продукции.

Новые изменения в уголовное законодательство были внесены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или

некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» [3, 1940, № 23]. Указ приравнивал к выпуску недоброкачественной промышленной продукции выпуск некомплектной и нестандартной продукции. Удачно решался и вопрос о круге лиц, подлежащих ответственности за это преступление. Ими могли быть только директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий.

Наряду с отмеченными в УК УССР предусматривалась ответственность и за некоторые другие специальные виды бесхозяйственности. Так, в ст. 117 определялось наказание за «заключение лицом, уполномоченным действовать от имени государства, общественного или кооперативного учреждения или предприятия, явно невыгодных договоров или сделок, если при заключении их лицо действовало в стачке с контрагентами этих учреждений или предприятий или намеренно предпочло их выгоду выгоде того учреждения или организации, от имени которого оно действовало». К рассматриваемой группе преступлений необходимо отнести и такие, как расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного, кооперативного или общественного имущества (ст. 118); неисполнение обязательств по договору (ст. 119); перерасход или небрежное расходование топлива в промышленности, на транспорте или в организациях общественного сектора [7, 1931, 2 февр.], перерасход хлеба и зернофуража [4, 1931, № 37].

Весьма обстоятельно были регламентированы и вопросы ответственности за преступные посягательства, причиняющие ущерб интересам сельскохозяйственного производства. Так, постановлением ВЦИК и СНК УССР от 16 мая 1928 г. к хозяйственным преступлениям были отнесены всякого рода действия, нарушающие каким-либо образом запрещение сделок на землю (купля-продажа, залог, дарение, завещание и т. д.) [5, 1928, № 13]. Установление уголовной ответственности за эти посягательства было обусловлено потребностями практики и решением XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне», где, в частности, обращалось внимание на необходимость «всемерно укреплять основы национализации земли и преследовать как тяжкое уголовное преступление какие бы то ни было (прямые или косвенные) попытки подрыва национализации земли...» [2, с. 66].

В период сплошной коллективизации сельского хозяйства государство значительное внимание уделяло вопросам повышения культуры сельскохозяйственного производства, более эффективному использованию земли. На решение этих задач и было направлено постановление ВЦИК и СНК УССР от 25 февраля 1930 г. «О минимальных агрикультурных требованиях, подлежащих выполнению учреждениями, организациями и отдель-

ными селянскими хозяйствами, пользующимися землей сельскохозяйственного назначения» [5, 1930, № 7], которое не только определяло перечень требований, направленных на повышение культуры земледелия, но и предусматривало ответственность лиц, которые допускали систематическое или злостное невыполнение агрикультурных требований.

Уголовная ответственность за преступные посягательства на сельскохозяйственную технику впервые была установлена постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. «Об ответственности за поломку и порчу тракторов и сельскохозяйственных машин» [4, 1931, № 9]. В соответствии с этим постановлением УК УССР был дополнен ст. 75⁴, в которой законодатель дифференцировал ответственность за рассматриваемое преступление в зависимости от форм проявления и степени его общественной опасности. Так, по ч. 1 ст. 75⁴ наказывались порча и поломка, вызванные преступно-небрежным обращением с этим имуществом, а по ч. 2 — те же действия, если они совершались неоднократно или причинили крупный ущерб.

К преступлениям в области сельского хозяйства необходимо отнести также нарушение устава сельскохозяйственной артели [7, 1939, 28 мая], незаконный убой скота и преступно-небрежное отношение к лошадям [4, 1931, № 57; 5, 1932, № 1], потрава посевов и повреждение насаждений [3, 1955, № 1, ст. 4] и др.

В УК УССР 1927 г. весьма обстоятельную регламентацию получили преступления в области финансов и преступные посягательства на монопольные интересы государства. Самую же многочисленную группу из них составляли различные налоговые преступления, наиболее опасным среди которых был массовый, по предварительному сговору отказ или уклонение от внесения налогов (ст. 57). В тех же случаях, когда отказ от уплаты налогов носил не массовый, а лишь злостный характер, применялась ст. 58. Причем злостным признавался лишь такой неплатеж налогов, при котором лицо, во-первых, имело реальную (т. е. материальную и иную) возможность уплатить его в срок, и, во-вторых, когда к лицу уже применялись меры административного воздействия за это правонарушение и лицо продолжало уклоняться от обязательного налога или от выполнения повинностей.

К преступлениям в области финансов необходимо отнести подделку и сбыт в виде промысла знаков почтовой оплаты, билетов железнодорожного и водного транспорта и иных проездных документов и документов на провоз грузов, за которые устанавливалась ответственность в ч. 2 ст. 56²². В дальнейшем постановлением ЦИК и СНК УССР от 15 марта 1930 г. «Об изменении и дополнении Уголовного кодекса УССР» эта статья была дополнена специальной частью, где предусматривалась ответственность за подделку в виде промысла чеков, документов на де-

нежные вклады и вклады в ценных бумагах, а также свидетельств по денежным аккредитивам [5, 1930, № 8].

Наряду с отмеченными в 30-х гг. известное распространение получила практика изготовления и выпуска в оборот различными организациями всевозможных денежных суррогатов. Встречались случаи, когда руководители отдельных организаций начали вводить свои собственные денежные единицы. Поэтому в целях борьбы с выпуском «различными областными и местными учреждениями, предприятиями и общественными организациями всякого рода займов, облигаций и других видов ценных бумаг, а также бон и иных денежных суррогатов» постановлением ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. была установлена уголовная ответственность за изготовление, выпуск и принятие в оборот денежных суррогатов [4, 1935, № 30]. В УК УССР наказуемость за эти преступления определялась в трех статьях. Так, по ст. 62 наказывались руководители организаций за незаконный выпуск ими всякого рода займов, облигаций и других ценных бумаг, а также бон и иных видов денежных суррогатов. Наряду с этим по ст. 62¹ квалифицировалось изготовление таких денежных суррогатов руководителями типографий, граверных мастерских, литографий, стеклографий и других аналогичных организаций. Кроме того, по ст. 62² квалифицировались действия заведующих и кассиров магазинов и других торговых предприятий за прием к оплате денежных суррогатов.

К рассматриваемой группе преступлений необходимо отнести и различные нарушения правил пользования чеками [4, 1929, № 73], переплавку государственной металлической монеты, а также использование ее для изготовления различных изделий [5, 1935, № 16], нарушение порядка выдачи за границу изобретений [5, 1931, № 19], а также нарушение положений о монополии внешней торговли (ст. 56²⁶). По этой статье квалифицировались действия тех, кто помимо органов Наркомвнешнеторга СССР самостоятельно заключал торговые соглашения с зарубежными организациями или допускал нарушения специальных правил о монополии внешней торговли [4, 1930, № 6].

Среди преступлений в области торговли наиболее опасным являлась спекуляция (ст. 127, 128). Повышенная общественная опасность спекуляции определялась тем, что она причиняла серьезный ущерб основам советской торговли, имущественным интересам покупателей, препятствовала проведению в жизнь принципа оплаты по труду в социалистическом обществе. Отметим, что УК УССР 1927 г. в первоначальной редакции не только не использовал самого термина «спекуляция», но и не внес каких-либо существенных изменений в понятие этого преступления по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Под спекуляцией понимались как действия, направленные на повы-

шение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска их на рынок, так и злостное понижение цен на товары на производящихся государственными органами публичных торгах.

Существенные изменения в законодательство об ответственности за спекуляцию были внесены постановлением ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией» [4, 1932, № 65]. На основании этого нормативного акта ст. 127 УК УССР была изменена и сформулирована следующим образом: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления». Приведенное определение свидетельствует о том, что новый закон успешно решал ряд важных вопросов ответственности за это преступление, внес большую определенность в практику применения УК УССР, способствовал активизации борьбы со спекуляцией. Так, в целом удачно определялось само понятие спекуляции. Указание законодателя на скупку и перепродажу как на два необходимых признака этого преступления наиболее точно раскрывало действительную сущность спекуляции, достаточно четко определяло внешние ее признаки. Кроме того, усиление санкции за спекуляцию (лишение свободы на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего или части имущества) предоставляло судебным органам большие возможности для решительной борьбы с этим преступлением.

Вместе с тем практика применения ст. 127 позволила обнаружить целый ряд ее недостатков, что было учтено при разработке статьи об ответственности за спекуляцию в ныне действующем УК УССР. В частности, ст. 127 не дифференцировала ответственности в зависимости от размера спекуляции. Указание же закона на то, что предметом спекуляции могли быть только продукты сельского хозяйства и предметы массового потребления, сужало понятие рассматриваемого преступления. Закон необоснованно ограничивал и круг возможных субъектов спекуляции указанием на то, что ими могут быть лишь частные лица.

К рассматриваемой группе относится и нарушение правил, регулирующих торговлю (ст. 135). В судебной практике по этой статье квалифицировались такие действия, как продажа отдельных продуктов сельскохозяйственного производства до выполнения плана поставок, неправильное ведение торговых книг, продажа изъятых из свободного оборота товаров, отдельные формы обворовывания покупателей и др. Укажем, что по ст. 135 квалифицировалось не любое нарушение правил торговли, а такое, когда специальным законом устанавливалась за эти нарушения ответственность по суду. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 декабря 1938 г. «О судебной практике по делам о спекуляции» прямо указал, что «осуждение по этим статьям может иметь место лишь при нарушении правил, регу-

лирующих торговлю, если при этом в нарушенных правилах специально не оговорено преследование в административном порядке» [6, с. 5].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 июля 1934 г. была впервые предусмотрена ответственность и за обворовывание покупателей [4, 1934, № 41]. В соответствии с этим нормативным актом УК УССР был дополнен ст. 135⁴, где устанавливалась ответственность за следующие формы обворовывания покупателей: а) обмеривание и обвешивание; б) пользование при продаже неверными весами, гирями и другими неправильными измерительными приборами; в) нарушение установленных розничных цен на товары широкого потребления в магазинах, ларьках, лавках, столовых, буфетах и т. д.; г) продажа товаров низшего сорта по цене высшего; д) сокрытие от покупателей преysкурантных цен на товары. Таким образом, новый закон обстоятельно регламентировал вопросы борьбы с самыми разнообразными формами обворовывания покупателей, что позволяло вести эффективную борьбу с рассматриваемым преступлением.

К преступлениям в области торговли необходимо отнести продажу членами кооператива со спекулятивной целью товара, полученного от кооператива в кредит (ст. 131¹), нарушение порядка отпуска хлеба [4, 1934, № 27] и спекуляцию жилыми помещениями (ст. 125).

Достаточно подробно в УК УССР 1927 г. были регламентированы и вопросы ответственности за преступные посягательства на интересы государства в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов, а также за посягательства на интересы государства в области производства промыслов и занятия отдельными видами деятельности.

Как видно из изложенного, в УК УССР, как и в последующих нормативных актах, обстоятельно регламентировались вопросы уголовно-правовой борьбы с хозяйственными преступлениями. Сама же система хозяйственных преступлений по УК УССР 1927 г. может быть представлена в следующем виде.

1. Преступные посягательства на хозяйственные интересы государства в области социалистического общественного производства: а) общие хозяйственные преступления в области производства — бесхозяйственность, приписки и иные искажения отчетности о выполнении планов, заключение уполномоченным организацией лицом явно невыгодных договоров или сделок, нарушение порядка производства и поставки отдельных видов продукции, расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного или общественного имущества, неисполнение обязательств по договору, продажа, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов, а также незаконное их приобретение, перерасход или небрежное расходование топлива,

перерасход хлеба и зернофуража; б) преступления в области промышленности — выпуск недоброкачественной промышленной продукции; в) преступления в области сельского хозяйства — совершение противоправных сделок с землей, небрежное или непроизводительное использование земли или некультурное ведение хозяйства, нарушение устава сельскохозяйственной артели, порча или поломка сельскохозяйственной техники, незаконный убой лошадей и другого скота, преступно-небрежное отношение к лошадям и приведение их в состояние хозяйственной непригодности, погрыва посевов и повреждение насаждений, нарушение ветеринарных правил, невыполнение договора контракта-ции сельскохозяйственной продукции.

2. Преступления в области финансов и посягательства на монопольные интересы государства: отказ от уплаты налогов, невыполнение налоговых обязательств по сдаче сельскохозяйственной продукции, сокрытие имущества, подлежащего обложению, нарушение правил об особом патентном сборе, подделка чеков, документов на денежные вклады и вклады в ценных бумагах, а также свидетельств по денежным аккредитивам, знаков почтовой оплаты, билетов железнодорожного или водного транспорта либо иных проездных и на провоз грузов документов, нарушение правил пользования чеками, противоправное изготовление, выпуск в обращение и прием к оплате различных займов, облигаций и других денежных суррогатов, переплавка государственной металлической монеты, а также использование ее для изготовления различных изделий, нарушение порядка выдачи за границу изобретений, нарушение правил о монополии внешней торговли.

3. Преступные посягательства на хозяйственные интересы государства в области торговли: спекуляция, нарушение правил торговли, обворовывание покупателей, продажа членами кооператива полученного в кредит товара, нарушение порядка закупки и отпуска хлеба.

4. Преступные посягательства на интересы государства в области охраны природы и рационального использования природных ресурсов: нарушение правил охраны лесов, разработка недр земли без надлежащего разрешения, производство рыбного, звериного и других видов воднодобывающих промыслов, а также производство промысла морских котиков и морских бобров.

5. Преступные посягательства на интересы государства в области производства промыслов и занятия отдельными видами деятельности: занятие запрещенным промыслом, частнопредпринимательская деятельность, самогонварение, а также изготовление и сбыт других спиртных напитков либо изготовление, хранение, ремонт и сбыт аппаратов для изготовления спиртных напитков.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44. 2. КПСС в резолюциях и решениях...—М.: Политиздат, 1970, т. 4.—583 с. 3. Ведомости Верховного Совета СССР. 4. СЗ СССР. 5. СЗ УССР. 6. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 и первое полугодие 1939 г.)—М.: Юрид. из-во НКЮ СССР, 1940.—200 с. 7. Известия.

Поступила в редколлегию 28.12.80.

Л. Н. Кривоченко, канд. юрид. наук
Харьков

К ДИСКУССИИ ОБ УГОЛОВНОМ ПРОСТУПКЕ

Характерная тенденция уголовного права — дальнейшая дифференциация ответственности лиц, совершивших преступления. Именно в связи с этим в науке возникла проблема уголовного проступка, привлекающая в последние годы большое внимание. Идея выделения уголовного проступка затрагивает ряд сложных проблем, например, криминализации и декриминализации общественно опасных деяний, классификации преступлений по характеру и степени их общественной опасности, разграничения преступлений и проступков. То или иное их решение может существенно повлиять на практику борьбы с преступностью, что свидетельствует о важности их исследования.

Известно, что идея уголовного проступка возникла как результат теоретического обоснования вопросов освобождения от уголовной ответственности за малозначительные и не представляющие большой общественной опасности преступления с применением к виновному мер общественного воздействия. Мысль о целесообразности выделения малозначительных преступлений в категорию антиобщественных проступков была высказана А. А. Пионтковским и М. Д. Шаргородским, видевшими специфику этих деяний в альтернативной ответственности: либо уголовное наказание, либо меры общественного воздействия [11; 12]. В дальнейшем вместо термина антиобщественный появился термин уголовный проступок, который, как считают, удачно отражает специфику преступлений, за которые вместо уголовного наказания могут быть применены меры общественного воздействия [9, с. 49].

Целесообразность выделения категории уголовных проступков аргументируется различно: необходимостью дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, задачами экономии уголовной репрессии, требованием повышения эффективности борьбы с малозначительными преступлениями, необходимостью законодательного отражения широкого применения к лицам, совершившим не представляющие большой общественной опасности преступления, мер общественного воздействия, повышением активности граждан в борьбе с антисоциальными яв-

лениями. В пользу уголовного проступка выдвигается и требование упорядочения статистики преступлений, упрощения судопроизводства по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Решение проблемы уголовного проступка невозможно без уяснения юридической природы тех деяний, которые предлагается включить в данную категорию правонарушений. Между тем по этому вопросу среди сторонников уголовного проступка нет единства. Одни авторы считают, что деяния, охватываемые понятием уголовного проступка, не являются преступлениями. Так, Г. А. Кригер полагает, что для приведения уголовного законодательства в соответствие со ст. 160 Конституции СССР «необходимо большую часть менее общественно-опасных деяний, рассцениваемых ныне действующим законодательством в качестве преступлений, исключить из числа таковых, создав категорию уголовно-правовых проступков» [8, с. 5]. Другие утверждают, что уголовные проступки по своей социальной природе являются преступлениями [4, с. 92]. Третьи видят специфику деяний, которые должны быть отнесены к уголовным проступкам, в полупреступном их характере, в промежуточном их положении между преступлениями и административными проступками [10, с. 49].

Различно решается вопрос о характере и формах нормативного регулирования уголовных проступков. Предлагают создать отдельный кодекс проступков с Общей и Особенной частью [4, с. 93]. Высказывают и мнение, что уголовный проступок должен оставаться в рамках уголовного закона, в связи с чем в Основах и Общей части УК необходимо предусмотреть понятие уголовного проступка, сформулировать общие положения, касающиеся ответственности за него, а в Особенной части УК — дать исчерпывающий перечень этих проступков [2, с. 119—120].

В основе решения затронутых вопросов должны лежать общие принципиальные положения о понятии преступления как самостоятельного вида правонарушений, специфике его правового регулирования, отграничении от иных правонарушений.

Деяние, признаваемое преступлением, каким бы оно ни было по тяжести, к какой бы категории оно ни относилось, по своей природе, социальному характеру является опасным для социалистических общественных отношений. Специфическая по характеру и степени объективная опасность преступления определяет его качественную самостоятельность как вида правонарушений и регулирование его нормами уголовного права. Именно характер и степень общественной опасности, присущие тем или иным поступкам человека, дают возможность отнести их к преступлениям, либо исключить из числа таковых. Следовательно, деяния, которые предлагается выделить в категорию уголовных проступков, могут быть либо преступлениями, либо не преступ-

лениями. Утверждение, что «слово «уголовный» означает, что речь идет о преступном деянии, а слово «проступок» означает, что эти деяния близки к антиобщественным проступкам — аморальным, дисциплинарным, административным и гражданским» [10, с. 149], не вносит ясности в вопрос о правовой природе этих деяний. Несмотря на подвижность границ между преступлением и проступком (в силу возможного изменения объективной общественной опасности деяний), одно и то же деяние не может признаваться одновременно и преступлением и проступком. Это противоречило бы их специфике как самостоятельных видов правонарушений, специфике их правового регулирования. Общеизвестно, что уголовному праву присущи специфические предмет и метод правового регулирования. Типичным методом регулирования общественных отношений в уголовном праве выступают уголовная ответственность и наказание за совершение любого деяния, предусмотренного законом в качестве преступления. Поэтому деяния, признаваемые законодателем преступлениями, должны влечь в качестве закономерных последствий уголовную ответственность и наказание. Иные последствия, иной вид ответственности хотя и могут предусматриваться уголовным законом, но лишь как отражение индивидуальных особенностей конкретного случая совершения преступления и специфики личности виновного. В связи со сказанным вызывает сомнение правильность включения в санкции (например в УК РСФСР) наряду с наказаниями мер общественного воздействия. Такие меры могут применяться лишь в порядке освобождения лица от уголовной ответственности и в соответствии с нормами, регулирующими это освобождение.

Исходя из предмета и метода правового регулирования, собственных уголовному праву, можно сделать общий вывод о том, что уголовный закон призван регулировать лишь уголовно-правовые отношения, которые возникают в связи с совершением преступлений. Это означает в то же время, что данные отношения не могут регулироваться другими отраслями права, так как иное бы противоречило их качественной самостоятельности в общей системе права. Поэтому непоследовательна позиция И. М. Ковалева и Н. И. Загородникова, которые, не отрицая за уголовными проступками свойства преступления, считают возможным выделить их в специальный самостоятельный кодекс с особыми санкциями [7, с. 73; 4, с. 93—94].

Отсюда следует, что юридическая природа всех деяний, включаемых в уголовный кодекс, должна быть однородна, они все должны находиться в рамках общего понятия преступления. Поэтому даже в тех случаях, когда уголовным законом за конкретное преступление в качестве альтернативы предусмотрена возможность применения мер общественного воздействия, речь

все же идет о преступлении, которое лишь при наличии определенных объективных и субъективных обстоятельств конкретного случая и в силу положительной характеристики личности допускает назначение виновному не наказания, а мер общественного воздействия. Наказуемость как обязательный признак общего понятия преступления не исключает возможности неприменения предусмотренной санкцией наказания в порядке индивидуализации ответственности.

Поэтому, если категорию уголовных проступков выделить в рамках уголовного кодекса, то это будет определять их юридическую природу как преступлений, обладающих свойственными им характером и степенью общественной опасности. По существу в этом случае речь будет идти лишь об изменении наименования: вместо малозначительных и не представляющих большой общественной опасности преступлений их станут называть уголовными проступками.

Однако нельзя не учитывать, что при таком решении термин «проступок» не подчеркивал бы повышенной общественной опасности преступлений в отличие от иных правонарушений, игнорировалось бы то обстоятельство, что именно эти «проступки» занимают достаточный удельный вес в структуре преступности. Непонятно было бы такое изменение терминологии и с точки зрения сложившегося социалистического правосознания. В правовом сознании, правовой психологии граждан понятие проступка прочно связано с аморальными, дисциплинарными, административными нарушениями, т. е. с такими деяниями, которые по своей тяжести не могут влечь уголовного наказания, не достигают уровня общественной опасности преступления.

Если уголовные проступки не признавать преступлениями или признать их полупреступный характер и все же оставить в уголовном кодексе, то это помимо противоречия самой специфике уголовно-правового регулирования должно было бы вызвать коренную переработку как Общей, так и Особенной его части: существенно должны быть изменены система кодекса, содержание уголовно-правовых институтов Общей части (например, стадий преступной деятельности, соучастия), конструкция составов преступлений и т. д. Вряд ли те цели, которые ставятся сторонниками уголовного проступка, могут оправдать подобную весьма существенную перестройку уголовного закона.

Если, наконец, стать на ту точку зрения, что уголовный проступок не является преступлением, то необходимо будет решить вопрос, к какому виду правонарушений его отнести: либо уголовный проступок не выходит за рамки юридической природы известных административных, дисциплинарных, антиобщественных проступков, либо это качественно новый вид правонарушений.

Если исходить из того, что уголовный проступок является новым самостоятельным видом правонарушений, требующим качественно нового вида правового регулирования, нового вида ответственности, то по существу это означает рождение новой отрасли права. Создание в этом случае кодекса уголовных проступков потребует серьезных усилий по определению общих принципиальных положений, на которых будет строиться ответственность за данное правонарушение. Причем эти общие начала должны будут обладать спецификой по сравнению, с одной стороны, с уголовной ответственностью, с другой — с административной, дисциплинарной и иной ответственностью. Поскольку предмет правового регулирования определяется не произвольно, зависит от внутренней природы, объективных свойств, важности общественных отношений, задача эта весьма сложная, затрагивает принципиальные вопросы всей системы советского права. Было бы более оправданным упорядочение административного законодательства, создание кодекса административных проступков, в который мог бы быть включен ряд деяний, не представляющих значительной общественной опасности, но относящихся по действующему уголовному законодательству к преступлениям. Но при таком решении вызывает возражение термин «уголовный», который не будет отражать юридической природы этих правонарушений. Сам термин «уголовный» свидетельствует о качественной определенности деяний, о повышенной их общественной опасности, о регулировании их нормами уголовного права. Он не может быть применен к деяниям, не обладающим общественной опасностью, свойственной преступлениям.

Таким образом, идея выделения уголовного проступка (как в рамках уголовного закона, так и вне его) не может быть признана обоснованной.

Сказанное, однако, не означает отказа от дальнейшего совершенствования законодательства с целью углубления дифференциации ответственности. Такое совершенствование предполагает решение ряда проблем.

Прежде всего речь идет о проблеме декриминализации ряда преступлений, которые в современных условиях не представляют объективно повышенной общественной опасности и не требуют уголовно-правовых мер борьбы с ними. Это весьма сложная задача, требующая больших научных и практических усилий, серьезных социологических исследований. Она не может быть сведена к однозначным предложениям изъять из УК все преступления, за которые предусмотрено наказание не свыше одного года лишения свободы или даже до двух лет лишения свободы [5, с. 69; 6, с. 124]. Среди этих преступлений есть такие, общественная опасность которых значительна и требует уголовно-правового регулирования. Вопрос о декриминализации может

ставиться лишь применительно к конкретным видам преступлений с учетом не только и даже не столько санкций, сколько оценки их объективной опасности, обоснованности уголовно-правового запрета, эффективности уголовно-правовых мер.

Наряду с декриминализацией ряда преступлений для решения задачи повышения эффективности борьбы с не представляющими большой общественной опасности преступлениями имеет значение дальнейшее совершенствование классификации преступлений в Общей части уголовного права на различные по тяжести категории. Выделение самостоятельной категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, законодательное определение критериев такого выделения позволяет конкретизировать их правовые последствия.

Следовательно, обособление наряду с преступлениями уголовных проступков не оправдано ни теоретически, ни практически. Экономия уголовной репрессии, усиление эффективности борьбы с преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, активизация роли общественности в борьбе с такими деяниями, упорядочение уголовной статистики и др. — все это может найти свое решение на основе действующего уголовного и административного законодательства, без его коренной переработки [3, с. 133].

Список литературы: 1. *Виттенберг Г. Б.* Вопросы совершенствования уголовного законодательства.—В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка.—М.: Юрид. лит., 1979, с. 85—87. 2. *Даньшин И. Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка.—М.: Юрид. лит., 1973.—199 с. 3. *Дружинина В. Ф.* О разграничении преступления и административного проступка. — Сов. государство и право, 1978, № 4, с. 128—134. 4. *Загородников Н. И.* Совершенствование советского уголовного законодательства об охране общественного порядка.—Тр. Московск. высшей школы милиции, 1978, вып. 3, с. 89—98. 5. *Кардаев П. С.* Некоторые теоретические и правовые вопросы классификации преступлений.—В кн.: Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. — Свердловск, 1976, с. 60—69. 6. *Карпец И. И.* Наказание. Социальные, правовые и криминалистические проблемы.—М.: Юрид. лит., 1973.—286 с. 7. *Ковалев М. И.* К вопросу об эффективности применения ч. 2 ст. 7 УК РСФСР в судебной практике.—В кн.: Правовые исследования.—Тбилиси, 1977, с. 70—76. 8. *Кригер Г. А.* Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства.—Вестн. МГУ, 1979, № 2, с. 3—9. 9. *Кузнецова Н. Ф.* Классификация преступлений.—Сов. государство и право, 1967, № 6, с. 43—50. 10. *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность.—М.: Изд-во МГУ, 1969.—231 с. 11. *Пионтковский А. А.* Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы теории советского уголовного права.—Сов. государство и право, 1961, № 4, с. 60—70. 12. *Шаргородский М. Д.* Вопросы общего учения о наказании в период развернутого строительства коммунистического общества.—Тез. докл. на науч. конф. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма».—Л.: 1961, с. 77—78.

Поступила в редколлегию 25.01.80.

**ОБ ИЗУЧЕНИИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Способ совершения преступления — один из важных признаков преступления. Он свидетельствует о качественном своеобразии исполнения преступного деяния, о том, как, каким образом субъект осуществляет предусмотренное уголовным законом общественно опасное действие (бездействие), какие приемы, методы и средства применяет для этого. В способе выражаются как фактические, так и социальные признаки преступления, а также лица, его совершившего. В связи с этим способ совершения преступления изучается многими науками, которые исследуют различные аспекты борьбы с преступностью: уголовным правом, криминологией, уголовным процессом, криминалистикой.

Каждая из названных наук изучает способ совершения преступления исходя из задач, определяемых предметом этих наук. Так, уголовное право изучает способ как один из признаков преступления, выясняет его значение для уголовной ответственности и индивидуализации наказания [13, с. 60—69]; криминология — в целях выяснения состояния, динамики отдельных видов преступлений, обстоятельств, способствующих их совершению, разработки мер предупреждения преступлений; уголовный процесс — как элемент предмета доказывания в уголовном деле [20, с. 169]. Способ здесь рассматривается и в качестве одного из фактических обстоятельств (доказательств), при помощи которых органы дознания, следователь, суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [7, с. 101—104]. В криминалистике на основе изучения способа совершения преступления разрабатываются и используются средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, и исследования доказательств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [9, с. 57].

Изучение рассматриваемой проблемы в указанных отраслях знаний может быть успешным лишь при условии глубокой разработки понятия способа совершения преступления, так как всякое научное юридическое понятие имеет не только конкретно-познавательное значение, поскольку вскрывает сущность соответствующего правового явления, но и представляет собой средство, инструмент дальнейшего, более углубленного познания данного явления [12, с. 72]. Понятия позволяют глубоко проникнуть в сущность правовых явлений, ибо они «суть ступеньки... познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать

ее и овладевать ею» [2, т. 29, с. 85]. Поскольку одно и то же правовое явление, способ совершения преступления, изучается различными науками, правомерен вопрос: опираются ли эти науки в своих исследованиях на общее всем им понятие способа или же каждая из них разрабатывает свое понятие способа совершения преступления? Однако решение данного вопроса упирается в более общую проблему — соотношения понятийных аппаратов уголовно-правовых наук: уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики.

Уголовно-правовые науки располагают свойственной каждой из них системой понятий. Так, в уголовном праве это «преступление», «состав преступления», «уголовная ответственность», «наказание», «вина», «субъект преступления» и др.; в криминологии — «преступность», «причины преступности», «условия, способствующие совершению преступлений», «личность преступника» и др.; в уголовном процессе — «обвиняемый», «потерпевший», «приговор», «обвинение», «доказательства» и др.; в криминалистике — «криминалистическая техника», «криминалистическая идентификация», «трассология», «следственная тактика», «методика расследования отдельных видов преступлений» и др. Эти понятия в системе других понятий соответствующей науки образуют понятийный аппарат каждой из них, что позволяет, в частности, обособлять, дифференцировать их как самостоятельные отрасли знаний. Наряду с дифференциацией уголовно-правовых наук наблюдается их интеграция, обусловленная прежде всего тем, что эти науки исследуют одну и ту же проблему — проблему борьбы с преступностью. Наиболее ярко интеграционные процессы уголовно-правовых наук выражаются в том, что эти науки нередко оперируют одними и теми же понятиями, такими, например, как «преступление», «состав преступления», «общественно опасное деяние», «вина», «мотив», «цель», «способ совершения преступления» и др. Причем каждая из них использует эти понятия в качестве логико-юридического инструментария для решения проблем, стоящих перед нею, включает их, таким образом, в свой понятийный аппарат. Следовательно, понятия такого рода приобретают значение «междисциплинарных» («межотраслевых») понятий. Они дополняют систему понятий соответствующих уголовно-правовых наук, делают их понятийный аппарат более стройным, логически завершенным. Отметим, что такие «междисциплинарные», понятия, как «преступление», «общественно опасное деяние», «вина», «мотив», «цель», «способ совершения преступления», характеризуют (отражают) такое социальное явление, как преступление (или отдельные его признаки), которое входит в предмет исследования науки уголовного права [14, с. 17]. Поэтому данные понятия принадлежат прежде всего науке уголовного права, которая и

должна в первую очередь заниматься их изучением. Но это отнюдь не означает, что другие науки не могут разрабатывать названных понятий. Последние входят также и в систему понятий криминологии, уголовного процесса, криминалистики и могут быть предметом их изучения, так как при единстве предмета исследования указанные науки ставят перед собой различные задачи и решают их разными, специфическими для них средствами, приемами и методами.

Однако объем и пределы изучения «междисциплинарных» понятий уголовно-правовыми науками, а также значение выводов каждой из них для других смежных отраслей знания не одинаковы. Это обусловлено тем, что названные науки, находясь в неразрывной связи, в то же время различным образом соотносятся между собой. Это является, в частности, следствием того, что одни из них представляют собой фундаментальные науки, а другие — прикладные [3, с. 20—21; 5, с. 28—33]. Фундаментальные науки раскрывают сущность и закономерности развития явлений внешнего мира, отвечают на вопросы: «что познается?» и «как познается?». Прикладные же науки решают задачи использования полученных научных знаний об объективном мире для решения конкретных практических задач и отвечают на вопрос: «для чего познается?» [11, с. 43—53]. Исходя из этого, науки, изучающие проблему борьбы с преступностью, очевидно, также могут подразделяться на фундаментальные и прикладные.

Основа всех уголовно-правовых наук — наука уголовного права, которая занимается, в частности, познанием преступления как явления реальной действительности, выясняет его существенные признаки и формы внешнего проявления, разрабатывает меры борьбы с этим антиобщественным явлением. Другие же науки, находясь в неразрывной связи с уголовным правом, призваны обеспечивать реализацию предписаний, разрабатываемых данной наукой. Так, неразрывна связь уголовного права с криминологией. Эта связь носит генетический характер, так как криминология как самостоятельная отрасль правовой науки вышла из уголовного права, опирается на разработанные наукой уголовного права правовые вопросы преступления, наказания, борьбы с преступностью в целом [21, с. 70]. Поэтому уголовное право является для криминологии в известной мере «базовой» наукой. Вместе с тем криминология обогащает уголовное право широким комплексом данных о преступности, ее причинах, эффективности различных социально-предупредительных мер в борьбе с преступностью и т. д.

Материальное уголовное право, входящее в предмет изучения науки уголовного права, является правовой базой для возникновения уголовно-процессуальных отношений. Последние, имея свое, самостоятельное содержание, выступают правовой формой

установления в Действиях обвиняемого состава преступления и назначения соответствующего наказания, определяемых нормами уголовного права. Отсюда следует, что уголовно-процессуальные отношения являются формой, в которую облекаются уголовно-правовые материальные правоотношения [18, с. 107—109]. На этой основе должен решаться вопрос и о взаимоотношении норм уголовного права и уголовного процесса. В работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс рассматривал взаимоотношение уголовного процесса и уголовного права как взаимоотношение формы и содержания в их диалектическом единстве. Он отмечал, что материальное право имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. «Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни» [1, с. 158]. Таким образом, материальное уголовное право выступает содержанием соответствующей уголовно-процессуальной формы. Уголовно-процессуальный закон обеспечивает реализацию уголовных законов и поэтому носит вспомогательный, «служебный» характер по отношению к нормам материального права [10, с. 84, 89]. Следовательно, и наука уголовного процесса, предметом которой являются нормы уголовно-процессуального права, носит по отношению к науке уголовного права «служебный», вспомогательный характер и может быть отнесена к наукам прикладного характера.

В тесной взаимосвязи с науками уголовного права и процесса находится также криминалистика. Эта связь является генетической, ибо криминалистика берет свое начало прежде всего в теории уголовного права и уголовного процесса, где и происходило формирование ее основ как юридической науки. Поэтому влияние материального и процессуального права на криминалистику чрезвычайно велико. «Нормы советского уголовного права, — писал А. А. Пионтковский, — имеют определяющее значение для понимания содержания объективной истины в уголовном процессе и круга тех обстоятельств, которые должны быть установлены по каждому конкретному делу» [17, с. 11]. Понятие состава преступления, центральное для науки уголовного права, имеет существенное значение при построении методик расследования преступлений. Признаки конкретных составов определяют в конечном счете предмет расследования по каждому делу [19, с. 31].

Не менее тесная связь между криминалистикой и наукой уголовного процесса. Данные процессуальной науки, разрабатывающей общие положения теории доказательств, отмечают Г. М. Миньковский и А. Р. Ратинов, являются исходными для науки, разрабатывающей детализированные рекомендации по собиранию и исследованию доказательств [16, с. 147]. Поэтому

ряд положений криминалистики строится на основе теории уголовного процесса, например, рекомендации по планированию следствия, осуществлению следственных действий и т. п. Использование криминалистики пронизывает все применение норм уголовного процесса, равно как и применение большинства норм уголовного процесса невозможно без криминалистических знаний. Важнейшая задача криминалистики — обеспечение правильного и точного применения норм уголовного процесса. В связи с этим представляется обоснованным мнение о том, что криминалистика является прикладной наукой по отношению к уголовному и уголовно-процессуальному праву и, следовательно, по отношению к наукам уголовного права и уголовного процесса [6, с. 87—89; 15, с. 20—23; 16, с. 147].

Таким образом, наука уголовного права представляет собой фундаментальную науку по отношению к криминологии, уголовному процессу и криминалистике, является базой для всех уголовно-правовых наук. Следовательно, уголовно-правовые науки находятся не только в отношении *координации*, но и в отношении *субординации*, причем определяющее значение в субординирующем их соотношении имеет наука уголовного права. Поэтому в случае использования положений науки уголовного права другими науками последние при разработке вопросов, вытекающих из предмета их исследования, должны исходить из теоретических разработок именно этой науки. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что указанные науки, используя понятия, разрабатываемые в уголовном праве и относящиеся к классу «междисциплинарных» понятий, пользуются ими как данными. Так, криминология широко использует понятия «преступление», «субъект преступления» и др., разработанные наукой уголовного права [21, с. 70]. При употреблении в процессуальном законе уголовно-правового понятия, отмечает В. И. Каминская, ему не может придаваться иное значение по сравнению с уголовным законом [10, с. 99]. Точно так же, по мнению Р. С. Белкина, криминалистика не разрабатывает вопросов уголовного права, а берет готовые решения этой науки [4, с. 38].

«Междисциплинарные» понятия, разрабатываемые наукой уголовного права, характеризуются высоким уровнем абстрагирования. Они обладают основными существенными признаками, выражающими сущность явлений, отраженных в этих понятиях, которые аккумулируются криминологией, уголовным процессом, криминалистикой, «ассимилируются» ими. Отсюда логически следует, что указанные науки, как находящиеся в отношении субординации с наукой уголовного права, сами не могут создавать такие понятия по своему усмотрению, а должны использовать их для решения вопросов, вытекающих из предмета их исследования. Понятия уголовного права, таким образом, выступают по

отношению к понятиям других смежных наук как «базисные», из которых и должны исходить эти науки в своих исследованиях.

Поэтому науки, исследующие проблему способа совершения преступления, должны исходить из единого, общего для всех их понятия способа, разрабатываемого наукой уголовного права и относящегося к классу «междисциплинарных» понятий. В этой связи представляется несовершенной позиция тех ученых, которые считают, что каждая наука — уголовное право, криминология, криминалистика, абстрагируясь при изучении способа совершения преступления от тех его сторон, которые для нее безразличны, изучает *разные по содержанию* (курсив мой.—Н. П.) понятия, с помощью которых исследуется один и тот же объект [9, с. 54; 8, с. 91]. Известно, что содержание всякого понятия образует совокупность существенных признаков предмета, мыслимого в понятии. Поэтому, если следовать данной точке зрения, то придется заключить, что каждая из упомянутых наук может признать существенными различные признаки, характеризующие способ совершения преступления. Но такое решение будет ошибочным, так как существенные признаки, образующие содержание понятий, отражают сущность явлений (объектов), которая безотносительна к тому, какая из наук стремится ее познать. Кроме того, подобный подход не учитывает определяющего значения науки уголовного права.

Изложенное не исключает возможности разработки понятия способа совершения преступления в криминологии, уголовном процессе и криминалистике. Но признаки, образующие содержание понятия способа в этих науках, должны быть производны от основных существенных признаков способа совершения преступления, разрабатываемого в науке уголовного права. Следовательно, понятие способа в указанных науках должно носить подчиненный характер по отношению к уголовно-правовому понятию. Особенность же этих понятий заключается в том, что способ совершения преступления они характеризуют с учетом задач, стоящих перед ними и вытекающих из предмета их исследования. Отсюда следует, что для правильного понимания способа совершения преступления в криминологии, уголовном процессе, криминалистике необходима обстоятельная разработка понятия способа совершения преступления в уголовном праве.

Действующее уголовное законодательство, однако, не содержит определение понятия способа совершения преступления. В то же время в нормах Особенной части УК названы такие конкретные способы совершения преступлений, как физическое насилие (например, при грабеже, разбое, изнасиловании), психическое насилие (вымогательство, грабеж, угроза в отношении должностного лица или общественного работника и т. п.), обман (мошенничество, обман покупателей или заказчиков), злоупот-

ребление доверием (мошенничество) и др. Эти способы являются, так сказать, сквозными, характерными для многих преступлений, предусмотренных в нормах Особенной части. Выяснение объема и содержания понятий указанных способов, их объективных и субъективных признаков имеет важное значение как для правильного применения уголовного закона, так и для установления их криминологического, уголовно-процессуального и криминалистического значения.

Но глубокое изучение этих отдельных (конкретных) способов невозможно без выяснения *общего понятия способа* совершения преступления в уголовном праве, ибо, как указывал В. И. Ленин, «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы» [2, т. 15, с. 368]. В общем понятии способа совершения преступления выражаются наиболее существенные признаки, которыми обладают отдельные способы в конкретных преступлениях. Общее понятие способа совершения преступления относится к частным способам как общее к отдельному. «Общее, — отмечал В. И. Ленин, — существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [2, т. 29, с. 318]. Следовательно, разработка в уголовном праве общего понятия способа совершения преступления и на его основе понятий отдельных (конкретных) способов позволит выяснить их существенные признаки и уголовно-правовое значение, решить вопросы криминологического, уголовно-процессуального и криминалистического значения способа совершения преступления.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. 2. Ленин В. И. Полн. собр. с оч., т. 15, 29. 3. Алексеев С. С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения.—Сов. государство и право, 1979, № 9, с. 15—23. 4. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики.—М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1970.—130 с. 5. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права.—М.: Юрид. лит., 1976.—264 с. 6. Васильев А. Н. Критические замечания о соотношении криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств.—Сов. государство и право, 1979, № 4, с. 87—89. 7. Дагель П. С., Михеев Р. И. Теоретические основы установления вины.—Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1975.—166 с. 8. Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. —Тбилиси: Сабчота сакартвело, 1977.—232 с. 9. Зуйков Г. Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления.—Тр. ВШ МООП СССР, 1967, вып. 15, с. 53—74. 10. Каминская В. И. Взаимоотношение уголовного и уголовно-процессуального права.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1975, вып. 22, с. 84—102. 11. Кедров Б. М. Соотношение фунда-

ментальных и прикладных наук.—Вопр. философии, 1972, № 2, с. 43—53.
12. Керимов Д. А. Философские проблемы права.—М.: Мысль, 1972.—470 с.
13. Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение.—Сов. государство и право, 1957, № 8, с. 60—69. 14. Курс советского уголовного права.—М.: Наука, 1970, т. 1—300 с. 15. Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научных знаний.—Харьков: Вища школа, 1976. — 105 с. 16. Миньковский Г. М., Ратинов А. Р. О предмете криминалистики и ее соотношении с другими отраслями научного знания.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1979, вып. 30, с. 136—150. 17. Пионтковский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики.—В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, 1955, вып. 6, с. 3—44. 18. Ривлин А. Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях.—Правоведение, 1959, № 2, с. 105—112. 19. Советская криминалистика. Теоретические проблемы.—М.: Юрид. лит., 1978.—190 с. 20. Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1975.—732 с. 21. Теоретические основы предупреждения преступности.—М.: Юрид. лит., 1970.—251 с.

Поступила в редколлегию 23.02.80.

В. И. Борисов, канд. юрид. наук
Харьков

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ ПРИ ПРЕСТУПНОМ НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

В условиях научно-технического прогресса важное значение приобретает исследование признаков преступлений, совершаемых в сфере производственной деятельности человека и эксплуатации им технических систем. Особый интерес представляет причинная связь между нарушениями правил, обеспечивающими безопасность производства, и общественно опасными последствиями. Это вызвано тем, что при преступном нарушении правил безопасности производства действие или бездействие лица не всегда сразу и непосредственно приводит к наступлению общественно опасного последствия, а вызывает его через какое-то время, причем посредством иных факторов (физических, технических, химических и т. п.), неосторожного поведения потерпевшего, других лиц.

Такое развитие причинной связи предопределило различные мнения по вопросу о ее характере, условиях развития и основной причине наступления последствий. В частности было отмечено, что при совершении неосторожных преступлений в сфере производственной деятельности причинная связь как признак объективной стороны преступления может быть не только необходимой, но и случайной. Так, П. С. Дагель пишет, что последствия неосторожных преступлений «в значительной степени имеют си-

туативный характер и в определенном смысле являются случайными для причинившего их лица. Они во многих случаях — результат не одного деяния, нарушающего правила безопасности, а следствие ряда причин, например, особенностей ситуации, неисправности технических средств, поведения потерпевшего и т. п.». Поэтому «преступный результат неосторожности, — продолжает автор, — во многом случаен для поведения лица, так как не «заложен» непосредственно в деянии, не вытекает из него с внутренней необходимостью» [3, с. 10—11]. М. С. Гринберг указывает, что наличие такого рода привходящих факторов придает причинной связи случайный характер. А так как последствие, наступившее от этих факторов, все же было обусловлено определенным нарушением, за совершение которого виновный привлекается к уголовной ответственности, то, следовательно, для подобных случаев объективная сторона преступления возможна и при наличии случайной причинной связи. «Если же то или иное лицо несло соответствующую обязанность, случайный результат вменяется ему на общих основаниях, и в этом плане деление последствий на объективно-случайные и объективно-необходимые теряет свое значение» [2, с. 107].

С такими суждениями нельзя согласиться. Как отмечает Г. А. Кригер, «в уголовном праве о причинной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями можно говорить лишь тогда, когда имеются необходимые связи, т. е. когда наступившие вредные последствия явились закономерным следствием такого противоправного деяния, в сущности которого, объективных условиях и обстоятельствах его совершения были заложены реальные возможности наступления именно этих последствий...» [5, с. 9]. Соглашаясь с приведенным положением, отражающим концепцию сторонников теории «необходимого причинения», следует вместе с тем заметить, что в юридической литературе вопрос о необходимом характере причинной связи нашел достаточно последовательное решение для случаев, когда между деянием и общественно опасными последствиями имеет место так называемая прямая (непосредственная) причинная связь, т. е. когда действие или бездействие лица сразу и непосредственно приводит к наступлению последствий. Что касается отмеченных выше особенностей, свойственных процессу развития причинной связи при преступном нарушении правил безопасности производства и эксплуатации технических систем, то они, как правило, оказывались вне поля зрения теории «необходимого причинения». Это, как представляется, и явилось одним из условий появления мнений, допускающих случайную причинную связь в преступлениях, посягающих на безопасность социального производства. Поэтому важно показать, что, несмотря на особенности развития, причинная связь при преступном

нарушении правил безопасности производства является необходимой.

Известно, что для признания причинной связи между деянием и последствием простой последовательности событий недостаточно. Требуется, чтобы совершенное деяние определенным образом вызвало наступление этого последствия. Следует, далее, из множества явлений, предшествующих и сопутствующих преступлению, выделить (искусственно изолировать) деяние и наступившие общественно опасные последствия и лишь затем решать вопрос о наличии между ними причинной связи. В основе этих положений лежат ленинские выводы, имеющие основополагающий методологический характер. «... Человеческое понятие причины и следствия, — учил В. И. Ленин, — всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» [1, с. 160].

Таким образом, установление причинной связи — процесс диалектический, поскольку он сочетает в себе понимание объективного содержания причинности с ясным представлением о субъективности задач, стоящих перед исследователем. Такой подход создает условия не только для констатации причинной связи, но и для оценки ее характера.

Представляется, что для объяснения характера причинной связи при преступных нарушениях правил безопасности на производстве границы исследования должны быть расширены, что вызывается спецификой промышленного производства в условиях НТР.

Промышленное производство, строительство, горные работы, транспорт и другие виды аналогичной человеческой деятельности содержат в себе опасность для их участников или посторонних лиц, которая заключается в определенной степени возможности наступления на производстве несчастных случаев (аварий, происшествий и т. п.). Причины последних лежат не только в пределах конкретного (виновного или невиновного) поведения человека, но и за его пределами. Они обусловлены также видом производственной деятельности. Для перехода возможности в действительность должны иметь место определенные условия причинения, вне которых опасность остается потенциальной [10, с. 373]. В качестве таких условий выступает целая система факторов: поведение человека, технические особенности работающих механизмов, физические, химические, биологические свойства используемых в производстве предметов и др. С целью предупреждения трансформации возможной опасности в действительность разрабатываются и применяются технические правила безопасной организации производства и эксплуатации технических систем. Например, в соответствии с § 368 «Единых правил

техники безопасности и производственной санитарии для предприятий промышленности строительных материалов» пуск производственного оборудования после монтажа и ремонта запрещается без установки соответствующих ограждений, звуковой и световой сигнализации, блокировок, обеспечивающих безопасность его обслуживания, и без разрешения лица технического надзора. Очевидно, что содержание данного запрета вызывается, в частности, реальной возможностью соприкосновения человека с вращающимися частями механизмов, которое почти исключается при их ограждении.

Конкретное правило безопасности устанавливается не столько в связи с возможностью наступления предполагаемого единичного несчастного случая, а на основе математической вероятности его наступления¹. Последняя «является объективной характеристикой степени возможности появления определенного события в каких-то заранее заданных условиях, которые могут повторяться неограниченное число раз... Чем больше благоприятствующих случаев, тем выше степень вероятности...» [4, с. 84]. В свою очередь, чем выше степень вероятности наступления несчастного случая, тем больше оснований для разработки и принятия соответствующего правила безопасности.

Таким образом, выраженная определенной величиной (степенью) вероятности возможность наступления несчастного случая относительно целого ряда аналогичных ситуаций, появляющихся в процессе производственной деятельности человека, выступает уже как необходимость, объективная закономерность. Именно с целью предупреждения целого ряда тождественных опасных ситуаций, которые могут иметь место в процессе производства, и устанавливается соответствующее правило безопасности. Что касается самого факта наступления или отсутствия общественно опасных последствий, то здесь всегда обнаруживается случайность как форма, через которую проявляется наступление последствий в известном количестве по отношению к общему числу опасных ситуаций (например, 10 из 100)².

Как видим, математическая вероятность отражает связь, существующую между явлениями объективной действительности. Для нас эта связь между производственной деятельностью человека, создающей возможность наступления опасных последствий, системой условий реализации возможности (блокируемой с помощью правил безопасности) и самими последствиями. И

¹ Как пишет В. И. Купцов, «работа современного предприятия просто невозможна без рационального учета на основе вероятностных представлений различного рода случайных факторов» [6, с. 10].

² «Изменчивость внешних для причины условий ее действия — объективно случайный фактор по отношению к необходимо протекающему процессу причинения, и именно она и ведет к созданию ситуаций, при которых одной и той же причине могут соответствовать разные следствия» [10, с. 375].

хотя последние могут наступить, а могут и не наступить, связь между ними и явлениями, их вызвавшими, обладает внутренней необходимостью.

Правила безопасности призваны предупреждать опасное взаимодействие системы условий причинения, но обращены они к человеку, определяют программу поведения лица в условиях производственной деятельности, действия технических систем.

Для объяснения характера причинной связи имеет значение также рассмотрение условий реализации возможной опасности. Как уже было сказано, это целая система факторов причинения. Среди них основным (главным) исходным элементом является виновное поведение человека, заключающееся в нарушении правил безопасности. Это поведение — причина отрицательного (для нас) действия остальных условий.

Н. Д. Сергиевский еще в прошлом веке заметил, что «по отношению к каждой отдельной причине все остальные суть условия ее действия: изолированная от них, она не произведет ничего; окруженная ими, произведет явление» [7, с. 23]. Главенство поведения человека, нарушившего правило безопасности, объясняется тем, что оно придало остальным условиям причинения возможность динамического развития по пути возникновения опасного последствия, стало движущей силой отрицательного развития, заблокированного до этого соблюдением лицом правил безопасности. Если такой «инициативы» со стороны лица нельзя установить, то тогда главную причину следует искать вне системы условий возможного причинения опасных последствий, запрограммированной (а поэтому и блокируемой) соответствующим правилом безопасности. Очевидно, что по этому основанию Верховный Суд СССР, рассматривая дело Л., отменил приговор и все последующие определения и прекратил дело за отсутствием состава преступления, поскольку неисправность тормоза на машине, управляемой Л., не находилась в причинной связи с происшедшей аварией, которую нельзя было предотвратить даже при полной исправности тормоза [8, с. 9—10].

В запрограммированную правилом безопасности систему условий причинения помимо действия технических систем, физических, химических, биологических свойств, используемых предметов включается также поведение других участников производства либо даже поведение посторонних производству лиц. Такое поведение может быть одним из этапов развития системы условий причинения (например, когда лицо в силу своих профессиональных обязанностей должно выполнить то или иное правомерное действие: включить ток, подать команду и т. п.). Поведение может быть и неправомерным (например, когда включает ток постороннее производству лицо). Наконец, система условий предусматривает поведение потерпевшего, являющееся заклю-

чительным этапом, поскольку за ним следует «несчастный случай», т. е. общественно опасное последствие (например, постороннее производству лицо, наступив на оголенный провод, находившийся под напряжением, погибает). Поэтому важно в каждом случае наступления последствий определять, какие условия причинения предусматриваются правилом безопасности. В любом случае круг этих условий не должен быть слишком широк, они должны быть однородными для каждого случая нарушения правила, что в свою очередь служит реальной предпосылкой для блокирования их с помощью соблюдения правил безопасности. «Условия, делающие возможным возникновение рассматриваемого события, не должны быть слишком широкими — они должны обеспечивать определенную однородность опытов (испытаний, наблюдений), заключающихся в регистрации выполнения или невыполнения интересующего нас события» [9, с. 245]. Поэтому, например, требование ограждать проемы в междуэтажном перекрытии строящегося здания не имеет в виду действия лица, умышленно использующего проем для лишения жизни человека, так как такие действия в условиях производства реально не могут быть предупреждены субъектами, обязанными соблюдать правила безопасности. И, напротив, неосторожное поведение потерпевшего является одним из обязательных условий системы причинения данного нарушения правила безопасности.

Таким образом, система причинения состоит из двух групп условий: 1) поведения человека, заключающегося в нарушении правила безопасности и выступающего в качестве главной причины, и 2) иных условий, различные варианты действия которых программируются правилом безопасности. Появление в системе причинения условий, не предусмотренных правилом, ставит вопрос о их роли, влиянии на развитие причинной связи. Влияние может быть существенным и несущественным. Для установления этого необходимо мысленно исключить новое условие из известной системы условий причинения, и если окажется, что, несмотря на это, последствие все же наступает в той же последовательности, то это значит, что его главной причиной было все же нарушение правила безопасности. Если последствие не наступает, главную причину следует искать через новое условие. В таком случае нарушение правила может оказаться лишь условием иной системы причинения. Однако поскольку нарушение, не являясь главной причиной развития системы причинения, находится все же в связи с последствием, то такую связь следует характеризовать как случайную, не имеющую определяющего значения для наступления последствия. Об отсутствии же какой-либо связи речь может идти лишь тогда, когда нарушение вообще находится вне системы причинения общественно опасных последствий.

При установлении причинной связи также важно представлять, как главное, решающее условие, т. е. нарушение правил безопасности, взаимодействует с другими условиями, что и приводит или может привести к наступлению общественно опасного последствия.

Нарушение правил безопасности неизбежно ведет к созданию качественно нового состояния на производстве. Это состояние характеризуется тем, что возможная опасность трансформируется в «действительную» опасность наступления на производстве нежелательных последствий (при соблюдении правила такая возможность блокируется). Дальнейшее зависит от того, вступит или нет нарушение во взаимодействие с другими условиями причинения, предусмотренными (запрограммированными) правилом безопасности, а также насколько полно это взаимодействие будет осуществлено. Такая постановка вопроса обусловлена тем, что система условий является по своей структуре сложной, ибо состоит из неоднородных элементов (свойства механизмов, физические силы, поведение человека и т. п.), находящихся в движении и обладающих относительной самостоятельностью в рамках системы (целого). Поэтому при нарушении правил мыслимы различные варианты развития системы условий причинения. Возможно такое нарушение правил, когда оно вступает во взаимодействие со всей системой условий тотчас. В этом случае процесс развития, начиная от нарушения и кончая последствиями, происходит непрерывно. Так, при обрыве электропровода рабочий А., отключив напряжение, пытается соединить концы провода. Ответственный за соблюдение правил безопасности Б., не проявив должной осмотрительности, включает ток. А. поражен электротоком. В данном случае имеет место прямая причинная связь, так как система взаимодействия условий причинения «сработала» сразу и в полном объеме. Но если в то время, когда Б. включил ток, никого у провода, имеющего оголенные участки, не было, а через некоторое время рабочий А. коснулся оголенного участка и был поражен электротоком, то в развитии системы имел место перерыв. Он оказался возможным в силу разнородности структурных элементов системы: с одной стороны, это поражающее свойство электротока, с другой — поведение потерпевшего. Соединение этих моментов в развитии причинной связи внешне выглядит случайным, однако в общем процессе причинения, запрограммированного правилом безопасности, такое развитие системы необходимо. Во втором варианте имеет место опосредствованная связь, так как система причинения хотя и «сработала» в полном объеме, но не сразу. В ее развитии имел место перерыв. И, наконец, наличие оголенного, находящегося под напряжением участка электропровода могло и не привести к несчастному случаю, если бы при перерыве ток

был отключен. Здесь отрицательное развитие системы условий причинения удалось бы нейтрализовать.

Итак, причинная связь между преступным нарушением правил безопасности производства и наступившими общественно опасными последствиями является необходимой. Только в таком случае она может считаться признаком объективной стороны состава преступления.

Причинная связь представляет собой систему взаимодействующих условий причинения, из которых нарушение правил безопасности является главной причиной ее развития.

Причинная связь при нарушении правил безопасности производства может выступать в виде прямой (непосредственной) и опосредствованной. При прямой причинной связи нарушение правил и условия причинения вступают во взаимодействие сразу во всем объеме. Процесс развития причинной связи непрерывен. При опосредствованной причинной связи нарушения правил и условия причинения, запрограммированные соответствующим правилом безопасности, не вступают сразу во взаимодействие во всем объеме. Система условий причинения развивается с перерывами.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. 2. Гринберг М. С. Объективная сторона преступления в области использования техники.—В кн.: Труды по правоведению.—Новосибирск, 1968, с. 94—109. 3. Дагель П. С. Неосторожное преступление (общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники).—В кн.: Проблемы борьбы с преступной неосторожностью, 1978, вып. 2, с. 3—15. 4. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник.—М.: Наука, 1975.—720 с. 5. Кригер Г. Причинная связь в советском уголовном праве.—Сов. юстиция, 1979, № 1, с. 7—9. 6. Купцов В. И. Детерминизм и вероятность.—М.: Политиздат, 1976.—256 с. 7. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве. — Ярославль, 1980, вып. 1.—386 с. 8. Судебн. практика Верховного Суда СССР, 1956, № 1. 9. Философская энциклопедия.—М.: Сов. энциклопедия, 1960, т. 1.—504 с. 10. Философская энциклопедия.—М.: Сов. энциклопедия, 1967, т. 4.—592 с.

Поступила в редколлегию 02.06.80.

Р. И. Михеев, канд. юрид. наук
Владивосток

ВМЕНЯЕМОСТЬ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Вменяемость нередко отождествляется с другими юридическими категориями и медицинскими понятиями, а иногда толкуется произвольно. Между тем ее следует отличать от других уголовно-правовых терминов, общеправовых категорий и понятий, что имеет важное практическое значение, так как позволяет правильно понять, истолковать и применить уголовный и уголовно-процессуальный закон.

Вменяемость — многогранное и многоаспектное понятие. Его можно охарактеризовать с различных сторон: как фиксированный в той или иной форме (позитивной или негативной) в уголовном законе уровень «свободы воли» личности (в этом гносеологическом плане вменяемость и «свобода воли» суть синонимы); как юридический институт и правовую категорию; как предпосылку вины и уголовной ответственности; как один из признаков состава, характеризующий субъекта преступления; как показатель преступного и наказуемого, критерий отграничения виновного поведения от невиновно совершенных общественно опасных действий невменяемых; как одно из важных свойств личности преступника и т. д. Все это лишь различные характеристики одного и того же понятия — вменяемости, отражающие ее содержание и назначение в уголовном праве.

Вменяемость, вменение и вменяемость — специальные уголовно-правовые понятия и категории, которые различаются между собой по характеру, содержанию и назначению в материальном и процессуальном уголовном праве.

Под *вменяемостью* в науке уголовного права понимается способность лица, достигшего установленного в законе возраста, сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, т. е. способность быть виновным и нести уголовную ответственность. Предпосылками вменяемости или, что одно и то же, способности ко вменению, т. е. способности лица быть виновным и нести уголовную ответственность за содеянное, являются: общая социально-психологическая характеристика психического состояния личности (определенный уровень развития интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств и качеств личности); уровень социализации личности (степень социальной зрелости, социальный опыт личности, знания, умения, навыки); достаточная степень психофизиологического развития личности и состояние ее психических функций (достижение определенного возраста, отсутствие существенных дефектов психики и т. п.). В совокупности указанные предпосылки обуславливают способность человека действовать «со знанием дела», т. е. его вменяемость или способность ко вменению.

Вменяемость — это свойство деятеля. Под этим понимается совокупность социально-психологических признаков, характеризующих данного субъекта и имеющих уголовно-правовое значение, которые необходимы и достаточны (разумеется, при наличии других признаков состава) для признания данного лица виновным и наступления его уголовной ответственности. При этом если данные признаки имеются у субъекта, он признается вменяемым, виновным и ответственным; однако указанные признаки могут отсутствовать у лица по причинам, названным в законе

(ч. 1 ст. 11 Основ), и тогда совершенное субъектом в это время деяние не вменяется ему в вину, он признается судом невменяемым и не подлежит уголовной ответственности.

Следовательно, вменяемость — категория динамическая. Ее наличие или отсутствие — вопрос факта. Она может быть констатирована (что и имеет место в большинстве случаев), но может и отсутствовать по причинам, указанным в законе. Поэтому вменяемость и ее отсутствие (невменяемость) — это юридические категории, которые в уголовном праве характеризуют одно и то же лицо, совершившее общественно опасное деяние, но с разных сторон и в разное время: что именно лицо совершило и в каком психическом состоянии находился субъект во время совершения деяния. Н. С. Таганцев справедливо рассматривал невменяемость как «вторую часть формулы уголовной вменяемости» [11, с. 414], ее обратную (негативную) сторону.

По нашему мнению, вменяемость — позитивное свойство личности, означающее способность субъекта осознавать свои отношения и регулировать свое поведение, избирая тот или иной вариант социально значимого поведения. Это выражается в постановке и достижении человеком сознательно выбранной цели. Указанная способность вытекает из его избирательного характера, который зависит от предмета отношения и значимости его для лица. В развитом плане отношения человека характеризуются сознательностью, выраженной избирательностью и сложностью. При этом «установки» рассматриваются как неосознанные отношения, а «отношения» — как осознанные установки. Вина в уголовном праве есть отношение. Поэтому человек способен осознать и вину, т. е. «психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности» [6, с. 71—72]. При невменяемости такого осознания быть не может, что и исключает вину лица за содеянное им. Следовательно, в гносеологическом и социально-психологическом смысле вменяемость («свобода воли») есть способность лица осознавать свое отношение и принимать решение «со знанием дела». Фиксированная нормами права (в позитивной или негативной форме) данная способность означает не что иное, как вменяемость в уголовно-правовом смысле, т. е. способность быть виновным и ответственным за содеянное. Назначение ее в уголовном праве как одного из признаков состава — быть определителем субъекта преступления, а как одного из свойств личности — быть предпосылкой вины и уголовной ответственности преступника.

Сущность вменяемости и сущность вины в уголовном праве близки по своей природе. Под сущностью вины в советском уголовном праве понимается «отрицательное отношение субъекта к охраняемым уголовным правом интересам социалистического

общества, выраженное в совершенном или общественно опасном деянии» [6, с. 54]. Сущность вменяемости заключается в способности личности во время совершения преступления осознать свое отрицательное отношение к охраняемым уголовным правом интересам социалистического общества, реализованной впоследствии в виновно совершаемом субъектом (умышленно или по неосторожности) общественно опасном деянии. Поэтому вменяемость и является предпосылкой вины и уголовной ответственности. Уголовная ответственность — это ответная реакция общества и государства за виновно совершенное вменяемым лицом общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом в качестве преступления.

Вменяемость в отличие от вменяемости — это свойство деяния, но не деятеля, т. е. наличие в нем таких юридических признаков (общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость — ст. 1, 3, 7 Основ), благодаря которым оно может быть вменено (поставлено) в вину лицу, его совершившему, и за которое данное лицо несет уголовную ответственность.

Вменение — это акт поставления судом вменяемому субъекту в вину совершенного им деяния, предусмотренного в уголовном законе в качестве преступления. Вменять (ставить, инкриминировать) в вину вменяемому субъекту совершенное им преступление вправе и обязаны от имени государства органы, на то специально уполномоченные (органы дознания, следователь, прокурор, суд), но признать лицо виновным вправе только суд своим приговором, постановленным в соответствии с законом (ст. 160 Конституции СССР).

Способностью ко вменению, т. е. способностью быть виновным и уголовно ответственным, обладает лишь лицо вменяемое. «По специальной терминологии уголовного права, — писал Н. С. Таганцев, — вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только учинившим это деяние, но и виновным в этом деянии, а потому и уголовно ответственным. Без вины нет ответственности и нет вменения» [11, с. 410; 19, с. 12—13]. Следовательно, вопросы о вменяемости субъекта и вменяемости деяния — это вопросы о возможности применения материального закона к данному конкретному случаю, а вопрос о вменении — это вопрос о процессуальном порядке применения материального уголовного закона к этому случаю.

Существует мнение, согласно которому законодатель якобы различает понятия «вменяемость лица» и «вменяемость деяния». Так, А. А. Хомовский пишет: «Говорить о вменяемости и невменяемости стало традицией, между тем законодатель в одних случаях говорит о вменяемости лица (см. ст. 79 п. 2, 305, 404, 410, 412 УПК РСФСР), а в других — о вменяемости деяния

(преступления) (см. п. 1 ст. 213 и пп. 2 и 6 ст. 222 УПК РСФСР). Последнее представляется правильным» [16, с. 42]. Согласиться с таким утверждением нельзя по двум причинам. Во-первых, автор приписал законодателю то, о чем он не «говорит»; во-вторых — он не проводит различия между понятиями «вменяемость», «вменимость» и «вменение», что и приводит его к неверному толкованию уголовно-процессуального закона. Анализ же норм, на которые ссылается А. А. Хомовский, свидетельствует, что законодатель различает не понятия «вменяемость лица» и «вменяемость деяния (преступления)», а использует термины и понятия «вменяемость», «вменение» и «вменимость». Так, если в п. 2 ст. 79, ст. 305, 404, 412 и 410 УПК РСФСР законодатель употребляет термин и понятие «вменяемость лица», т. е. деятеля, то в п. 1 ст. 213, п. 2 и 6 ст. 222 УПК РСФСР он использует другой термин и понятие, говорит о вменении деяния в вину обвиняемому: «имело ли место деяние, вменяемое обвиняемому...» — п. 1 ст. 213; «содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому. состав преступления» — п. 2 ст. 222; «правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон» — п. 6 ст. 222 УПК РСФСР. Следовательно, в первом случае в законе речь идет о «вменяемости лица» (например, п. 2 ст. 79 УПК РСФСР), а во втором — о «вменяемости деяния» в связи с решением вопроса о «вменении» данного деяния в вину данному субъекту.

Вменяемость и способность ко вменению — это синонимы в уголовном праве. В уголовно-правовой науке это положение является общепризнанным и сомнений не вызывает. «Физическое лицо только тогда, в смысле юридического, может быть виновником преступления, — писал Н. С. Таганцев, — когда оно обладает, употребляя техническое выражение доктрины, способностью ко вменению или вменяемостью» [11, с. 380]. В последнее время высказано мнение, согласно которому вменяемость и способность ко вменению — понятия различные, не тождественные в уголовном праве.

Так, Ю. С. Богомягков считает, что под вменяемостью понимается «определенное состояние психики плюс факт совершения преступления», а под способностью ко вменению — «нормальное психическое состояние лица, позволяющее ему совершать действия под контролем сознания» [2, с. 25, 34]. Однако если исключить из формулы вменяемости «плюс факт совершения преступления» (а это следует непременно сделать, так как он неправоммерно расширяет формулу вменяемости за счет объективных признаков), то окажется, что даже по терминологии автора «определенное состояние психики» — вменяемость и «нормальное психическое состояние лица» — способность ко вменению — суть одно и то же. Действительно, вменяемость предполагает на-

личие у лица определенных психических свойств и качеств (медицинский критерий вменяемости). Но это лишь одна из необходимых предпосылок, которые обуславливают способность лица «отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими» (юридический критерий вменяемости), т. е. его вменяемость или способность ко вменению.

Далее, Ю. С. Богомягков утверждает, что «о способности ко вменению можно говорить как до, так и после совершения преступления, тогда как о вменяемости только во время его совершения». При этом он ссылается на то, что «могут быть случаи, когда лицо является вменяемым, но не обладает способностью ко вменению. Так, субъект во время совершения преступления был психически здоров, но до вынесения судом приговора заболел душевной болезнью» [3, с. 25]. Утверждения автора не подтверждаются примером и являются ошибочными. Во-первых, то, что он разумеет под «способностью ко вменению до совершения преступления», к уголовному праву отношения не имеет. То же, что он относит к «способности ко вменению после совершения преступления», есть случаи, предусмотренные ч. 2 ст. 11 Основ. Во-вторых, неправильно отождествлять уголовно-правовые понятия с медицинскими терминами и понятиями: вменяемость — с психическим здоровьем, а невменяемость — с душевной болезнью. Психологические и медицинские термины и понятия в учении о вменяемости и невменяемости являются вспомогательными: они либо указывают на условия вменяемости, либо на причины, устраняющие вменяемость. По нашему мнению, именно игнорирование различий между понятиями «вменяемость» и «вменение» привело автора к ошибке. Поэтому попытка с помощью ч. 2 ст. 11 Основ провести различие между вменяемостью и способностью ко вменению является неудачной и не может поколебать верного научного положения о том, что вменяемость — это и есть способность лица ко вменению.

Вменяемость и дееспособность по своей юридической природе суть однопорядковые категории. Вменяемость в уголовном праве есть специальная разновидность общеправового понятия «дееспособность». Однако это понятие играет в уголовном праве значительно бóльшую роль в связи с тем, что преступное деяние как юридический факт порождает уголовно-правовое отношение, на основе которого у субъектов этого отношения возникают определенные права и обязанности. Поэтому его субъектом может быть лишь лицо, способное проявлять себя в реальных явлениях жизни; т. е. в общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом.

«Для цивилиста понятие дееспособности служит раздельной чертой юридических действий, совершаемых правоспособным субъектом или непосредственно, или через представи-

телей, — писал Н. С. Таганцев. — Для криминалиста вменяемость есть признак, обуславливающий наказуемость деяния, учиненного физическим лицом, признак, от которого зависит признание деяния уголовно наказуемым, а потому понятно, что учение о вменяемости составляет один из основных вопросов теории уголовного права» [11, с. 380—381]. Вменяемость, следовательно, это обязательный признак состава, характеризующий субъекта преступления. Но вменяемость — это и характеристика личности преступника, отражающая его психическое состояние во время совершения им общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве преступления [6, с. 87]. Поэтому вменяемость является социально-психологическим свойством личности преступника, характеризующим его способность быть (юридически) преступником, и в этом смысле выступает синонимом «свободы воли». Именно в данном смысле вменяемость является «одним из основных классификационных критериев преступников, определяющих выбор соответствующих мер уголовно-правового принуждения» [10, с. 25; 14, с. 10; 15, с. 10—12], одним из критериев установления границ виновного и способом ограничения уголовной ответственности в праве.

Вменяемость — юридическое понятие, уголовно-правовая категория с определенным социально-психологическим содержанием. Вне преступления нет вменяемости или невменяемости. Вопрос о вменяемости встает и решается лишь в связи и по поводу совершения преступления, поэтому рассуждения о вменяемости вообще, вне преступления и вне времени его совершения, безотносительно к субъекту преступления и уголовной ответственности, беспредметны. Встречающиеся иногда в литературе и судебной практике выражения «вменяемость потерпевшего», «вменяемость свидетеля» и т. п. — результат неправильного применения юридической терминологии. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что «основная задача судебно-психиатрической экспертизы — определение психического состояния и заключение о вменяемости обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т. д.» [4, с. 140]. Это утверждение неверно по существу и противоречит уголовному материальному (ст. 11 Основ, ст. 11, 58—61 УК РСФСР) и процессуальному (ст. 79 УПК РСФСР) закону. Юридические понятия имеют строго определенное содержание и назначение как в материальном, так и в процессуальном праве.

Законодатель в уголовном законе определяет, какие именно нужны условия, при которых суд может признать лицо виновным и уголовно ответственным (ст. 3, 7, 8, 9, 10 Основ и др.), а также формулирует причины, по которым лицо может утратить способность ко вменению, т. е. вменяемость, и поэтому признается судом невменяемым и уголовной ответственности не подлежит [ч. 1, ст. 11 Основ]. Сформулированные законодателем на стро-

го научной основе условия вменения и критерии невменяемости — ч. 1 ст. 11 Основ — дают в руки правосудия практический метод, с помощью которого суд при рассмотрении уголовного дела решает вопрос о вменяемости или невменяемости субъекта. Причем разрешению этот вопрос подлежит в области уголовного права, а не в области психологии, медицины или психиатрии, поскольку вменяемость есть категория уголовно-правовая, основанная, разумеется, на естественно-научных данных (равно как и невменяемость). Кроме того, признание субъекта вменяемым порождает для него определенные юридические последствия: признание виновным и уголовно ответственным. Психическое заболевание, наступившее у субъекта после совершения им преступления, не устраняет его вменяемости, но порождает иные юридические последствия, предусмотренные в ч. 2 ст. 11 Основ. Но это уже вопрос не о способности ко вменению (вменяемости) как предпосылке вины и уголовной ответственности, а о моменте реализации уголовной ответственности.

Вменяемость, «деликтоспособность» и «уголовная правоспособность». В литературе высказано мнение, согласно которому в уголовном праве следует выделить категорию «деликтоспособности (вменяемости)», под которой одни авторы понимают «способность нести юридическую ответственность за совершенные правонарушения (деликты)», полагая, что эта категория в уголовном праве имеет самостоятельное значение [1, с. 284]; другие — понимают «вменяемость в наличии определенного возраста, с которого возможна уголовная ответственность» [8, с. 108]; третьи — когда речь идет о способности отвечать за свои противоправные поступки, то такая способность есть элемент дееспособности (деликтоспособности) и ничего более [3, с. 116].

Действительно, категория «вменяемость» имеет в уголовном праве самостоятельное значение. Справедливо и то, что ее выделение в самостоятельную диктуется интересами не только теории, но и правоприменительной практики. Нельзя признать правильным положение, когда в уголовном законе закрепляется только негативная сторона вменяемости — понятие невменяемости, а вменяемость уже выводится из понятия невменяемости. Все должно быть наоборот. Однако вряд ли правомерно в качестве синонима вменяемости употреблять «деликтоспособность», различно понимаемую отдельными авторами.

В научный оборот введено понятие «уголовная правоспособность» лица, совершившего преступление, под которой разумеется «вменяемость и достижение определенного возраста» [9, с. 91]. Представляется, что правоспособность, хотя и уголовная, есть все же правоспособность, которая не составляет какой-либо особенности или специфики уголовного права. Правоспо-

способностью обладают законопослушные граждане и уголовные преступники, лица вменяемые (дееспособные) и невменяемые (недееспособные), хотя последние, разумеется, в известных пределах, за исключением изъятий, предусмотренных в законе.

Наконец, некоторые авторы полагают, что правильнее говорить не о «деликтоспособности» или «уголовной правоспособности», а об «уголовной праводееспособности», связывая ее не только с вменяемостью, но и с возрастом. Они считают, что понятия «уголовная правоспособность» и «уголовная дееспособность» представляют собой «особый вид правоспособности и дееспособности по советскому праву». Поэтому имеются все основания оперировать понятием «уголовной праводееспособности, имея в виду, что она возникает по достижении гражданином возраста уголовной ответственности» [7, с. 112—116]. Представляется, что вменяемость (равно как и возраст) в достаточной мере отражает специфику правоспособности и дееспособности в уголовном праве, и поэтому замена ее «уголовной праводееспособностью» не является необходимой.

Совершенно неприемлемы и представления о вменяемости как об ответственности [5, с. 45] или правосубъектности [12, с. 73]. Следует согласиться с теми, кто справедливо считает, что способность (в чем бы то ни было) «никак не может быть ответственностью, как не может быть обязанностью способность нести обязанность и т. д. Можно и должно говорить о способности быть ответственным и нести ответственность, но нельзя ставить знак равенства между способностью и ответственностью. Такое «определение» ничего не определяет и не поясняет, а, наоборот, смешивая различные понятия, затемняет суть дела» [13, с. 6]. Равным образом отождествление вменяемости и правосубъектности неверно и сужает рамки юридического понятия правосубъектности и его содержания.

Таким образом, расширительное или ограничительное толкование понятия вменяемости в уголовном праве либо его отождествление с другими юридическими категориями создает искаженное представление о ее содержании и назначении. Уголовно-правовая терминология должна быть однозначной, четкой, ясной и понятной. Это одно из неперемных условий правильного понимания, истолкования и применения уголовного закона в правоприменительной практике органов уголовной юстиции, соблюдения конституционного принципа социалистической законности в деятельности органов правосудия.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Курс лекций. — Свердловск, 1972, т. 1.—284 с. 2. *Богомяков Ю. С.* Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вменяемости).—Уфа, 1978. 3. *Братусь Ю. Б.* Юридическая ответственность и законность.—М.: Юрид. лит., 1976, —116 с. 4. *Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А.* Экспертизы на предварительном следствии.—М.: Юрид. лит., 1967.—140 с. 5. Вопросы тео-

рии советского права.—Новосибирск, 1966. 6. *Дагель П. С.* Проблемы вины в советском уголовном праве.—Уч. зап. Дальневосточн. ун-та, 1968, вып. 21, ч. 1, с. 54, 71—72. 7. *Карпушин М. П., Курляндский В. И.* Уголовная ответственность и состав преступления.—М.: Юрид. лит., 1974. 8. *Ковалев М. И.* Советское уголовное право. Курс лекций. Введение в уголовное право. — Свердловск, 1971, вып. 1.—108 с. 9. *Мельникова Ю. Б.* О понятии и сущности уголовно-правовых отношений.—Сов. государство и право, 1970, № 6, с. 91. 10. *Пионтковский А. А.* Уголовное право РСФСР.—М., 1925. 11. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая. Лекции.—СПб., 1911. 12. *Тарарухин С. А.* Установление мотива и квалификация преступления. — Киев, 1977. 13. *Тархов В. А.* Ответственность по советскому гражданскому праву.—Саратов, 1973. 14. *Тихенко С. И.* Невменяемость и вменяемость.—Киев, 1927. 15. *Трахтеров В. С.* Вменяемость как условие уголовной ответственности.—Уч. зап. Харьк. юрид. ин-та, 1957, вып. IX, с. 10—12. 16. *Хомовский А. А.* Производство по применению принудительных мер медицинского характера.—М.: Юрид. лит., 1974.

Поступила в редколлегию 12.01.81.

А. Ф. Зелинский, д-р юрид. наук
Харьков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

1. Уголовное право и криминология, рассматривая внутреннее содержание противоправного поведения, исходят из положений, экспериментально и теоретически разработанных специалистами в области психологии. Это утверждение не лишено известной доли тривиальности. Однако о нем уместно напомнить, так как повышенный интерес криминалистов к личности преступников приводит иногда к дилетантскому использованию устаревших психологических представлений и попыткам создания некой особой, так сказать, собственного изготовления, психологии преступного поведения. Вряд ли такие притязания заслуживают одобрения. Психологическая наука исследует не только нормальное, но и отклоняющееся поведение, в котором общие закономерности душевной деятельности сохраняют свою силу. Такой закономерностью, привлекающей в последние годы повышенный интерес психологов, является *взаимное проникновение сознания и неосознаваемых психических процессов («бессознательного»)*. И хотя диалектико-материалистическая теория неосознаваемой регуляции человеческого поведения еще далека до своей завершенности, накоплен определенный фактический материал и сделан ряд важных и перспективных для правовых наук теоретических обобщений.

В октябре 1979 г. в Тбилиси состоялась международная научная конференция по проблемам неосознаваемой психической деятельности. Ее организаторы — видные советские ученые —

отмечали, что «без учета существования и функций бессознательного, при игнорировании его активности, мы не можем до конца понять психологическую структуру ни одного конкретного акта человеческой деятельности, ни одно проявление душевной жизни человека» [6, с. 730].

Между тем в криминологии и уголовном праве, основные психологические постулаты которых возникли и укрепились в прошлом веке, как правило, полностью отвергается «бессознательное». Отрицание неосознаваемого в правовом поведении основывается на недиалектическом противопоставлении сознания и «бессознательного» в сложной и противоречивой человеческой психике. Как свидетельствуют специальные исследования, формирование мотивов поведения, возникновение решения действовать тем или иным образом, выбор средств его реализации, оценка социального характера поступков совершаются в тесном взаимодействии, более или менее скрытом, сознания и таких психических явлений, которые не осознаются действующим лицом. Между сознанием и «бессознательным» устанавливается не противоборство, как полагали З. Фрейд и его последователи, а постоянное взаимопроникновение [14, с. 204]. «Бессознательное» перерабатывает, готовит и хранит информационный материал для сознания, непосредственно регулирует ряд вспомогательных операций осознанной в целом деятельности. В то же время такие компоненты «бессознательного», как психологическая установка, навыки и интуиция, формируются в процессе сознательного поведения, подчиняются основной направленности сознания данной личности и могут быть осознаны субъектом [7, с. 82—83]. Игнорирование указанного взаимодействия приводит к односторонней «рационализации» человека. Это не соответствует его реальному бытию, ведет к тому, что арсенал правовых и воспитательных средств ориентируется преимущественно на такую схематизированную, «неживую», чрезмерно рационализированную личность. В условиях развитого социалистического общества, где устранены коренные социальные причины преступности, значительная часть преступлений, совершаемых, в частности, подростками, представляет собой проявление тех самых «парадоксов душевной жизни», понять и предупредить которые без использования современных достижений психологии «бессознательного» становится все труднее. Об этом свидетельствуют и судебная практика, и криминологические исследования [12, с. 75; 10, с. 10].

Наиболее распространенный тип современного правонарушителя не соответствует традиционному представлению о преступнике как убежденном противнике правопорядка и общественно-правосознания.

Недостаточная осознанность многих общественно опасных деяний обнаруживается в явном расхождении слова и дела, фак-

тического поведения и жизненных планов. Далеко не всегда такого рода противоречия можно объяснить стремлением скрыть от окружающих подлинные мотивы поступков, хотя и это, конечно, бывает. Противоречия, как правило, порождаются несогласованностью между сознанием и неосознаваемой психологической установкой, выступающей важным звеном системы внутренней регуляции поведения [3, с. 284, 286, 350—354].

2. В свете психологической теории «бессознательного» нуждаются в уточнении некоторые представления о мотивации преступного поведения. Распространенным и господствующим в юридической литературе является положение о том, что только *осознанные* побуждения могут выступать в качестве мотивов преступлений [17, с. 106—113]. При этом обычно ссылаются на слова Ф. Энгельса: «...все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову...» [1, т. 21, с. 290]. Но в данном случае «голова» — это психика, а не только сознание. Еще М. И. Сеченов называл отождествление психики и сознания величайшим заблуждением [19, с. 23]. В другом месте Ф. Энгельс писал: «Истинные движущие силы, которые побуждают его (человека.—А. З.) к деятельности, остаются ему неизвестными... Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления... Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника» [1, т. 39, с. 83]. Советские психологи считают, что подлинные мотивы поступков, как правило, не осознаются субъектом [14, с. 201; 5, с. 84—93]. Это характерно и для преступления, что, в частности, обнаруживается в объяснениях, приводимых обвиняемыми и осужденными: они обычно не в состоянии назвать подлинные мотивы преступлений. В суждениях тех авторов, которые определяют в общей форме мотив как осознанное побуждение, наблюдается известная непоследовательность. Так, Е. А. Лукашева, касаясь нетранзитивного преступного поведения, объясняет его ситуативностью, подвижностью, изменчивостью мотивов, в силу чего они «могли даже не зафиксироваться в сознании человека» [15, с. 312]. Значит, мотивы могут и не осознаваться. А. А. Ковалкин и Д. П. Котов сразу вслед за традиционным определением мотивов как обязательно осознанных и оцененных побуждений пишут, что мотив может осознаваться после совершения преступления, и, таким образом, заявляют о его неосознанности в момент действия [13, с. 41].

Исследуя мотивы преступлений, нужно иметь в виду, что нередко побуждают к деятельности мысли, представления, образы,

желания и идеи, вытесненные» в свое время в подсознание и внезапно активизировавшиеся в мотивах поведения. Это очень важно для понимания подлинных движущих сил так называемых «неожиданных» преступлений.

В процессе мотивации поступков важное место принадлежит психологической установке личности. Она создается прошлой деятельностью и актуальной потребностью, но, как правило, не осознается индивидом. Установка опосредствует влияние внешних воздействий и в известной мере предопределяет личностную реакцию на них. Как считают грузинские психологи, внутреннее, т. е. личностные свойства человека, и внешнее (среда) взаимодействуют не иначе как только через установку [5, с. 45, 93]. По нашему мнению, теория установки дает ключ к объяснению выбора субъектом среды общения и внешних факторов поведения. Широко распространенная в криминологии концепция антиобщественной ценностной ориентации «не работает» при анализе неосторожных и многих умышленных ситуационных преступлений, особенно совершаемых под влиянием аффекта и в состоянии глубокого алкогольного опьянения.

Процесс формирования психологической установки, как отмечают исследователи, протекает на ранних этапах созревания детской психики, что может привести к образованию стойких особенностей личности и формированию ригидных стереотипов поведения, в том числе и таких, которые при определенных условиях выливаются в правонарушения [4, с. 108].

Большой интерес для криминологии могут составить опыты изучения неосознаваемых негативных мотиваций, т. е. влечений к отрицательным эмоциям, наблюдаемых у некоторых людей [6, с. 433—444]. Давно замечено, что отдельные люди добровольно лишают себя житейского и душевного комфорта, идут на встречу опасностям и лишениям. Высокий уровень материального благосостояния при нравственном и эстетическом инфантилизме может способствовать реализации такого рода влечений в антисоциальных формах.

Разумеется, было бы неправильно считать психологическую установку единственным диспозитивным регулятором поведения. Она, по мнению психологов, составляет структурно и иерархически низший уровень диспозиции личности, высшими и доминирующими образованиями которой являются направленность интересов и система ценностных ориентаций [18, с. 22—23]. Установка, как уже отмечалось, формируется в сознательной деятельности, но и сознание в свою очередь зависит от неосознанной установки. Случаи несоответствия поступка общей направленности личности объясняются рассогласованностью элементов диспозиционной системы, когда доминирующая роль в регуляции социально значимого поведения переходит к диспозиции низ-

шего уровня — психологической установке, противоречащей позитивному нравственному сознанию.

3. Сложной и совершенно не разработанной проблемой является ответственность за общественно опасные деяния, в той или иной мере детерминированные неосознаваемыми психическими процессами. Бесспорным признается законодательно закрепленное положение о том, что при расстройстве сознания, когда лицо не отдавало себе отчета в своих действиях или не могло ими руководить, оно признается невменяемым. Но если сознание уступило свою ведущую регулятивную функцию «бессознательному» без патологической причины, т. е. когда отсутствует медицинский критерий невменяемости, ответственность, как известно, не исключается, а в некоторых случаях даже усиливается, например, за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, в том числе и глубокого (п. 11 ст. 41 УК УССР). П. С. Дагель, один из первых криминалистов, обратившихся к проблеме «бессознательного», вынужден был признать, что в рамках действующего уголовного законодательства невозможно адекватно определить форму вины в таких случаях, и возлагал надежды на будущее развитие психологии [9, с. 71—82]. С тех пор прошло 14 лет, и хотя вряд ли можно утверждать, что мы располагаем достоверными данными для решения этой сложной правовой проблемы, все же имеется достаточный материал для ее обсуждения.

При этом следует исходить из того фундаментального факта, что «бессознательное» — не физиологическое, а психическое явление. Это отличает его от различного рода рефлекторных, инстинктивных реакций, которые не признаются действиями. «Бессознательное», как и сознание, представляет собой функцию человеческого мозга. Оно адекватно отражает объективную действительность, но протекает под порогом сознания и во взаимодействии с ним.

Хотя, как уже отмечалось, сознание и «бессознательное» состоят в тесном едином, их влияние на поведение индивида в отдельные моменты может изменяться. Неосознанно производятся привычные операции и действия, когда сознание осуществляет лишь общее руководство поведением. В силу различных причин сфера сознания иногда сужается; оно как бы передает в область «бессознательного» свои функции по регуляции деятельности. Но и при этом «отщепленное» сознание более или менее правильно отражает фактическое ядро поступка, и поведение в целом сохраняет волевой характер. Так обосновывается ответственность за преступления, совершаемые в состоянии сильного душевного волнения или алкогольного опьянения.

По-видимому, в виновности лица, совершившего преступление, необходимо различать психологическое и нравственно-правовое осознание действий. Осознать в нравственном и правовом

отношении — далеко не одно и то же, что просто психологически их осознать. Как верно замечает Б. О. Николаичев, «человек может вполне отдавать отчет себе в своих действиях, поступать в соответствии со своими намерениями, но при этом «забыть» посмотреть на дело с нравственной точки зрения, что, разумеется, не освобождает его от нравственной ответственности, поскольку такая «забывчивость» определяется не индивидуальными особенностями памяти, а нравственным развитием человека, его моральным обликом» [16, с. 74].

Психологическое осознание означает, что субъект отдает себе отчет в своих действиях¹. Оно выступает одним из психологических критериев вменяемости по советскому уголовному праву. Сознанием фиксируется суть поступка на его фактическом, обыденном уровне без рассмотрения его социального, нравственного и правового содержания. Например, грабитель отдает себе отчет в своих действиях и, следовательно, психологически их осознает, если понимает, что без согласия потерпевшего завладевает чужой вещью, а не своей собственной. Насильник понимает, что действует вопреки воле потерпевшей. Но при этом далеко не всегда сознание фиксирует общественно опасный характер деяний. Есть основания утверждать, что большинство лиц, виновных в хулиганстве, грабежах, разбоях, изнасиловании и других посягательствах, совершаемых без предварительного намерения под воздействием ситуационно-импульсивных побуждений, фактически не думало об общественно опасном характере своих действий и, значит, не осознавало их на нравственном уровне [12, с. 65; 10, с. 10]. Еще в меньшей мере осознают общественную опасность своих действий и предвидят их общественно опасные последствия лица, совершившие преступления в состоянии патологических нарушений психической деятельности, не исключающих вменяемость, и в сильной степени алкогольного опьянения [2, с. 18, 33]. Социально-нравственная позиция этих людей в момент их преступного поведения определяется антисоциальными установками, привычками и представлениями, вытесненными в подсознание.

Такова реальность, которую трудно отрицать. Но существует и другая реальность: рассматриваемые общественно опасные деяния совершаются при определенном участии сознания и созданных прошлой сознательной деятельностью неосознаваемых психических явлений. Вина такого рода не может быть неосторожной, поскольку имело место предвидение фактических результатов действий и желание либо допущение их наступления. Но тут возникает трудность, созданная несколько неточными, по нашему мнению, формулировками закона, определяющими

¹ Украинский язык удачно различает два уровня сознания. «Притомність» — это психологическое отражение действительности, «свідомість» — нравственное, социальное сознание.

умышленную вину без учета «бессознательного» и предполагающими обязательное осознание общественно опасного деяния. Законодательное описание умысла вполне соответствует субъективному содержанию таких преднамеренных посягательств, как заранее спланированные кражи, убийства, государственные, хозяйственные и другие преступления. Но к большинству так называемых ситуативных правонарушений оно явно не подходит.

Практика разрешает затруднение довольно просто: суд ограничивается доказательствами психологического осознания деяния, исходя из презумпций, что «осознание субъектом фактической стороны своего поступка рассматривается и как осознание его социального содержания (общественной опасности, аморальности, противоправности и т. п.) «и что «вменяемый человек предвидит все закономерно возможные непосредственные последствия своего поведения» [11, с. 242]. Но такие презумпции ни на чем не основаны. Кроме того, они весьма рискованны, так как могут повлечь произвольные выводы и решения. Чеховский «злоумышленник» осознавал, конечно, фактическую сторону отвинчивания гаек, но был далек от понимания социальной оценки своего поступка.

Представляется, что общее определение умышленной вины нуждается в изменении. Новое определение должно учитывать тесную взаимосвязь сознания с неосознаваемыми психическими явлениями и легализовать фактическое положение дела. По-видимому, следует прямо указать, что умышленно совершает преступление тот, кто отдает себе отчет в своих действиях (т. е. осознает их фактическое содержание), предвидит или допускает наступление указанных в законе последствий. Осознание общественно опасного характера противоправного деяния могло бы стать факультативным признаком субъективной стороны отдельных составов преступлений. Соответствующие изменения в редакции ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик лишь легализовали бы то, что всегда применялось и применяется в судебной практике, что соответствует и простому житейскому опыту, и данным психологии.

В то же время, когда сознательный контроль в силу болезненного состояния виновного был ограничен, целесообразно было бы исходить из уменьшенной вменяемости лица. Как известно, советское уголовное законодательство не знает уменьшенной вменяемости, и большинство криминалистов считает это вполне оправданным. Думается, что с учетом современных достижений патопсихологии и психиатрии к рассмотрению проблемы уменьшенной вменяемости следовало бы вернуться. Заслуживает внимания также предложение о специальной вменяемости как предпосылке ответственности за причинение вреда при управлении современной техникой [8].

4. Учение о неосознаваемой психической деятельности представляет большой интерес для науки исправительно-трудового права и исправительно-трудовой педагогики. Переоценка роли сознания в генезисе преступного поведения в пенитенциарной практике приводит к преобладанию воспитательных средств, ориентированных прежде всего на перевоспитание сознания, что, по-видимому, недостаточно для исключения рецидива. Не случайно, не по редакционному недосмотру в тексте ст. 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик рядом с целью перевоспитания указана также задача исправления осужденных.

Перевоспитание — это изменение сознания под целенаправленным воздействием воспитателей. Исправление, по нашему мнению, — понятие более широкое, включающее также ломку неосознаваемых стереотипов преступного поведения. Поскольку исправление является одной из целей наказания, то исполнение приговора должно сочетаться не только с воспитательными, но и лечебными мерами, и, что самое главное, включением в систему общественно-полезных видов деятельности, ибо прежде всего в деятельности формируется личность с ее сознанием, сверхсознанием и подсознанием.

Таковы некоторые уголовно-правовые и криминологические проблемы, соприкасающиеся с психологическим феноменом неосознаваемой душевной деятельности. Интересы укрепления социалистической законности и повышения эффективности профилактической работы настоятельно требуют их комплексного исследования на основе современных достижений советской психологии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, 39. 2. Александровский Ю. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация (пограничные нервно-психические расстройства).—М.: Наука, 1976.—272 с. 3. Бассин Ф. В. Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности).—М.: Медицина, 1968.—328 с. 4. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е. О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного).—Вопр. философии, 1975, №10, с. 94—108. 5. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. — Тбилиси: Мецниереба, 1978, т. 1.—736 с. 6. Бессознательное: природа, функции, методы исследования.—Тбилиси: Мецниереба, 1979, т. 3.—680 с. 7. Бойко А. Н. Проблема бессознательного в философии и конкретных науках.—Киев: Вища школа, 1978.—136 с. 8. Гринберг М. С. Психофизиологические возможности человека и уголовная ответственность.—Сов. государство и право, 1974, № 12, с. 70—75. 9. Дагель П. С. Проблема «бессознательного» и некоторые вопросы вины в уголовном праве.—Уч. зап. Дальневосточн. ун-та, 1968, т. 14, с. 69—82. 10. Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1972, вып. 15, с. 3—10. 11. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы.—М.: Юрид. лит., 1972.—262 с. 12. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения.—Горький: Изд-во ВШ МВД СССР, 1974.—168 с. 13. Ковалкин А. А., Котов Д. П. Мотивы хулиганства.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1973, № 18, с. 38—46. 14. Леонтьев А. Н. Деятель-

ность. Сознание. Личность.—М.: Политиздат, 1977.—304 с. 15. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность.—М.: Юрид. лит., 1973.—344 с. 16. Николаичев Б. О. Сознаемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности.—М.: Изд-во МГУ, 1976.—96 с. 17. Петелин Б. Я., Мотивация преступного поведения.—Сов. государство и право, 1980, № 4, с. 106—113. 18. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности.—Л.: Наука, 1979.—264 с. 19. Ярошевский М. Г. История психологии.—М.: Мысль, 1976.

Поступила в редколлегию 03.10.80.

В. Н. Дремин
Одесса

ИЗУЧЕНИЕ КРИМИНОГЕННОГО ВЛИЯНИЯ РАНЕЕ СУДИМЫХ ЛИЦ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В уголовно-правовой и криминологической литературе о вовлечении взрослыми, в том числе и ранее судимыми, несовершеннолетних в преступную деятельность недостаточно изучены характер и механизм оказываемого на них криминогенного влияния [2, с. 28; 3, с. 4]. В данной статье в порядке постановки вопроса излагаются некоторые наблюдения, в известной мере восполняющие этот пробел.

Нами были изучены личные дела 500 осужденных, отбывающих наказания за различные преступления в воспитательно-трудовых колониях (ВТК) усиленного режима. Эти осужденные затем были опрошены методом индивидуального формализованного интервью. Кроме того, в нескольких классах средней школы, находящейся в ВТК, осужденные писали сочинение на темы «Мои друзья», «Почему я совершил преступление». В качестве контрольной группы были интервьюированы 920 учащихся общеобразовательных средних школ и ПТУ г. Одессы.

Одна из основных задач исследования — выявление частоты (интенсивности) контактов обследуемых лиц с ранее судимыми людьми, способными оказать на подростков вредное влияние. Получены следующие показатели (см. таблицу).

Обращает на себя внимание неблагоприятное социально-нравственное окружение подростков, совершивших тяжкие преступления и повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы (напомним, что обследование проводилось в ВТК усиленного режима). Почти все они (85,9%) общались с ранее судимыми лицами. Около 30% из них (п. 1—4 таблицы) выросли в семьях, отдельные члены которых, главным образом отцы и старшие братья, уже отвечали перед судом за совершенные преступления. В контрольной группе эти показатели в несколько раз меньше.

Ранее судимые лица из ближайшего окружения	Основная группа (осужденные), %	Контрольная группа (учащиеся), %
1. Только члены семей обследуемых	2,8	2,4
2. Члены семей, а также друзья	1,6	0,3
3. Члены семей и знакомые	10,3	1,9
4. Члены семей, друзья и знакомые	14,8	0,8
5. Только друзья	4,2	2,2
6. Друзья и знакомые	25,1	2,8
7. Только знакомые	27,1	19,6
8. Итого имели контакты с ранее судимыми лицами из ближайшего окружения	85,9	30,0

Усматривается также явное криминогенное влияние и вне-семейного окружения обследованных юных правонарушителей мужского пола. В п. 1 таблицы, отражающем относительное количество семей с судимыми в прошлом членами, показатели почти равны (2,8% в группе правонарушителей и 2,4% — в контрольной). Значит, и осужденные, и учащиеся школ и ПТУ, не имевшие в ближайшем окружении ранее судимых друзей и знакомых, одинаково редко происходят из «криминальных» семей. Но по мере того как расширяется круг контактов с лицами, побывавшими в местах лишения свободы, увеличивается удельный вес подростков с отклоняющимся поведением. Сочетание «члены семьи и друзья» среди ранее судимых, с которыми контактировали воспитанники ВТК, более чем в пять раз превышает такой же показатель в среде правопослушных подростков из контрольной группы (п. 2 таблицы). В таком же соотношении находятся ранее судимые «члены семьи и знакомые» (10,3 и 1,9%). Обращают на себя внимание так называемые «знакомые». Их криминогенное влияние оказывается весьма распространенным в обеих группах (п. 8 таблицы). Там, где оно сочетается с наличием ранее судимых членов семьи, вероятность противоправного поведения возрастает в 15 раз (ср. п. 4; 14,8 и 0,8).

Рассматриваемые количественные показатели свидетельствуют о том, к какой среде тяготеют обследованные. Так, относительное число семей, состоящих из имевших судимость членов, не коррелируется с поведением подростка, если он дружил с преступниками вне семьи (п. 1 таблицы). Но те, кто стал на путь правонарушений, активно расширяют круг криминальных контактов вне семьи. Это наблюдение необходимо учитывать при разработке мер предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Выявлено также, что осужденные, которые имели друзей и знакомых с преступным прошлым, довольно рано (с 12—14 лет) вели антиобщественный образ жизни. Отмечена закономерность: чем хуже вел себя до осуждения подросток, тем чаще и раньше устанавливал он контакты с лицами, ранее судимыми. Следует согласиться с мнением, что «плохая среда» — не только условие формирования, но и своего рода функция «плохой личности», потому что индивид в значительной мере сам избирает свое окружение [1, с. 19]. Как свидетельствует А. И. Долгова, изучившая личные связи несовершеннолетних правонарушителей в одном из городов, почти все они включали криминогенные контакты. При этом такие связи обычно выходили за пределы данного района. Личностные связи правопослушных подростков оказались более ограниченными [4, с. 27].

Стремление несовершеннолетних к общению с авторитетными, с их точки зрения, людьми объясняется действием «эффекта ореола», возникающего, по данным психологии, в результате формирования специфической установки на какое-либо лицо и «направленного приписывания ему на основе этой установки определенных качеств» [1, с. 151]. Многие осужденные, а также авторы школьных сочинений, выполненных в ВТК, высказали мнение, что судимость — это не позор, а напротив, свидетельство смелости и решительности людей, которые «не побоялись сесть в тюрьму». Им приписывались также физическая сила, самоотверженность, готовность к совершению любых действий. Больше половины обследованных положительно относились к основным догмам преступных нравов и обычаев.

Опрос показал, что известным авторитетом среди подростков пользовались ранее судимые воры и грабители. Значительно менее популярны убийцы и насильники. На вопрос: «Как ты относишься к человеку, имеющему судимость?» больше половины ответили положительно, а 30% выразились уклончиво: «Смотря за какое преступление». Таким образом, следует отметить явно неблагоприятный психологический климат, в котором формировались и росли осужденные.

Установлено, что отношение подростков к знакомым и друзьям не зависит от наличия у них судимостей. Лидерство в группе с антиобщественной направленностью определяется не столько криминальным прошлым, сколько личными качествами [5, с. 69]. Предпочтение обычно отдается людям расчетливым, волевым, изворотливым, располагающим к тому же собственными деньгами. Опустившиеся алкоголики не вызывают интереса независимо от их криминального прошлого.

Чаще всего контакты с ранее судимыми лицами устанавливаются по месту жительства. С большинством из них обследованные были знакомы до осуждения. Примерно две третьих из чис-

ла отбывших наказание в виде лишения свободы сохраняют отношения с прежними друзьями и знакомыми, причем характер этих отношений обычно не изменяется [5, с. 61]. Вхождение в круг прежних межличностных отношений — вообще-то явление положительное, поскольку оно способствует социальной адаптации освобожденных из ИТУ. Но часть восстановленных связей является нежелательной; она содействует рецидиву и криминогенно влияет на партнеров по общению. Повышение эффективности профилактической работы по месту жительства ранее судимых лиц — одно из важных направлений в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Признавая тесное общение с ранее судимыми лицами, обследованные подростки, как правило, отрицали криминогенное влияние этих своих приятелей. На вопрос о том, опасаются ли они восстановления преступных связей после освобождения, большинство (78%) ответило отрицательно. Типичный ответ: «Я сам себе хозяин». В подобных высказываниях отражается возрастная психология подростков, их стремление к самостоятельности и независимости. Кроме того, как известно, нежелательная информация, противоречащая мнению лица о себе (так называемый когнитивный диссонанс) вытесняется в подсознание. Поэтому к заявлениям, преуменьшающим влияние взрослых на противоправное поведение несовершеннолетних, следует относиться критически.

Таковы некоторые итоги исследования криминогенного влияния взрослых правонарушителей на несовершеннолетних. Затронутая проблема нуждается в углубленном комплексном исследовании. Не изучены, в частности, способы психологического воздействия ранее судимых лиц на подростков, зависимость такого воздействия от продолжительности общения и др. Представляет интерес и вопрос, как влияет на сознание несовершеннолетних само событие преступления, свидетелем которого он явился или о котором ему рассказали ранее судимые лица. Важно также выработать формы нейтрализации неблагоприятного влияния на подростков со стороны антисоциальных элементов.

Список литературы: 1. *Андреева Г. М.* Социальная психология.—М.: Изд-во МГУ, 1975.—414 с. 2. *Бабаев М. М., Антонян Ю. М.* Социальная среда и личность преступников — мигрантов и постоянных жителей.—В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1975, вып. 22, с. 3—19. 3. *Бриллиантов А.* Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство и доведение до состояния опьянения.—Сов. юстиция, 1977, № 18, с. 27—28. 4. *Долгова А. И.* Проблемы профилактики криминогенных групп несовершеннолетних. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, 1980, вып. 32, с. 16—30. 5. *Зелинский А. Ф.* Рецидив преступлений. Структура. Связи. Прогнозирование. — Харьков: Вища школа, 1980. — 151 с.

Поступила в редколлегию 21.04.81.

ОБЪЕКТ ПРИПИСОК И ДРУГИХ ИСКАЖЕНИЙ ОТЧЕТНОСТИ О ВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНОВ

Установление родового и непосредственного объекта приписок и других искажений отчетности о выполнении планов как хозяйственного преступления имеет важное значение для выяснения содержания и степени общественной опасности этого преступления, правильной квалификации деяния, отграничения от смежных преступлений и назначения справедливого наказания. В юридической литературе общим объектом преступления признаются социалистические общественные отношения, охраняемые нормами уголовного закона. Вопрос же о родовом объекте хозяйственных преступлений неоднократно обсуждался и до сих пор является дискуссионным. В обобщенном виде можно наметить четыре основные точки зрения. Одни авторы считают родовым объектом хозяйственных преступлений интересы социалистического хозяйства [7, с. 323; 8, с. 47], другие — общественные отношения в области использования хозяйственных ресурсов [4, с. 20], третьи — социалистическую систему хозяйства [2, с. 15—17], четвертые — порядок [6, с. 66], принципы [1, с. 92] социалистического хозяйствования.

Для установления родового объекта хозяйственных преступлений необходимо прежде всего выяснить содержание понятия «социалистическая система хозяйства».

Политическая экономия определяет социалистическую систему хозяйства не только как планомерно организованную систему общественного производства, но и как совокупность предприятий, отраслей и сфер общественного производства, базирующихся на общественной собственности на средства производства и свободном труде. Иначе говоря, социалистическая система хозяйства образует статические и динамические части единого целого. Статическая часть представляет собой внутреннее строение хозяйства, динамическая — как атрибут любого структурного образования — сложную систему общественной деятельности по ведению народного хозяйства: производство общественно-полезного продукта, выполнение работы, оказание услуг, а также деятельности по руководству и управлению ведением хозяйства. Совокупность общественных отношений, связанных с ведением хозяйства, руководством и управлением им есть социалистическое хозяйствование. Оно включает звенья хозяйственной деятельности: ведение, руководство и управление хозяйством. Именно социалистическая система хозяйствования и выступает как родовый объект хозяйственных преступлений и приписок в том числе.

Такое понимание родового объекта хозяйственных преступлений подтверждается и тем, что в ряде норм законодатель прямо указывает на нарушение деятельности по ведению хозяйства как звена в социалистической системе хозяйствования (например, нарушение ветеринарных правил, правил охоты, правил борьбы с болезнями и вредителями растений и др.), а в некоторых случаях на преступность соответствующих форм ведения хозяйства (частнопредпринимательская деятельность, коммерческое посредничество).

Вопрос о непосредственном объекте приписок и других искажений отчетности о выполнении планов неоднократно освещался в литературе, однако довольно противоречиво. Некоторые юристы отмечают, что непосредственным объектом данного посягательства являются интересы всего социалистического народного хозяйства, поскольку факты очковтирательства могут иметь место в его различных отраслях (областях) [3, с. 8]. Это утверждение нельзя признать правильным, ибо оно отождествляет родовой и непосредственный объекты анализируемого преступления. Непосредственный же объект преступления отражает принципиальное содержание родового объекта, конкретизирует, «уменьшает» его объем, подчеркивает свою специфичность.

Н. А. Эртевциан считает непосредственным объектом этого преступления государственную отчетность и отчетные данные о выполнении планов [9, с. 3]. Здесь объект как общественное отношение подменяется предметом посягательства.

Иногда непосредственным объектом рассматриваемого преступления называют «нормальную деятельность государственных и общественных организаций» [5, с. 15—16]. Эту позицию нельзя признать правильной, так как здесь сущность охраняемого законом общественного отношения по управлению народным хозяйством подменяется общественным отношением по нормальному функционированию государственных органов в управлении хозяйством.

Социалистическая система хозяйствования включает в себя наряду с непосредственным ведением хозяйства также и руководство, управление хозяйством. Система хозяйственного руководства — это комплекс хозяйственной деятельности, проявляющейся в выполнении определенных функций. Одной из них является осуществление социалистической организацией функции по учету и отчетности (статистики). Функция учета и отчетности призвана обеспечить сбор и систематизацию информации о динамике хозяйственных процессов. Производство образует непрерывно повторяющийся процесс. Каждый последующий цикл не может повторяться в отрыве от предшествующего. Для обеспечения такой непрерывности и последующей разработки программы нужна исходная база, что обуславливает потребность учета

результатов хозяйственной деятельности. С помощью материалов учета и отчетности достигается количественная и качественная оценка и дается характеристика итогов выполнения производственной программы, что необходимо для возобновления процесса производства.

Осуществление функций учета и отчетности состоит в точном и неуклонном исполнении органами хозяйственного руководства адресованных им нормативных предписаний. Орган любого структурного звена народного хозяйства в лице соответствующего предприятия, объединения корреспондирует эту обязанность уполномоченным должностным лицам, на которых и возлагается хозяйственное руководство данным звеном. Исполнение же хозяйственным руководством норм, устанавливающих порядок учета и отчетности, входит в понятие государственной дисциплины.

Основу государственной дисциплины образуют законодательные предписания, обязательный характер которых обеспечивается возможностью государственного принуждения. Отсюда следует, что государственная отчетная дисциплина как форма государственной дисциплины представляет собой конкретное предписание по своевременному представлению в установленные адреса и по установленным формам достоверных учетных сведений и отчетных данных о выполнении планов. Невыполнение должностным лицом, в обязанность которого входят представление государственной отчетности и ответственность за достоверность имеющихся в ней сведений о выполнении планов, этого предписания есть нарушение государственной отчетной дисциплины.

Указанное позволяет заключить, что приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов причиняют ущерб социалистической системе хозяйствования, нарушая общественные отношения, составляющие содержание *государственной отчетной дисциплины*.

Иное, что всегда характеризует приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов, — это то, что во всех случаях их совершения осложняется оптимальное планирование народнохозяйственных процессов, которое представляет собой экономическую деятельность государства по управлению и регулированию общественным производством. Планирование невозможно без знания результатов выполнения предыдущих планов. Планирование всегда начинается с изучения и тщательного анализа государственной отчетности о выполнении планов всех предприятий и организаций за предшествующий период, ибо оно основывается на знании достигнутого уровня развития народного хозяйства, а знание это — итог анализа статистических и бухгалтерских отчетных данных. Однако если такие данные не

соответствуют истинному положению вещей, это неизбежно влечет за собой и неверное составление планового задания, искажает перспективу экономического развития. Планирование расширенного воспроизводства народного хозяйства всегда предполагает динамическое планирование.

Следовательно, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов нарушают также и *оптимальное планирование народного хозяйства СССР*.

Таким образом, рассматриваемое посягательство нарушает общественные отношения, составляющие содержание государственной отчетной дисциплины, а также оптимальное планирование народного хозяйства СССР. Это нарушение неизбежно сказывается на руководстве и управлении народным хозяйством, выступающих самостоятельными звеньями социалистической системы хозяйствования. Такое определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 147¹ УК УССР, в полной мере раскрывает содержание и общественную опасность приписок и других искажений отчетности о выполнении планов, вред родовому объекту всегда причиняется именно путем нарушения государственной отчетной дисциплины и оптимального планирования народного хозяйства СССР.

Список литературы: 1. *Беляев Н. А.* Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны социалистических общественных отношений. — Правоведение, 1977, № 5, с. 91—94. 2. *Вольфман Г. И.* Квалификация преступлений против советской торговли. — Саратов, 1977. — 140 с. 3. *Ляпунов Ю. И.* Хозяйственные преступления. — М.: Изд-во ВШ МООП РСФСР, 1964. — 28 с. 4. *Некипелов П. Т.* Понятие и система хозяйственных преступлений по советскому уголовному праву. — Ростов, 1963. — 160 с. 5. *Пинхасов Б. И.* Защита документов по советскому праву. — Ташкент, Узбекистан, 1976. — 196 с. 6. *Сергеева Т. Л.* К вопросу об объекте преступлений против советского социалистического хозяйства. — Сов. государство и право, 1961, № 2, с. 68—78. 7. Советское уголовное право. Часть особенная. — М.: Юрид. лит., 1973. — 575 с. 8. *Широков В. А.* Ответственность за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов. — Тр. ВЮЗИ «Актуальные вопросы уголовного права», 1977, т. 49, с. 46—56. 9. *Эртевицян Н. А.* Первоначальные следственные действия по делам о приписках. — Казань, 1966. — 57 с.

Поступила в редколлегию 28.11.79.

В. А. Р и я к а
Харьков

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СССР О РАТИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что «стержневым направлением внешнеполитической деятельности партии и государства была и остается борьба за ослабление угрозы войны,

обуздание гонки вооружений» [2, с. 26]. В силу этого международный договор, соответствующий основным принципам международного права, выступает важнейшим инструментом сотрудничества между государствами.

Все более актуальными становятся совершенствование внутреннего законодательства государств, касающегося ратификации международных договоров как института государственного и международного права, а также изучение института ратификации в истории советского законодательства. Большая часть заключаемых международных договоров и соглашений подлежит ратификации. Поэтому подписание многих международных договоров представляет собой не заключительную, а промежуточную стадию их заключения. В связи со сказанным исследование теоретических вопросов истории, развития института ратификации международных договоров является весьма актуальным.

Советское государство с первых дней своего существования уделяло значительное внимание правовой регламентации вопросов договорных отношений. В. И. Ленин твердо выступал за строгое соблюдение заключенных международных договоров и соглашений [1, т. 44, с. 298]. Рассматривая вопросы теории и практики международных договоров, он придавал большое значение стадии их окончательного утверждения, которая придает договорам особую авторитетность: «Напомню лишь наше основное условие: мы готовы заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только, миром, т. е. чтобы он был формально подписан и утвержден правительствами Англии, Франции, Соединенных Штатов, Японии, Италии...» [1, т. 39, с. 115]. Таким образом, утверждение международного договора высшими органами власти выступало как важный инструмент урегулирования договорных отношений молодого Советского государства с другими странами.

Конституция РСФСР 1918 г. уделяла значительное внимание этим вопросам и в п. «б» ст 51 определяла, что ведению Всероссийского съезда Советов подлежит ратификация международных договоров. Их окончательное утверждение являлось исключительной прерогативой верховного органа народного представительства. Вместе с тем международно-правовая практика того времени свидетельствовала о том, что в силу сложившегося обычая ратифицировать международные договоры мог и ВЦИК [6, с. 142]. Следовательно, правом ратификации международных договоров обладали Всероссийский съезд Советов и ВЦИК. В период между сессиями Президиум осуществлял полномочия ВЦИКа и фактически также имел право ратифицировать договоры и соглашения, за исключением мирных договоров

(п. 3 ст. 51), хотя прямо на это Конституция РСФСР 1918 г. не указывала (ст. 45 Конституции лишь упоминала о Президиуме, компетенция его не раскрывалась).

В Конституции СССР 1924 г. остался неразрешенным вопрос о ратификации международных договоров и соглашений торгового, экономического, культурного и иного порядка. Законодатель не определил необходимость ратификации иных договоров (кроме мирных) и не указал ратифицирующий орган.

Договорная практика первых лет существования РСФСР свидетельствовала о том, что наиболее важные договоры и соглашения ратифицировались, т. е. ратификация как стадия заключения договоров осуществлялась тогда, когда Советское государство стремилось подчеркнуть важность подписанных соглашений. Если договор ратификации не подлежал, то он утверждался СНК РСФСР. Если в самом договоре была обусловлена его ратификация или он должен ратифицироваться на основании Конституции, то ратификацию осуществлял Всероссийский съезд Советов или ВЦИК или Президиум ВЦИКа в период между сессиями.

Конституции других советских республик 1919—1922 гг. в вопросах правовой регламентации договорных отношений восприняли основные положения Конституции РСФСР 1918 г.

Конституция СССР 1924 г. регламентировала вопросы договорных отношений только в общей форме. И это обусловило необходимость принятия многих дополнений (постановлений, положений и т. п.), развивающих определенные положения Конституции. В разделе II главы 1 ст. 1 п. «е» устанавливалось, что ведению СССР в лице его верховных органов подлежит ратификация международных договоров. Такая общая редакция важного положения нуждалась в уточнении и дополнении. Особое значение это приобретало ввиду расширения договорных связей с другими странами, стремления СССР к стабильности его международных договоров и повышения их авторитета. Проект дополнений и уточнений был разработан Наркоминделом и представлен в мае 1925 г. I сессии ЦИК СССР 3-го созыва. В постановлении «О порядке заключения и ратификации международных договоров Союза ССР», принятом ЦИК СССР 21 мая 1925 г., говорилось, что данное постановление развивает положения ст. 1 Конституции, в частности п. «а» и «е»: «Ратификации подлежат договоры и соглашения о заключении мира, об изменении границ Союза ССР, а равно договоры, требующие ратификации согласно законам страны, с которой договор заключался» [4, с. 253—254]. Тем самым законодатель придавал особый вес договорам по наиболее важным вопросам, которые подлежали утверждению верховной властью государства. Эта же сессия ЦИК определила, что в силу ст. 29 Конституции пра-

вом ратификации международных договоров в период между сессиями наделялся Президиум ЦИКа СССР.

Дальнейшим шагом в деле регламентации договорных отношений СССР явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 2 октября 1925 г. «О порядке представления международных договоров и соглашений, заключаемых от имени Союза ССР, на одобрение, утверждение и ратификацию Правительства Союза ССР». Оно определило порядок одобрения международных договоров Правительством СССР и порядок их ратификации. Все договоры СССР, заключаемые с иностранными государствами, нуждались в предварительном одобрении Правительством, а ратификация осуществлялась Съездом Советов Союза ССР, ЦИКом СССР или его Президиумом [3, 1925, № 68, отд. I, ст. 503].

Названные законодательные акты сыграли важную роль в процессе становления института ратификации международных договоров в СССР, обеспечив широкое участие представителей трудящихся в лице Съезда Советов Союза ССР, ЦИКа или его Президиума, при окончательном утверждении заключаемых договоров и соглашений.

15 июня 1927 г. было принято постановление ЦИК СНК СССР «О дополнении постановления о порядке заключения и ратификации международных договоров Союза ССР» [3, 1927, № 40, отд. I, ст. 393]. Несмотря на название указанного постановления, оно касалось не ратификации, а денонсации международных договоров и соглашений.

Конституция СССР 1936 г. обобщила имеющийся опыт договорных отношений СССР с другими странами. В ней содержались положения, касающиеся регламентации договорной практики, которые отличались от соответствующих постановлений Конституции СССР 1924 г. Так, ст. 14 п. «а» Конституции СССР 1936 г. относил к ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления заключение и ратификацию договоров с другими государствами.

Конституция СССР 1924 г. относил к компетенции верховных органов власти и управления заключение политических и иных договоров (п. «а»), положение же о их ратификации закреплялось в п. «е» ст. 1. Конституция СССР 1936 г. изменила структуру и названия органов государственной власти. Высшим органом государственной власти в стране стал Верховный Совет СССР, который сосредоточил в своих руках верховные полномочия также в области внешних отношений. Выборы в Верховный Совет СССР стали осуществляться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Все граждане СССР (за исключением лишенных избира-

тельных прав по закону) независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, имущественного положения и прошлой деятельности получили право участвовать в выборах депутатов и быть избранными. Каждый гражданин наделялся одним голосом и принимал участие в выборах на равных основаниях [4, с. 358]. Это способствовало дальнейшему усилению роли и влияния Верховного Совета СССР как общегосударственного представительного учреждения в системе органов власти Советского государства и избираемого им Президиума, который, как правило, и осуществлял ратификацию международных договоров. Следовательно, Конституция СССР 1936 г. предоставила право ратифицировать международные договоры и соглашения Президиуму либо Верховному Совету СССР.

Стремясь к повышению авторитета договоров СССР, в особенности подлежащих ратификации в соответствии с Конституцией СССР 1936 г., 2-я сессия Верховного Совета СССР 20 августа 1938 г. приняла Закон «О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР». Пункт «м» ст. 49 Конституции СССР 1936 г. гласит, что Президиум Верховного Совета СССР ратифицирует международные договоры. Принятый Закон уточнил, какие именно договоры подлежат ратификации Президиумом Верховного Совета СССР. Это наиболее важные договоры, а именно: мирные договоры, договоры о взаимной обороне от агрессии, договоры о взаимном ненападении. Ратификации могли подлежать и те договоры, относительно которых стороны договорились о последующей ратификации. Все прочие договоры утверждались Советским Правительством [4, с. 372—373].

Практика последующих лет показала, что ратификации подвергались международные договоры различных наименований и самого различного содержания. Новизна Закона 1938 г. по сравнению с действовавшими ранее нормативными актами проявлялась, во-первых, в расширении категорий договоров, подлежащих ратификации, во-вторых, Закон указывает, что ратификации подлежат международные договоры, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации. И, наконец, в-третьих, законодатель отказался от упоминания ратификации договоров, которая была необходима по законам страны-контрагента.

Указанный закон сыграл важную роль в деле дальнейшей регламентации договорных связей СССР. Однако с течением времени возникла необходимость в разработке нового закона, что было продиктовано принятием Конституции СССР 1977 г. Новая Конституция СССР в развернутом виде закрепила принципы внешней политики СССР, тем самым возведя их в ранг государственно-правовых конституционных принципов. «СССР

неуклонно проводит ленинскую политику мира, выступает за укрепление безопасности народов и широкое международное сотрудничество» — это положение открывает главу 4 Конституции СССР 1977 г. В ст. 121 говорится, что ратификация международных договоров относится к компетенции Президиума Верховного Совета Союза ССР. Здесь не сказано, может ли Верховный Совет СССР сам ратифицировать международные договоры. Однако в силу ст. 108 Конституции такая возможность, несомненно, имеется. Верховный Совет СССР вправе разрешать вопросы, которые отнесены к компетенции его Президиума, поскольку он как высший государственный орган народного представительства может взять на себя все основные права, которыми обладает Президиум.

Развивая положения Конституции СССР 1977 г., Верховный Совет СССР 6 июля 1978 г. принял новый закон о международных договорах СССР «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР». Его принятие обуславливалось необходимостью применять закон, во-первых, более современный и всеохватывающий, во-вторых, соответствующий современной договорной практике, в-третьих, в максимальной мере способствующий претворению в жизнь целей и принципов ленинской миролюбивой политики.

По своему объему в сравнении с предыдущими законодательными актами, определяющими порядок заключения, исполнения и денонсации международных договоров, Закон 1978 г. является наиболее полным и исчерпывающим. Так, постановление «О порядке заключения и ратификации международных договоров Союза ССР» от 21 мая 1925 г. содержало всего две статьи; Закон «О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР» от 20 августа 1938 г. — три статьи; вновь принятый Закон «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР» состоит из 30 статей, хотя, конечно, он посвящен регулированию и других вопросов, а не только собственно ратификации.

Закон устанавливает строго определенный порядок окончательного утверждения международных договоров СССР. Ст. 12 указывает, какие международные договоры СССР подлежат обязательной ратификации. «Ратификации подлежат международные договоры СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, договоры о взаимном отказе от применения силы или угрозы силой, мирные договоры, договоры о территориальном разграничении СССР с другими государствами, договоры, устанавливающие иные правила, чем те, которые содержатся в законодательных актах СССР. Равным образом ратификации подлежат международные договоры СССР, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации. Прези-

диум Верховного Совета СССР может ратифицировать также иные международные договоры СССР» [5]. Круг договоров, нуждающихся в ратификации, значительно расширился. И это является убедительным свидетельством дальнейшего стремления СССР к повышению авторитетности и стабильности международных договоров, к укреплению силы международных обязательств нашей страны. Возросла роль Президиума Верховного Совета СССР, так как расширился круг такого рода договоров, которые подлежат обязательной ратификации. В немалой степени этому способствовало закрепление положения, согласно которому Президиум вправе ратифицировать любой договор.

Таким образом, ст. 12 Закона расширила круг договоров, подлежащих ратификации, стремясь к стабильности международных договоров, их незыблемости. Вместе с тем это усиливало роль Президиума Верховного Совета как коллегиального высшего органа государственной власти в осуществлении договорных связей с другими странами.

Договоры, которые в дальнейшем подлежат ратификации, предварительно рассматриваются Советом Министров СССР, одобряются и представляются Президиуму Верховного Совета СССР. По поручению Президиума Верховного Совета СССР комиссии по иностранным делам обеих палат Верховного Совета СССР могут высказать свое мнение по поводу рассматриваемых международных договоров (ст. 14 Закона). «Наиболее важные договоры, — отмечает А. Н. Талалаев, — Президиум передает на рассмотрение и одобрение на совместном заседании постоянных комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР, которые предварительно рассматривают международные договоры и разрабатывают соответствующие заключения» [7, с. 157].

Президиум Верховного Совета СССР рассматривает международные договоры, подлежащие ратификации, и принимает по ним определенное решение. Решение о ратификации международного договора выражается в издании Указа. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР ратификация оформляется в виде специального акта, который называют ратификационной грамотой (ст. 15 Закона). Ратификационная грамота подписывается Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Без подписания ратификационной грамоты нет самой ратификации.

Таким образом, новый Закон детально регламентирует порядок ратификации международных договоров, значительно дополняя и совершенствуя существовавшие нормативные акты.

Существующую систему законодательства о ратификации международных договоров дополнили конституции союзных республик. Так, в ст. 13 Конституции УССР указывается, что Президиум Верховного Совета УССР осуществляет ратификацию международных договоров. Включение такого положения в текст конституции союзной республики является логически последовательным и целесообразным, так как после принятия закона от 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних отношений и о преобразовании в связи с этим Народного Комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат» Президиумы союзных республик фактически ратифицировали международные договоры [6, с. 230—231, 252].

Следовательно, советская система законодательства о ратификации международных договоров состоит из трех звеньев: положения Конституции СССР 1977 г., положения Закона «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР» от 6 июля 1978 г. и положения конституций союзных республик. Представляется, что система законодательства о ратификации международных договоров нуждается в дополнении, которое должно явиться ее логическим завершением. Свидетельством необходимости разработки и принятия законов, регламентирующих договорные отношения союзных республик, в том числе и ратификацию заключенных союзными республиками договоров, является принятие новых конституций союзных республик и включение в них положений о ратификации международных договоров. Как известно, союзные республики вступают в договорные отношения с другими государствами по различным вопросам, в том числе политическим, экономическим, культурным. Разработка законов, регламентирующих договорные отношения союзных республик с другими государствами, осуществляемая на основе Конституции СССР 1977 г., конституций союзных республик 1978 г., Закона от 6 июля 1978 г., т. е. дальнейшее совершенствование законодательства союзных республик, принесет большой полезный эффект. Новые законы позволят точнее регулировать вопросы договорных сношений союзных республик, будут способствовать дальнейшему повышению роли и авторитета международных договоров, заключенных ими.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, 44. 2. Материалы XXVI съезда КПСС.—М.: Политиздат, 1981.—224 с. 3. Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 4. История Советской Конституции. Сборник документов. 1917—1957. — М.: Госполитиздат, 1957.—550 с. 5. Ведомости Верховного Совета СССР, 1978, № 28, ст. 439. 6. Буткевич В. Г. Советское право и международный договор.—Киев: Вища школа, 1977.—260 с. 7. Талалаев А. Н. Право международных договоров.—М.: Юрид лит., 1980.—311 с.

Поступила в редколлегию 09.03.81.

СОДЕРЖАНИЕ

Страхов Н. Н. XXVI съезд КПСС о перспективах развития и совершенствования социалистической государственности	3
Мурашин Г. А. Некоторые проблемы совершенствования деятельности правоохранительных органов в свете решений XXVI съезда КПСС и новейшего законодательства	9
Москаленко И. М., Гайворонский В. Н. Некоторые правовые вопросы совершенствования хозяйственного механизма	16
Жушман В. П. К вопросу о совершенствовании правового регулирования прямых длительных хозяйственных связей	22
Петеряйко А. И. К вопросу о правовом положении учебно-научно-производственного объединения	30
Попов В. К. Право оперативного управления имуществом — форма реализации материальных интересов в межхозяйственной кооперации	37
Носко Л. Я. О юридической природе договоров на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей	45
Черниченко С. А. В. И. Ленин и укрепление социалистической законности в первые годы нэпа	50
Глухачев Е. Ф. Специфика проявления демократических принципов в деятельности местных Советов в годы Великой Отечественной войны (На материалах УССР)	57
Барабаш А. Т., Копайгора И. Д. К вопросу о трудовой функции	65
Короткова Л. П. Совершенствование законодательства об ответственности родителей за воспитание детей	71
Самойленко В. М. Содержание и осуществление права личной собственности на автомобиль	73
Сурилов А. В., Аракелян М. Р. Проблема законности и целесообразности в механизме государственно-правовой природоохраны	80
Лозо В. И. Лесной кодекс УССР — лесоохранный закон развитого социализма	86
Таций В. Я. Уголовная ответственность за хозяйственные преступления по УК УССР 1927 г.	96
Кривоченко Л. Н. К дискуссии об уголовном проступке	105
Панов Н. И. Об изучении способа совершения преступления (методологический аспект)	111
Борисов В. И. Причинная связь при преступном нарушении правил безопасности социалистического производства	118
Михеев Р. И. Вменяемость в советском уголовном праве	125
Зелинский А. Ф. Некоторые вопросы криминологии и уголовного права в связи с проблемой несознаваемых психических процессов	134
Дремин В. Н. Изучение кримиогенного влияния ранее судимых лиц на несовершеннолетних	142
Архипцев Н. И. Объект приписок и других искажений отчетности о выполнении планов	146
Ряйка В. А. Развитие законодательства СССР о ратификации международных договоров	149